

ДАНИЭЛА
СТИЛ

Герцогиня

Annotation

Из роскошного родового замка – в грязь и нищету парижских улиц...

Из мишурного блеска парижского полусвета – в бурный, почти еще дикий Нью-Йорк...

Юная Анжелика Латэм даже не подозревала, что ей, дочери английского герцога, придется познать унижение, нищету и одиночество, а затем стать хозяйкой самого дорогого и знаменитого борделя веселого «города любви».

Но где, в каких краях и на каких берегах ей предстояло обрести любовь и счастье?..

- [Даниэла Стил](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
-

Даниэла Стил
Герцогиня

Глава 1

Великолепный замок Белгрейв непоколебимо стоял в самом сердце Хартфордшира с шестнадцатого века. Без малого триста лет одиннадцать поколений рода Латэм бережно передавали его от отца к сыну. Нынешний владелец замка – Филипп Латэм, герцог Уэстерфилд – чтит традиции предков и содержал семейное достояние в образцовом порядке.

Земли поместья простирались далеко за горизонт – обширные леса, поля фермеров-арендаторов, большое озеро, изобилующее рыбой. Филипп управлял имением с юных лет, после того как его отец погиб во время охоты. Под бдительным оком хозяина замок и окрестности процветали.

Сейчас, в свои семьдесят четыре, герцог постепенно передавал познания в области рачительного ведения хозяйства старшему сыну, Тристану. Тот был явно готов принять титул герцога и взять на себя заботы по управлению имением. Ему исполнилось сорок пять лет, он был женат и имел двух дочерей. Второй сын, Эдвард, в свои сорок два года не обзавелся ни супругой, ни законными детьми, хотя внебрачных наплодил немало. Точное число назвать не мог даже сам распутник. Азартные игры и вино интересовали его больше, чем последствия любовных походов. Таким образом, на Тристане и Эдварде мужская линия Латэмов пресекалась. И у Филиппа хватало поводов для размышлений и волнений.

Оба джентльмена были детьми Филиппа и его первой супруги, Арабеллы, приходившейся мужу троюродной сестрой и происходившей из графского рода. Она обладала весьма немалыми достоинствами – богатым приданым, безупречным воспитанием и красотой. Когда они обвенчались, Уэстерфилду было двадцать восемь, а невесте совсем недавно исполнилось семнадцать. Арабелла и молодой герцог составляли прекрасную пару.

Однако вскоре Филипп обнаружил, что за красивой внешностью жены скрывалась довольно холодная и не слишком приятная личность, все сильнее проступавшая с возрастом. Ее гораздо больше интересовала светская суэта, нежели жизнь собственного семейства. Когда Тристану исполнилось семь лет, Арабелла скончалась от острой инфлюэнцы. Герцогу пришлось растить сыновей одному. Конечно, не без помощи гувернеров, вдовствующей герцогини – матери Филиппа – и обширного штата прислуги.

Многие пытались выдать своих дочерей за вдовца, но безуспешно. И только через двадцать лет после смерти жены герцог снова влюбился.

Мари-Изабель приходилась кузиной французскому королю Людовику XVI, казненному во время Французской революции. Дочь маркиза, представительница Орлеанского дома с одной стороны и династии Бурбонов с другой, она родилась в первый год революции. Ее родители вскоре сошли в могилу вслед за королем. Их замок сожгли дотла, все имущество разграбили. Маркиз, предчувствуя трагическое развитие событий, успел отправить Мари-Изабель в Англию к друзьям, оставив распоряжения на случай своей гибели.

Она была необыкновенно красива – белокурые волосы, огромные синие глаза, фарфоровый цвет кожи и восхитительная фигура.

Уэстерфилд тоже произвел на юную француженку большое впечатление. Спустя четыре месяца после знакомства влюбленные обвенчались.

Мари-Изабель полюбила Белгрейв так же сильно, как и ее супруг. Она участвовала в управлении домом и помогала менять обстановку в нем на более современную. Все в ней души не чаяли. В свои пятьдесят пять Филипп чувствовал себя рядом с Мари-Изабель мальчишкой.

Их жизнь текла словно в сказке, пусть и короткой. В первый год брака Мари-Изабель родила мужу дочь и умерла через два дня после родов. Анжелика оказалась очень похожа на мать, у нее были такие же светлые волосы и большие небесно-синие глаза. Потеряв жену, Филипп обратил всю свою любовь на дочь. Он повсюду брал Анжелику с собой и научил всему, чему учил ее братьев, а возможно, и гораздо большему. Анжелика унаследовала от отца страсть к Белгрейву, а также его управленческие таланты. Они часто советовались, как им поступить по делам имения, не раз Уэстерфилд слушался совета дочери и никогда не жалел об этом.

Обучали Анжелику дома, и благодаря гувернантке-француженке она прекрасно говорила на родном языке матери. Этого хотел Филипп.

Шли годы. Герцог старел, и Анжелика прекрасно о нем заботилась. Одним словом, она была идеальной дочерью.

Филипп испытывал угрызения совести, что редко вывозит ее в Лондон. Поездки в столицу отнимали у него много сил, а интерес к светской жизни он потерял давным-давно. В 1821 году состоялась коронация Георга IV. Филипп, приходящийся королю кузеном, был приглашен на церемонию и взял Анжелику с собой. Ей тогда было двенадцать лет. Юную леди поразили размах торжества и следовавших за ним праздничных мероприятий. Филипп вернулся в Хартфордшир изможденным, но, видя счастье в глазах Анжелики, о поездке не пожалел.

С тех пор Уэстерфилд часто думал о первом сезоне дочери, о бале,

который ему предстояло организовать в особняке на Гросвенор-сквер. Как же ему не хотелось этого делать! Наверняка Анжелике сразу же найдется жених – иначе просто быть не могло. А Филипп еще не был готов с ней расстаться.

Несколькими годами ранее он позволил Тристану с супругой и дочерьми поселиться в лондонском особняке. Элизабет, жена наследника Белгрейва, вполне могла представить Анжелику высшему обществу. От герцога требовались только деньги. Однако Тристан и Эдвард испытывали нездоровую зависть к Анжелике, а ее мать терпеть не могли и, пожалуй, даже ненавидели. Герцог горевал по этому поводу, и с каждым годом его беспокойство за дочь росло.

Согласно закону, титул, имущество и земли переходили Тристану – кроме небольшой доли денег и усадьбы под Белгрейвом, в которой жила вдовствующая герцогиня. Это причиталось Эдварду. Анжелике Филипп не мог передать ровным счетом ничего. Кроме того, согласно положению о наследовании Тристан не имел никаких обязательств перед сестрой. Герцог несколько раз выражал старшему сыну свое желание, чтобы тот заботился о единокровной сестре, например, позволил ей жить в большом доме во владениях Уэстерфилдов, называвшемся просто Коттеджем. Однако воздействовать на Тристана герцог никак не мог.

Многие бессонные ночи Уэстерфилд провел, пытаясь измыслить выход из бедственного положения, в которое могла попасть дочь. Его здоровье со временем отнюдь не крепло.

Уже целый месяц Филипп страдал от инфекции легких, и Анжелика была крайне обеспокоена. Стоял необычайно холодный ноябрь, и верная дочь распорядилась постоянно поддерживать огонь в камине в спальне герцога. Зимой в Белгрейве нередко случались заморозки, а в этом году снег выпал еще в октябре. Анжелика отчетливо слышала завывание могучего ветра снаружи, пока читала отцу, сидя у его постели.

В полдень в спальню заглянула миссис Уайт, экономка, и осведомилась о самочувствии герцога. Посоветовавшись, они с Анжеликой решили, что пора посылать за врачом. Так же считал и камердинер Филиппа, Джон Маркхэм, верой и правдой служивший своему хозяину еще задолго до того, как у герцога появилась дочь. Всех тревожило ухудшающееся состояние Уэстерфилда.

Домом заправлял дворецкий Хобсон, соперничавший с Маркхэмом за внимание герцога. Но сейчас, в столь беспокойное для всех время, и он примирился с камердинером. Анжелика испытывала к слугам большую благодарность за их верность ее отцу, всеми любимому, доброму и очень

доброжелательному хозяину. Эти же качества Филипп привил и дочери.

Анжелика знала каждого лакея, каждую горничную по имени, знала, чем живут конюхи и смотрители замка, была знакома с арендаторами отцовских земель и их семьями. При встрече она всегда интересовалась их жизнью, например, когда проверяла белье вместе с миссис Уайт или выслушивала отчет о положении дел на кухне.

Кухарка, миссис Уильямс, была женщиной доброй, но правила своей вотчиной железной рукой, раздавала указания подчиненным, словно матерый сержант, и спуска никому не давала. Однако ее строгость в полной мере оправдывали отменный вкус и изысканность меню. Сейчас она искушала герцога его любимыми лакомствами, но вот уже три дня блюда возвращались на кухню нетронутыми. От такого зрелища на глаза кухарки наворачивались слезы. Она боялась, что это дурной знак. Те, кто видел Уэстерфилда, соглашались с ней.

Филипп выглядел ужасно и никак не реагировал на заботу, которой его окружили дочь и любящие слуги. Все, что он делал, – это спал, и больше ему ничего не хотелось. Это было на него не похоже. Пусть герцогу и исполнилось семьдесят четыре года, он всегда оставался энергичным, интересующимся решительно всем, что происходило вокруг.

После отъезда доктора Анжелика пыталась уговорить отца съесть суп, приготовленный миссис Уильямс, но герцог лишь вяло отмахнулся.

– Папа, прошу вас, попробуйте. Это очень вкусно, и вы сильно обидите нашу кухарку, если не отведаете хотя бы ложку.

В ответ герцог попытался что-то возразить, но не успел и слова сказать – долгий приступ кашля настиг его. Спустя пять минут он в изнеможении откинулся на подушки. Не было никаких сомнений – Филипп очень ослаб, как бы Анжелике ни хотелось верить в обратное. Отец уснул, пока она держала его за руку. Маркхэм несколько раз останавливался на пороге комнаты, тихо заглядывал внутрь и так же тихо уходил.

– Как чувствует себя его светлость? – спросил Хобсон, когда они встретились на кухне.

– Все так же, – с беспокойством ответил Маркхэм.

– Что же будет с юной бедняжкой? – вздохнула миссис Уайт. – Если что-то случится с его светлостью, судьба Анжелики окажется в руках братьев.

– К сожалению, ничего не поделаешь, – ответил Хобсон. Желал бы он не беспокоиться об Анжелике так же, как экономка, но не получалось. Он полагал, что лучшим для дочери герцога было бы выйти замуж до кончины отца, оставаясь под защитой супруга и с отцовским приданым. Но

Анжелика не появлялась в свете, хотя могла это сделать еще прошлым летом. Ни ей, ни Уэстерфилду этого не хотелось. Теперь, если отец не поправится, она сможет отправиться на свой первый бал только с Тристаном. Однако старший брат не испытывал интереса к ее будущему. У него было две дочери, сильно уступающие в красоте и обаянии тетушке. Анжелика была всего на год старше их и наверняка произвела бы сенсацию в свете – чего совершенно не хотели Тристан и его жена.

Вскоре после ужина Маркхэм вновь отправился проведать герцога. Тот по-прежнему спал, Анжелика едва притронулась к пище и явно недавно плакала. Конечно, она знала, что рано или поздно отец покинет ее, но была к этому не готова, и боялась, что страшный миг наступит совсем скоро.

Прошло еще три дня. Состояние Филиппа не ухудшалось, но и не улучшалось. Однажды ночью он открыл глаза и четко сказал Анжелике:

– Я желаю отправиться в кабинет.

Бодрый тон его голоса напомнил дочери те времена, когда отец был здоров, и она обрадовалась. Но если у герцога и появились силы, их следовало беречь.

– Не сегодня, папа. Ночь выдалась слишком холодная.

В небольшом кабинете, примыкающем к спальне, камин не разжигали, ведь герцог не покидал постель уже больше недели.

– Не спорь со мной, – строго возразил Филипп. – Мне нужно тебе кое-что вручить.

На мгновение Анжелика задумалась, не бредит ли он, но герцог выглядел полностью вменяемым.

– Папа, вы можете сделать это завтра, или скажите, что нужно, и я принесу.

Филипп молча отбросил одеяло и встал. В каждом его движении сквозила железная решимость. Боясь, что отец все же упадет, Анжелика бросилась к нему и подхватила под руку. Медленно ступая, они направились в кабинет.

Как Анжелика и опасалась, в комнате царил холод, словно они вышли на улицу. Однако отца это не остановило. Точно зная, что ищет, он подошел к одной из полок, взял толстый фолиант в кожаном переплете и тяжело опустился в кресло. Анжелика зажгла свечу на письменном столе и увидела, что середина страниц в книге вырезана. Из тайника Филипп вынул кожаный кошелек и письмо. После чего поставил книгу на место и, опираясь на дочь, вернулся в постель.

– Анжелика, я хочу, чтобы ты спрятала эти вещи в безопасном месте, – произнес герцог, протягивая ей содержимое тайника. – Никому не

рассказывай о них. Хочется верить, что, когда меня не станет, твой брат позаботится о тебе, но закон не на твоей стороне. Не трать деньги сейчас. Храни их до последнего и используй только в случае крайней необходимости. Если ты не захочешь оставаться в Белгрейве или по каким-то причинам тебе придется его покинуть, ты сможешь купить дом и жить, ни в чем себе не отказывая.

Филипп говорил будничным тоном о событиях, о которых Анжелике было даже страшно помыслить, но сам он думал о них беспрестанно.

– Папа, не говорите так! – со слезами ответила она. – Разве я смогу не захотеть здесь остаться, зачем мне покупать дом? Белгрейв – вот наш дом.

От речи отца у нее побежали мурашки. Она походила на испуганное маленькое дитя.

– Дочь моя, тебе не нужно читать письмо прямо сейчас. Прочти его после того, как я... покину тебя. Когда это случится, Белгрейв будет домом Тристана и Элизабет. Твоя жизнь станет зависеть от их щедрости, протекать по их правилам. У них есть две дочери, о которых надо заботиться. Они не будут думать о твоём будущем, но о нём уже давно думаю я. Здесь двадцать пять тысяч фунтов – этого хватит надолго, если тратить их с умом. Моя дорогая, я искренне надеюсь, что Белгрейв будет твоим домом всю жизнь или хотя бы до замужества, но я не могу предвидеть будущее. Я попросил Тристана позволить тебе жить в замке или в Коттедже, однако мне все же будет спокойнее, если я буду знать, что у тебя есть собственные средства. Я препоручаю эти деньги тебе вместе со всей своей любовью. Письмо подтверждает – я выдал их тебе при жизни и они в твоём полном распоряжении.

По щекам Анжелики текли слезы, но отец действительно выглядел сейчас гораздо спокойнее, чем в прошлые дни. Она поняла, что мысли о её будущем не давали ему покоя, и, передав ей вещи из тайника, герцог испытал облегчение. Анжелика взяла кошелек и письмо, и отец с усталой улыбкой откинулся на подушки.

– Папа, мне не нужно все это, и вам не следовало напрягаться сейчас...

Анжелика знала: это его первый шаг на пути в мир иной, и она вовсе не хотела помогать ему в этом путешествии. Но и расстраивать отца тоже не желала, хотя и не могла вообразить, что ей делать с двадцатью пятью тысячами фунтов. Умопомрачительная сумма – и теперь она принадлежала Анжелике. На самом деле эти деньги – все, что у нее было. После смерти герцога она будет менее зависимой от содержания, которое выделит ей брат. Щедрый подарок отца давал ей определенную защиту.

– Спасибо, папа, – с трудом выговорила она сквозь слезы и поцеловала

его.

– А теперь я посплю, – тихо произнес герцог, закрывая глаза, и спустя мгновение заснул.

Анжелика сидела рядом, глядя на пламя камина и сжимая в руках кошелек и письмо.

Да, если герцог умрет, она сможет достойно жить, но все, чего Анжелика хотела, – это чтобы ее отец прожил еще очень и очень долго.

Она прочла письмо. В нем подтверждалось, что двадцать пять тысяч фунтов – это денежный дар герцога, а также говорилось, что Анжелике следует хранить при себе все украшения матери. Анжелика знала: если Тристан попросит, ей придется вернуть все семейные драгоценности, которые отец передал дочери, но подарки Филиппа второй жене она отдавать не обязана. Уэстерфилд сделал для нее все возможное, и оставалось лишь молиться о сыновнем почтении к просьбе старика уважать и содержать сестру как подобает. Анжелика была уверена: пусть Тристан и ненавидел ее мать, отца он послушается.

Этой ночью и отец, и дочь спали крепко и впервые за много дней спокойно.

Глава 2

Утром Анжелика, Маркхэм и миссис Уайт сошлись во мнении, что герцогу стало хуже. Несмотря на разожженный камин и горы одеял и пледов, Филипп дрожал в ознобе. К тому же участились тяжелейшие приступы кашля.

Срочно вызванный доктор подтвердил, что состояние его светлости ухудшилось. Анжелика испугалась: вдруг виной тому то, что отец вставал ночью с постели? Однако, по словам доктора, болезнь осложнялась инфекцией в легких. А делать обычное в таких случаях кровопускание было рискованно – герцог был слишком слаб. Доктор чуть было не предложил послать за сыновьями Филиппа, но решил не волновать Анжелику еще больше – она и так очень тревожилась за здоровье отца.

Во второй половине дня Уэстерфилд ненадолго проснулся и первым делом спросил Анжелику, спрятала ли она его дар в безопасном месте, а получив положительный ответ, снова задремал с улыбкой на устах.

Вновь он пробудился лишь около полуночи. Казалось, ему стало лучше, хотя жар и не спал.

– Папа, вам непременно нужно выздороветь, я не могу без вас, – Анжелика поцеловала его в щеку.

Он улыбнулся, кивнул и закрыл глаза снова, погружаясь в сон. Анжелика не отпускала его руку. Герцог спал спокойно, не ворочаясь и не бредя. Дыхание было размеренным, без хрипа. Через некоторое время оно затихло. Дочь поцеловала герцога в лоб и попыталась нежно разбудить, но Филипп уже скончался. Чудесный отец, прекрасный муж, образцовый землевладелец оставил этот мир. Теперь герцогом Уэстерфилдом стал Тристан, пусть он еще и не знал этого.

Остаток ночи Анжелика провела у постели усопшего, а утром отправилась к Хобсону и поведала тому печальное известие. Немедленно послали за доктором. Тот подтвердил, что его светлость действительно скончался ночью, и выразил соболезнование дочери покойного. Новость постепенно распространялась по дому. Анжелике казалось, что ей снится дурной сон. Обмыв и одев герцога, слуги перенесли тело в библиотеку, где оно должно было покоиться до приезда наследника. Отправленный в Лондон слуга вернулся с наступлением ночи и возвестил о том, что его светлость приедет утром. Такое обращение к брату резало Анжелике слух, но такова была правда. Титул и Белгрейв теперь по праву принадлежали

Тристану.

Весь день и большую часть ночи Анжелика оставалась с отцом, и лишь увещания миссис Уайт побудили ее немного отдохнуть. Словно контуженая, Анжелика побрела на кухню есть суп, приготовленный миссис Уильямс. Она не помнила, когда в последний раз ела, но не чувствовала голода. Отец, которого она так любила, умер. Неважно, что будет дальше – невозможно представить жизнь в Белгрейве да и где бы то ни было без него. В голове стучала одна мысль: теперь она сирота. Никто не сможет заменить ей родителя. Мир вдруг стал бесконечно пустым...

Впервые за много дней Анжелика заснула в собственной постели и крепко проспала до утра, пока ее не разбудил шум, доносящийся с улицы. Она выглянула в окно. Тристан, одетый в пышный траур, направлялся к дверям замка. Новый герцог приехал в свои владения.

Надев строгое черное платье с высоким воротником, Анжелика вышла к брату в столовую. Ее на миг ошеломило, что Тристан сидит на отцовском месте – во главе стола. Впрочем, теперь это место по праву принадлежало ему. Анжелика подошла к Тристану и обняла его. Он застыл в ее объятиях, словно каменное изваяние.

– Доброе утро, Тристан, – тихо проговорила она и села рядом с ним. – Ты уже видел папу?

Он покачал головой:

– Я зайду после завтрака. Жутко проголодался в дороге.

Не зная, что сказать, Анжелика кивнула. Сама она едва могла есть. Поразительно. Почему он первым делом не зашел к отцу?

– Элизабет тоже приедет сегодня, – продолжил новоиспеченный герцог Уэстерфилд. – Я приказал Хобсону и миссис Уайт распорядиться о подготовке комнат – с супругой придут и наши дочери. Эдвард появится завтра. Я подумал, похороны стоит назначить на воскресенье.

Анжелику поразил тон брата – будто он говорил о ежедневной рутине. Столь же будничным тоном он поведал, что их отца ждет погребение в семейном склепе, и это весьма удачно, поскольку земля уже промерзла и копать могилу в таких условиях практически невозможно.

После завтрака Анжелика отправилась к себе, но заметила, что в комнате отца горничные застилают постель. Сначала она подумала, что они наводят порядок, но затем увидела огонь в камине и цветы в вазах.

– Что здесь происходит? – спросила Анжелика. От приготовлений комната выглядела еще печальнее. Казалось, будто отец вот-вот в нее войдет.

– Миссис Уайт распорядилась привести все в порядок для его

светлости и герцогини, – ответила главная горничная, Маргарет.

– Они будут спать тут? Уже этой ночью? – словно громом пораженная промолвила Анжелика.

Служанка кивнула. Подумать только!

Оказалось, что и для дочерей Тристана готовят отнюдь не те спальни, которые обычно отводились им во время визитов в Белгрейв. В их новой комнате, как правило, размещали представителей Короны.

С трудом осознавая происходящее, Анжелика напонила себе, что ей следует во всем соглашаться с братом и другими членами семейства и всячески им помогать. Но все-таки перемены происходили слишком быстро и слишком резко. Отца еще даже не похоронили! Прошел всего день с его кончины. Успокоившись и собравшись с силами, она спустилась на первый этаж и встретила Тристана, покидающего библиотеку.

– Кстати, – немедленно проговорил тот, смерив ее пристальным холодным взглядом, – Элизабет решила, тебе стоит перебраться в одну из комнат поменьше, для гостей. Она ни в чем не хочет ограничивать наших дочерей в их новом доме, а Гвинет всегда нравился вид из твоего окна.

Но... ведь это и ее дом тоже! Как же так?

Однако со вчерашнего дня Белгрейв стал в первую очередь домом Тристана и его жены. Анжелика действительно приобрела статус гостыи. То, чего боялся отец, началось.

– Конечно, я все приготовлю для нее, – кротко ответила она.

Анжелика решила переселиться в одну из комнат на том же этаже, но подальше от семейства брата, чтобы не мешать им.

– Элизабет считает, тебе будет лучше в одной из комнат наверху, – продолжил Тристан.

Весь верхний этаж, о котором говорил брат, действительно отводился гостям. Впрочем, не самым почетным: комнаты были маловаты и обставлены старой мебелью. И хотя в каждой имелся камин, обогревались они посредственно. Комфортную жизнь в замке Анжелике обеспечивать явно не собирались. Возможно, стоит серьезно задуматься о переезде в Коттедж, как и намекал отец.

За несколько часов полностью освободить комнату было невозможно, но Анжелика все-таки принялась за дело немедленно. Она освободила от большей части вещей гардеробы, комод и убрала бумаги с письменного стола. Заперев кошелек, подаренный отцом, в ящике стола новой спальни, она отправилась вниз, проверить ход приготовлений к приезду ее племянниц и Элизабет.

Миссис Уайт лично руководила горничными, и все комнаты были уже

в идеальном порядке. Анжелика не смогла заставить себя войти в отцовскую спальню и всякий раз, когда слуги называли Тристана «его светлостью», едва не вздрагивала. Тяжело было видеть в нем хозяина Белгрейва. Впрочем, она знала, что рано или поздно Тристан унаследует титул и владения отца. К тому же, пусть ее старший брат и обладал некоторой заносчивостью и большим самомнением, будь наследником Эдвард, ситуация оказалась бы гораздо печальнее. Младший брат промотал бы все за считанные месяцы.

Тристан же планировал провести неделю после похорон с управляющим имением, дабы вникнуть во все детали ведения хозяйства в замке. Конечно, он многое знал от отца, но все-таки не столь подробно, как ему того хотелось. Кроме того, он считал отца слишком мягким и щедрым хозяином. Тристан предпочитал строгое отношение к слугам и уже давно планировал урезать расходы на прислугу – уволив одну часть и сократив жалованье другой.

В связи с этим – и не только – внизу царил отнюдь не радостная атмосфера. Тристан совал свой нос во все происходящее в доме, вплоть до мелочей, и засыпал Хобсона вопросами. Дворецкий хранил внешнюю невозмутимость и безупречную вежливость, но Анжелика чувствовала: поведение нового хозяина его раздражало.

Во второй половине дня в нарочито пышном экипаже, запряженном четырьмя вороными конями, которыми правили два кучера, прибыли Элизабет и дочери. Все три были одеты в пышные торжественные, пусть и черные, платья и шляпы. Лицо герцогини скрывалось за вуалью, а плечи покрывала накидка из чернобурых лисиц.

С высокомерным видом троица прошествовала в замок, оставив встретивших их слуг стоять на морозе.

Оглядевшись в главном зале, Элизабет ледяным тоном громко объявила:

– Интересно, как много времени уйдет у нас на приведение замка в подобающую чистоту?!

Замок, однако, всегда поддерживался в безупречном порядке стараниями миссис Уайт, которая очень этим гордилась.

Анжелика, как и слуги, вышла навстречу родственницам, но новая хозяйка Белгрейва прошла мимо нее как ни в чем не бывало, не обронив ни слова. Гвинет и Луиза же смирили тетю пренебрежительными взглядами, словно она здесь никто.

Анжелика проводила Гвинет в свою комнату и выразила надежду, что та с удовольствием проведет здесь время, на что племянница рассмеялась:

– Я вообще-то въезжаю сюда. Матушка сказала, так нужно. Остальные свои вещи можете забрать завтра.

Анжелика не произнесла ни слова, решив, что поговорит об этом с Элизабет. Неужели придется поселиться в тесной комнате наверху, где сорок лет не было ремонта? Ее собственная спальня – похоже, отныне принадлежащая Гвинет, – последний раз переделывалась всего три года назад, на пятнадцатый день рождения Анжелики. Она вместе с отцом уехала во Флоренцию с визитом к его старому другу, а когда вернулась, в комнате уже красовались обои из розового сатина и новая мебель прямиком из Парижа.

Переезд в Коттедж манил все больше и больше.

Элизабет раздавала указания направо и налево, распорядившись изменить меню на ужин. Новоиспеченной герцогине было все равно, что до вечера оставалось совсем немного времени, да и все в замке еще не пришли в себя после смерти старого герцога. Она холодно заявила, что все члены ее семейства обладают деликатными желудками и не могут есть деревенскую пищу. От таких слов кухарка побагровела: она всегда гордилась изысканностью своих блюд, часто сверяла рецепты с рецептами поваров лучших домов Лондона и выписывала журналы о французской кухне. «Деревенской пищей» ее блюда еще никто не называл.

За ужином Элизабет объявила о больших переменах, которые собиралась произвести в Белгрейве, в том числе о смене мебелировки и новой отделке многих комнат. Гвинет и Луиза весь вечер грубили слугам, и их никто не одергивал, а после ужина поднялись в бывшую комнату Анжелики, даже не пожелав тете доброй ночи. Тристан с супругой отправились в кабинет и захлопнули перед ней дверь, заявив, что хотят поговорить с глазу на глаз.

Анжелика немного побыла с отцом, а затем поднялась в отведенную ей комнату, упала на постель и расплакалась. Проведать скорбящую дочь прежнего герцога зашла миссис Уайт.

– Вы в порядке? – озабоченно спросила домоправительница. Она понимала, как это тяжело: потерять отца и мириться с подлым поведением Тристана, его жены и детей. Но, к сожалению, миссис Уайт была всего лишь прислугой и ничем не могла помочь дочери Филиппа, как бы горячо ни любила ее за доброту и хозяйственность. Все, что могли слуги, – это осуждать действия новоиспеченной герцогской четы в разговорах между собой.

Анжелика кивнула и попыталась улыбнуться, хотя по щекам текли слезы. Миссис Уайт вела себя с ней как мать. Она начала служить в

Белгрейве еще задолго до того, как покойный герцог женился на Мари-Изабель. Экономка одной из первых держала новорожденную дочь бедной герцогини на руках.

Для Фионы Уайт, не имеющей собственной семьи и детей, Анжелика стала любимым ребенком.

– Все так... изменилось, – произнесла Анжелика, чувствуя себя неловко. Ей не хотелось жаловаться или невольно грубить брату за его спиной.

– Перемен не избежать, – промолвила в ответ экономка, погладив несчастную сироту по голове. – Но новый герцог и его семья очень уж спешат заявить нам, что Белгрейв теперь принадлежит им.

Анжелика молча кивнула.

– Впрочем, совсем скоро им надоест жить здесь и они вернутся в Лондон, – с улыбкой продолжила миссис Уайт. – Они городские аристократы, их быстро начнет снедать скука.

– Надеюсь, вы правы, – согласилась Анжелика, хотя и сомневалась, что это так. Со слов Гвинет она поняла, что Тристан и его семейство весьма серьезно настроены остаться в замке надолго.

– О, я уверена в собственной правоте, а как только они отбудут, все вернется на круги своя.

За тем исключением, что прежнего герцога уже не воскресить. Для Анжелики это обстоятельство меняло все, в отличие от слуг. Нынешнему Уэстерфилду требовалась прислуга, но в Анжелике он вовсе не нуждался. Подумаешь, единокровная сестра от ненавистой мачехи. Ее упрятать бы на чердак, словно ненужную вещь, и забыть о ней. То, как быстро ее выгнали из собственной комнаты, говорило о многом.

Пожелав Анжелике спокойной ночи, миссис Уайт отправилась вниз. По пути ей встретился Хобсон.

– Как она? – с очевидным волнением спросил он.

– Расстроена, и неудивительно, – ответила экономка. – Тело ее отца едва остыло, а они уже ведут себя с ней так, будто Анжелика одна из нас.

Дворецкий покачал головой. Его потрясло поведение Тристана и Элизабет.

– Его светлости не пришлось бы по нраву то, что сейчас творится, – молвил Хобсон, однако тот, о ком он говорил, уже отошел в мир иной, а его наследник имел каменное сердце.

Ночью Анжелика много часов пролежала без сна, раздумывая о событиях последних двух дней. Ее новая комната была ужасно холодной, окна не закрывались до конца, впуская внутрь ледяной ветер. К утру она

продрогла до костей.

Когда Анжелика спустилась к завтраку, Тристан даже не оторвал взгляд от газеты. Элизабет с дочерьми завтракали в постели, чего Анжелика никогда не делала. Она всегда спускалась в столовую и беседовала с отцом, обсуждая планы на день, книги, события в мире. Брат не обмолвился с ней ни словом, лишь напомнил вернуть фамильные драгоценности, кроме купленных Филиппом второй жене. Храня стоическое выражение лица, она отдала украшения спустя полчаса.

Вскоре после обеда в элегантном экипаже, запряженном четверкой лошадей, прибыл Эдвард. За каретой следовали два его лучших скакуна. Жизнь в замке он находил крайне скучной, в отличие от лондонской, и явно намеревался заняться верховой ездой – единственным, по его мнению, развлечением в Белгрейве.

Эдвард не обращал никакого внимания на Анжелику и, после того, как порадовался роскошным комнатам, выделенным ему невесткой, отправился изучать окрестности на одном из своих скакунов – отцовским конюшням он не доверял, говоря, что лошади там слишком смирные.

Тем временем в замок стекались местные жители, чтобы попрощаться со старым герцогом. Тихо перешептываясь, многие выходили из библиотеки в слезах.

После очередного утомительного дня Анжелика легла в постель изнуренной. На этот раз она прихватила несколько горячих кирпичей, замотанных в ткань, завесила окна одеялами и развела огонь в камине. Однако холод оказался непобедим, и эту ночь она провела не лучше, чем предыдущую.

Утром Филиппа Латэма, герцога Уэстерфилда, похоронили в родовой усыпальнице рядом с родителями и обеими женами. После поминального обеда новый герцог попросил Анжелику присоединиться к нему в библиотеке, где совсем недавно лежало тело Филиппа.

– Я хотел поговорить с тобой, – непринужденно заявил его светлость. – Мы с Элизабет много обсуждали это... Я знаю, для тебя, да и, пожалуй, для слуг сложилась непростая ситуация. Отец позволял тебе заниматься домашним хозяйством, но теперь в твоей помощи нет нужды. Элизабет все реорганизует и будет за всем следить. – Тристан говорил так, словно сестра была малым ребенком, однако Анжелика, несмотря на юный возраст, отлично управлялась с ведением дома. – Будет крайне неловко, если окажется, что здесь для тебя нет дела, – продолжил Тристан, – да и мы не хотим смущать слуг...

– Я уверена, они не испытывают никаких сомнений в том, кто хозяин

Белгрейва, – несколько нервно ответила Анжелика. – Они прекрасно понимают, что теперь это ваши земли и ваш дом, которым будет управлять Элизабет. Мы все ожидали этого, папе нездоровилось уже очень давно. – Конечно, смерть отца разбила ей сердце, но все-таки не застала врасплох. Просто Анжелике не хотелось даже думать о таком развитии событий. – И я ни в коем случае не собираюсь вам мешать.

– Именно об этом мы с Элизабет и раздумывали.

– Папа полагал, что со временем мне следует переселиться в Коттедж. Возможно, момент настал? – поколебавшись, произнесла она.

– Нет, конечно, нет, – Тристан решительно отменил эту идею. – Девушка твоего возраста не может жить одна. Кроме того, у нас другие планы на Коттедж. Мать Элизабет неважно себя чувствует в последнее время, может быть, загородный воздух пойдет ей на пользу. У нас для тебя другое предложение. Анжелика, как тебе известно, наш отец не оставил тебе ничего. Не мог по закону. Он попросил, чтобы я выплачивал тебе пособие, но, откровенно говоря, выполнить его просьбу было бы верхом безответственности с моей стороны. Отец старел, и некоторые из его последних идей – настоящий бред. Я не могу уменьшить расходы на поддержание дел в Белгрейве из-за твоего пособия. Кроме того, так поступить – крайне нечестно по отношению к моим дочерям. Уверен, тебе отнюдь не хочется быть для нас обузой.

– Нет, нет, конечно, нет, – смущенно вставила Анжелика, не понимая, к чему он клонит.

– К сожалению, вынужден заметить: у юных дам в твоей ситуации нет выбора. Они должны работать. Но для работы, например, учительницей у тебя нет образования. Многие девушки из приличных семей становятся гувернантками и живут под защитой своих нанимателей. Однако ты, опять же, не имеешь ни образования, ни опыта такой работы. Но ничто не мешает тебе стать нянькой – тогда спустя некоторое время, проведенное в усердных трудах, у тебя появится возможность попробовать себя в роли гувернантки. Мы с Элизабет хотим помочь тебе в этом благородном начинании. Когда отец заболел и я понял, чем все закончится, я поговорил с некоторыми весьма уважаемыми друзьями, и один из них согласился нанять тебя няней, правда, за небольшое жалованье, поскольку у тебя отсутствует опыт. Живет он в Гэмпшире, у него четверо маленьких детей. И он, и его жена люди в высшей степени приятные и добрые.

После этих слов Тристан улыбнулся, словно сделал сестре громадное одолжение, которому она должна быть бесконечно рада.

Анжелика побледнела и чуть не упала в обморок. Однако, не желая

доставлять брату такое удовольствие, собрала всю волю в кулак и расправила плечи. Как и боялся Филипп, Тристану нельзя было доверять заботу о сестре. Новоиспеченный герцог оказался подлецом и нарушил обещание, данное отцу, выдворяя ее из дома. В это было сложно поверить! Хотя, учитывая, как сильно Тристан, Эдвард и Элизабет ненавидели Анжелику, такой поворот событий оказался неудивителен.

– Мы уже обо всем договорились, – заверил ее брат. – Большую часть вещей можешь оставить здесь, они будут храниться на чердаке. В ближайшем будущем тебе вряд ли понадобится изысканный гардероб, ты будешь носить простое платье, подходящее няне, и фартук. Мы собирались поставить тебя в известность позже, через неделю-другую, но, похоже, прежняя няня уезжает раньше, чем они рассчитывали, и тебе необходимо как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей. Мне кажется, это очень своевременно: никаких долгих дней скорби по отцу – у Фергюсонов твоя голова будет занята мыслями о службе.

О, да если послушать Тристана, то все складывалось прекрасно, однако сути его поступка это не меняло. Он вонзал нож в спину сестры, отправляя ее на нелегкий заработок подальше от дома. Вот его долгожданная месть за отцовскую любовь к ней.

– Когда я должна прибыть на место? – выдавила Анжелика, с ужасом глядя на брата.

– Завтра. Ты уезжаешь на рассвете, в коляске – ни в коем случае не в отцовском экипаже. Ты теперь работающая женщина, и тебе не подобает разъезжать в карете. Уверен, ты отлично справишься со всем и однажды станешь гувернанткой. Сможешь учить детей французскому.

Тристана всегда раздражало, что его сестра говорит по-французски. Впрочем, он и пальцем не пошевелил, чтобы выучить еще один язык.

Теперь Анжелика поняла: отец сделал ей бесценный дар, но не смог защитить от участи слуги в чужом доме. Впрочем, он наказал не тратить деньги без крайней необходимости, и она послушается его. Если ее уволят или потребуется купить дом, она воспользуется содержимым кошелька. А пока ей будут выплачивать жалованье и предоставят крышу над головой. Анжелика была уверена, что сможет найти другой способ зарабатывать и в жизни ее ждет нечто большее, чем такая судьба.

– Итак, решено, – сказал Тристан, поднимаясь из кресла. – Сегодня у тебя много хлопот – следует паковать вещи. Не надо прощаться с Элизабет и юными леди – я попрощаюсь с тобой за них.

Желая ему спокойной ночи, Анжелика знала: она никогда не вернется в родной дом. Белгрейв и время, проведенное здесь с отцом, останутся лишь

в памяти, как чудесное наваждение. Тристан и его жена-злодейка лишили ее почти всего.

– Может быть, они думали, что это ее сломит?

– Как бы не так! Да, ей тяжело. Но Анжелика будет сражаться до последнего за свою судьбу. Им назло.

Выйдя из библиотеки, Тристан стал подниматься по лестнице. Анжелика представила, как он входит в отцовскую спальню и говорит Элизабет, что с делом его сестры покончено. Они разделились с ней в точности так, как того хотели.

В эту минуту Анжелика возненавидела брата, как никогда в жизни.

Она отправилась повидаться с миссис Уайт. Экономка как раз закрывала свою конторку рядом с кабинетом Хобсона и желала дворецкому доброй ночи.

– Что случилось, дитя мое? – спросила экономка, едва завидя Анжелику. Та сейчас выглядела вовсе не как леди, а как маленькая девочка, так знакомая домохозяйнице.

– Они отправляют меня работать няней!

– Что-что? – поразился Хобсон. – Невозможно! Его светлость никогда не позволил бы такому случиться!

Оба старых слуги были поражены жестокостью и вероломством новых хозяев. Новый герцог нарушил слово, данное отцу, и просто избавился от сестры, вместо того чтобы заботиться о ней. Не успела Анжелика лишиться отца, как сразу же потеряла дом.

– Однажды они попросят вас вернуться, – с надеждой произнесла миссис Уайт, хотя знала – Тристан недобрый человек, и его супруга также была жестокосердной, эгоистичной и жадной.

Анжелика упала в объятия экономки. Хобсон отвернулся, чтобы женщины не видели слез, катившихся по его щекам. Он не мог смириться с поступками герцогской четы, но и помочь был не в состоянии. Бедное дитя, ей пришлось повзрослеть слишком рано.

– Я буду в порядке, – храбро заметила Анжелика.

– Вы будете писать нам, правда? – спросила домохозяйница.

– Конечно. Первое письмо отправлю по приезде. А вы?

– Естественно, да, – ответила миссис Уайт и снова обняла Анжелику.

Анжелика отправилась к себе, собирать вещи к отъезду. Все красивые платья, книги и некоторые безделушки она уложила в сундуки. Небольшой портрет отца, миниатюрное изображение матери, самые любимые книги, несколько скромных платьев и строгих шляпок, а также веер матери, нравившийся Анжелике с самого детства, упаковала в дорожные сумки.

Заснула она с чувством, будто завтра утром ее ждет гильотина, как и предков по материнской линии.

Позавтракала Анжелика в комнате для слуг, после чего Хобсон и миссис Уайт, словно любящие родители, проводили ее к небольшой коляске. Они – все, что осталось у нее от семьи. Глядя ей вслед, дворецкий и экономка плакали.

Из окна бывшей отцовской спальни за ее отъездом наблюдал Тристан. Дочь французской шлюшки наконец-то освободила его земли, его замок. О, как он ждал этого момента и какое упоение испытывал сейчас!

Дочь покойного Филиппа Латэма, герцога Уэстерфилда, смотрела в будущее хоть и с неизбежным страхом, но с храбростью и достоинством. В одной из дорожных сумок лежал заветный кошелек. Анжелика снова и снова благодарила отца за щедрый подарок. Когда-нибудь на эти деньги она купит дом и, если придется, проживет на них. Но не сейчас. Не сейчас.

В замке Белгрейв тем утром воцарилась странная тишина, словно из имения вытянули всю жизнь. Все, кто трудился в нем, поняли: без прежнего владельца и его дочери настали темные времена. На все вопросы об Анжелике Хобсон и миссис Уайт лишь пожимали плечами и отвечали: «Ее нет». Тристан Латэм, герцог Уэстерфилд, хранил молчание. Но все поняли: леди Анжелика уехала и они никогда больше ее не увидят.

Глава 3

По пути из Хартфордшира в Гэмпшир Вилфред, юный кучер, правивший коляской, сделал остановку в Сент-Олбанс, чтобы перекусить. В таверне, сидя за столом в одиночестве, – Вилфред ел вместе с конюхами, – Анжелика чувствовала себя неловко. Она впервые ехала куда-то одна, и множество мыслей вертелось у нее в голове. Смерть отца, потеря дома, предательство брата, деньги, будущее... Обо всем требовалось подумать.

Раньше она жила в мире господ, теперь ей предстояло стать частью мира прислуги. Конечно, ей был знаком их образ жизни – все же она вместе с отцом управляла Белгрейвом, но при этом оставалась хозяйкой. Сейчас все будет иначе. Приходилось надеяться, что Фергюсоны – приличные люди и будут добры к ней.

Анжелика никогда не задирала нос, но ее воспитание и благородное происхождение было не скрыть. Какое бы платье она ни надела, Анжелика говорила как леди, поступала как леди, двигалась как леди.

По пути в Гэмпшир она не раз плакала, горя об отце и доме. Весь ее мир оказался разрушен в считанные дни. Анжелика знала: ей сочувствуют только слуги, которых она знала всю жизнь. Родные же, наоборот, наверняка предавались тихому ликованию.

Когда коляска прибыла в Гэмпшир, уже смеркалось. Поездка продолжалась более одиннадцати часов. Следуя указаниям, данным герцогом, Вилфред легко нашел нужный дом. Весьма симпатичный особняк с ухоженными землями вокруг, хоть и уступал по размерам Белгрейву, производил вполне приятное впечатление. Из дверей показался лакей в безупречной ливрее и попросил прибывших войти через черный ход.

– Простите, миледи, – тихо произнес Вилфред в замешательстве. – Этот простак принял нас обоих за слуг. Я провожу вас к парадным дверям. – Кучер не знал истинной цели приезда Анжелики и предположил, что это дом друзей семьи и она приехала погостить и оправиться от смерти отца.

– Не стоит, я пройду через черный ход, – ответила Анжелика.

– Можете войти внутрь, – обратился к ней лакей. – Миссис Олбрайт оповестила нас о том, что вы должны приехать. Она здесь домоправительница. Ужин через несколько минут.

Бросив взгляд на багаж в руках Вилфреда, он заметил:

– Оставьте вещи здесь. Она может внести их позже.

Кучер оглянулся на хозяйку в замешательстве. С ней обращались как со служанкой, а не с благородной леди!

Анжелика улыбнулась:

– Все в порядке, Вилферд, мне кто-нибудь поможет.

Но кучер сомневался. Что-то тут не очень приветливо и гостеприимно обращались с его хозяйкой.

– Со мной ничего не случится. – Анжелика хотела спровадить его поскорее – лишнее внимание ей было не нужно.

– Уверены?

– Абсолютно. И... спасибо, что довезли меня.

Вилфред кивнул, попрощался и, забравшись в коляску, поехал прочь от особняка.

Недолго посмотрев ему вслед, Анжелика вошла в дом вслед за лакеем. В комнате для слуг царило оживление. Хоть дом Фергюсонов и был меньше Белгрейва, штат прислуги, кажется, был такой же. Вокруг сверкали явно новые ливреи, некоторые из лакеев носили напудренные парики. Слуги отца так одевались, только когда в замке гостили особы королевских кровей.

Пока Анжелика оглядывалась по сторонам, к ней приблизилась высокая женщина с седыми волосами. Своим внешним видом она походила на тюремщика. Это впечатление усиливали ключи, бряцающие у нее на поясе и служившие символом ее положения в доме.

– Я миссис Олбрайт, экономка, – представилась она без улыбки. – А вы новая нянька, Анжела Латэм?

– Анжелика. – Она боялась суровой домоправительницы, но не собиралась этого показывать.

– Звучит по-иностранному, – нахмурилась миссис Олбрайт.

– Это французское имя.

– Миссис Фергюсон понравится, – сказала экономка, все еще неодобрительно хмураясь. – Ужин прямо сейчас. Потом одна из горничных покажет вам вашу комнату. Правда, вы проведете в ней только эту ночь, а затем переселитесь в детскую, просто ваша предшественница еще не уехала. Я слыхала, у вас полно сумок, так вот, я не понимаю, зачем они вам тут. Носить будете платья, которые выдают нянькам по указанию миссис Фергюсон. А в собственных нарядах сможете ходить только полдня раз в месяц, и то если дети не будут болеть.

Анжелика не стала объяснять экономке, что три дорожные сумки и

небольшой сундук – это все ее имущество и дома у нее нет.

Кухарка, судя по всему, знала свое дело, ей помогли три служанки. Анжелика насчитала за столом двадцать человек. Кто-то указал ей на свободное место, и она немедленно заняла его. Подали еду, и слуги жадно накинулись на нее, словно спешили и хотели управиться поскорее.

– Ох, в этот уик-энд тут будет званый вечер, всю неделю жуткая суета. Сегодня вот поехали на охоту, а ночью начнется большой прием, куча гостей из окрестностей приедет. Хозяева часто такие приемы устраивают, особенно в Лондоне. Правда, туда вы нечасто будете навещаться. Они детей обычно тут оставляют, когда уезжают в город, – начала рассказывать служанка, сидевшая рядом с Анжеликой. – Меня, кстати, Сарой звать. Я одна из горничных там, наверху. Осторожнее с миссис Олбрайт. Чуть что – прогонит, уволит, и дело с концом, – шепотом предупредила она.

– Что, и предыдущую няню прогнали?

– Да нет, она просто едет домой, в Ирландию. И не наладуется, что уезжает отсюда. Детишки – жуткие сорвиголовы.

Анжелика кивнула и назвала свое имя, на что Сара улыбнулась и представила ей остальных слуг. Во главе стола восседал мистер Гилхоули, дворецкий, напротив него – миссис Олбрайт. И хотя атмосфера за столом царила вполне приятная и дружелюбная, Анжелика слишком нервничала, чтобы есть.

Одна из горничных робко кокетничала со старшим лакеем, сидевшим рядом с дворецким. Заметив это, Гилхоули жестко отчитал девушку. Похоже, они с миссис Олбрайт держали слуг в ежовых рукавицах.

– Кто раньше был вашим нанимателем? – спросила Сара после ужина.

Анжелика на секунду задумалась, однако решила сказать правду.

– Никто, для меня это впервые, – робко произнесла она.

Сара улыбнулась.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Мм, чудесно. Мне двадцать шесть, – с некоторой горечью произнесла горничная, а затем заговорщически понизила голос: – Я служу уже десять лет. Гуляю с одним из конюхов. Как только мы накопим достаточно средств, немедля обвенчаемся. Может, уже скоро, – с надеждой добавила она.

Анжелика была тронута. Ей открылась незнакомая грань жизни. У слуг мало денег, много работы, а супружеская жизнь вовсе не воспринималась как данное, а скорее являлась целью, которой надо добиваться и для достижения которой требовалось трудиться и экономить

годами.

– С няней Фергюсон познакомитесь завтра утром, – сказала ей миссис Олбрайт, когда лакеи и дворецкий отправились наверх. По правилам к няням и личным служанкам леди обращались по фамилиям их нанимателей. – Завтрак в шесть. Сара покажет вам, где вы сегодня ночуете, няня Латэм.

Анжелика кивнула и тихо пошла за горничной.

– Хозяин вполне ничего, – начала рассказывать Сара о Фергюсонах. – У него немного... блуждающий взор, но он держит себя в руках. В предыдущем доме мне постоянно требовалось запира́ть дверь на ночь, чтобы отделаться от хозяина. Однако с братом хозяйки держите ухо востро. Тот еще дьявол, и красивый, как сто чертей. Но если вам нравятся такие и вы ничего не сможете поделаться, прячьтесь от миссис Олбрайт. Поймает – вылетите без рекомендаций.

– Нет, нет, я никогда... – с ужасом возразила Анжелика. О том, что у нее такой же брат, она промолчала. – А как хозяйка?

– Ой, очень избалованная. Мистер Фергюсон дает ей все, чего она только ни потребует. У нее о-го-го какие платья, драгоценности... Не знаю, зачем ей дети? Откровенно говоря, она никогда их не навещает и вечно находит причины, почему не может сидеть с ними. Говорит, они болеют то и дело и она боится заразиться. А ваши родители? Где они, чем занимаются? – с любопытством спросила Сара.

– Я... Мой отец только что скончался... А мать умерла при родах... Отныне я сирота.

– Жаль, жаль, – сочувственно произнесла горничная.

Спальня Анжелики оказалась крошечной и тесной. Убранство было спартанским. Даже самая маленькая комната слуги в Белгрейве превосходила эту раза в два. Фергюсоны явно не заботились о комфорте прислуги.

– У няни в детской просторнее, – заверила Сара, – хоть и не намного. Впрочем, рядом довольно неплохая гостиная, и, если дети будут спать, можно ночью посидеть там. Правда, Бриджет говорит, что малыш не спит полночи, у него зубы режутся.

Анжелика кивнула. Как она справится с детьми? Она ничего не знала о том, как о них заботиться, и практически не видела их в своей жизни. Да, определенно это будет новый опыт для нее.

Осмотрев комнату, Анжелика отправилась за багажом. Помощи никто не предложил, и ей пришлось возвращаться три раза. После этого она едва нашла в себе силы помыться и лечь в постель. Несколько часов Анжелика

размышляла, что принесет ей новый день, и надеялась, что произведет хорошее впечатление на Фергюсонов.

В ту ночь она несколько раз просыпалась в испуге, будто проспала. Наконец в пять часов встала и к шести спустилась на завтрак.

Одна из подручных кухарки подала Анжелике чай, однако, прежде чем она смогла притронуться к еде, появилась горничная и заявила, что мисс Латэм ожидают в детской.

Детская располагалась на третьем этаже. Здесь же находились комнаты миссис Олбрайт, личной служанки миссис Фергюсон, кухарки и старших горничных, а также небольшая гостиная.

Анжелика несколько раз постучала в тяжелую деревянную дверь, из-за которой раздавался детский плач, но ей никто не ответил. Наконец она вошла без приглашения и увидела веснушчатую рыжеволосую девушку, укачивающую на руках рыдающего младенца. Рядом с ней стояли двое детей, и еще один ребенок лет двух-трех забрался на стол и бросал во все стороны игрушки.

Совершенный вертеп!

подавив острое желание немедленно убежать отсюда, она прокричала:

– Здравствуйте, я – Анжелика!

– А я – Бриджет. Вы – новая няня? – с надеждой спросила девушка.

– Да. Чем могу помочь?

– Сперва снимите Руперта со стола, – ответила рыжеволосая особа и положила малыша в люльку. Плач усилился.

Бриджет подошла к Анжелике. Та как раз опускала непоседливого ребенка на пол. Руперт тут же пустился наутек от взрослых. Его походка напоминала шаги неуклюжего медвежонка. Анжелика и Бриджет рассмеялись.

– Добро пожаловать в бедлам! Сара мне сказала, что вы никогда не работали няней. Что ж, храбрости вам не занимать. Когда я сюда пришла, детей было двое, кто ж знал, что они еще двоих родят, – дружелюбно и с явным ирландским акцентом сказала Бриджет. – Я уже пятая нянька тут. Я из большой семьи, меня не шибко беспокоит куча детей.

– Мне жаль, что вы покидаете нас, – искренне произнесла Анжелика, не отдавая себе отчета, что говорит, как леди, а не как служанка.

– Не жалейте! Моему уходу вы обязаны своим жалованьем, – ответила Бриджет и рассмеялась. – А вы не из простых, не так ли? – заметила она, приглядевшись к Анжелике.

За годы службы Бриджет повидала многих девиц и дам, в том числе и из обнищавших дворянских семей. Но ей и в голову не пришло бы, что она

беседует с дочерью герцога.

Младенец перестал плакать.

– Боже милостивый, ура. Бедняжке не дают покоя зубы. У Руперта тоже такое было. И какая нужда привела вас сюда?

– Меня отрекомендовал знакомый Фергюсонов. Мне нужны деньги.

– Как и всем нам, – улыбнулась няня. – Вот и я домой, в Дублин, на пару месяцев всего, помочь сестре с близняшками. А потом вернусь в Лондон, искать новый заработок. В провинции для меня слишком тихо.

– О, я выросла за городом, и мне там нравилось, – ответила Анжелика.

– Ну, раз так, вам тут будет хорошо, – уверенно заявила Бриджет и представила детей. Старшему, Саймону, было четыре года. Эмме – три. Ее голова вся была увита белокурыми кудряшками. Руперт был младше сестры на год. Рыдавшему Чарльзу недавно исполнилось шесть месяцев. – Вам будет помогать Хелен, горничная для детской, но вообще-то на столько ребятишек нянь должно быть две. Впрочем, Саймон через год отправится в Итон. Миссис Фергюсон ждет не дождется, когда он уедет. Тогда станет чуточку легче – если только новых не родят за это время. Мистеру Фергюсону все мало и мало, хотя он и не навещает никогда собственных отпрысков. А миссис Фергюсон не возражает, ей это легко дается.

Интересно. Наниматель предпочитал лошадей и друзей обществу детей, но все равно настаивал на рождении новых наследников.

– Миссис Фергюсон вы здесь почти не увидите. По воскресеньям детей надо приводить к родителям на чай. Но минут через десять их, как правило, отправляют обратно в детскую, – продолжила Бриджет. Такой подход к материнству Анжелике был знаком. Элизабет тоже мало интересовалась дочерьми, пока они не повзрослели. – Где-то в комод у нас есть платье для вас. Правда, вы такая крошечная, придется его ушить. Можете и мою одежду взять, но она будет вам уж совсем велика, – рассмеялась ирландка. Она была высокого роста и обладала пышными формами.

Форма няни состояла из серого платья с белыми манжетами, белого чепца и накрахмаленного белоснежного фартука – по словам Бриджет, последний приходится менять по три раза на дню.

– Следить за чистотой одежды ребятишек мне помогает Хелен, – добавила Бриджет.

Затем она объяснила распорядок дня подопечных. Дети вставали рано. После завтрака гуляли или играли. Обед – в полдень, затем короткий сон. В половине шестого они пили чай и ели фрукты. Няня с ними играла или читала сказки. Затем купала и в семь часов укладывала спать.

– Я не очень хорошо читаю, – честно призналась Бриджет, – но дети еще малы, чтобы это понять. А если чего не разбираю, так выдумываю на ходу.

Анжелика, любившая книги с детства, подумала, что с этим она точно справится.

– Когда вы уезжаете? – нервно спросила она.

– Сразу после обеда.

– Им будет вас не хватать, – с грустью произнесла Анжелика, вспоминая, как сама скучала по няне, когда та уехала.

– Всего пару дней. Они быстро к вам привыкнут. В виде исключения завтра отведите детей на чай в библиотеку – тогда и познакомитесь с миссис Фергюсон. Хелен покажет, во что ребятишек следует одеть. Хозяйка любит их показывать друзьям, поэтому костюмы должны быть нарядными. О, и ей очень нравятся волосы Эммы. Обязательно причешите ее, даже если девочка расплачется. Если с прической будет что-то не так – придется туго.

Затем Бриджет приготовила подопечным завтрак. Он состоял из овсянки, хлеба с маслом, мармеладом и джемом, а также холодного молока. Когда она накрывала на стол, в детскую вошла Хелен. Как и Бриджет, горничная прослужила в доме два года и сама метила в няньки, но тут ее обошла какая-то особа, рекомендованная знакомцами Фергюсонов. Так что она затаила обиду на Анжелику. К тому же Хелен не понравилось, что новая няня выглядела точь-в-точь словно дочь благородного семейства. «И почему мисс Латэм решила, будто ей нужны деньги?» – подумала она, сверля Анжелику холодным взглядом.

– Введи мисс Латэм в курс дел, – обратилась к горничной Бриджет. – И никаких подлых штучек, чтоб выставить ее в дурном свете. Мы все с чего-то начинали, и она нуждается в твоей помощи.

Эмма тем временем подошла к Анжелике, с минуту пристально смотрела на нее, а потом забралась к ней на колени.

С момента прихода Анжелики прошел всего час, а в детской воцарился полный порядок: дети были накормлены и переодеты, кровати заправлены, и даже Чарльз перестал рыдать. Младенец улыбался и тянул ручки к ирландке. Но только Бриджет собралась заняться и его туалетом, как Руперт швырнул деревянную лошадку, целясь в голову Эммы. Бросок не удался: лошадка попала в стену. Бриджет достала мальчику другие игрушки и снова обратила внимание на самого младшего. Анжелика не понимала, как няне удавалось следить за всем сразу и идеально соблюдать распорядок дня. Здесь явно замешано какое-то волшебство. Или виртуозное

мастерство. Или привычка жить в большой семье.

– Берегитесь брата миссис Фергюсон, – сказала Бриджет.

– Да, Сара меня тоже предупредила.

– Обворожительный мерзавец. Прошлой весной он пристал к одной из горничных. Как только хозяйка прознала об их связи, служанку немедленно уволили. Несчастной через пару месяцев уже рожать, а хозяева и пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Ей даже не дали рекомендации. Так что запирайте на ночь дверь, когда этот бабник будет здесь гостить. За мистером Фергюсоном ничего такого замечено не было, хотя и поговаривают, что в городе у него пара любовниц. А жена и тут не возражает: ей главное – на его деньги славно пожить. Она и сама иногда проявляет интерес к симпатичным гостям.

Анжелика поймала себя на мысли, что семья Фергюсон все больше напоминает ей семью брата. Неудивительно, что они сдружились.

Погода в этот день стояла плохая, за окном лил дождь, поэтому о прогулке не было и речи. За разговорами незаметно подошло время обеда. В детскую подали курицу с овощами, мороженое и фруктовый десерт.

– Миссис Фергюсон вечно настаивает, будто Эмме надо меньше есть. Боится, что дочка растолстеет. Но я все равно даю ей пудинг, не морить же ее голодом. У самой хозяйки, кстати, фигура роскошная, хоть она и родила четверых детей. А талия так и вовсе осиная, но, возможно, это из-за корсета. Ее личная горничная говорит, миссис иногда в обморок падает, когда его затягивают.

Анжелике нравилась эта простая, общительная, добрая ирландка, и она очень надеялась, что ей удастся справляться с обязанностями так же легко, как и предшественнице. Хотя сейчас представить такое было невозможно. Когда Бриджет собрала вещи, Анжелику на мгновение захлестнула волна паники.

Ирландка попрощалась с детьми, обняв каждого ребенка, и на ее глаза навернулись слезы.

– Ну что же, удачи вам, мисс Латэм. Надеюсь, все у вас будет хорошо. Хозяева в целом люди неплохие, главное – их не злить и лстить хозяйке. Если бы они чаще брали детей с собой в Лондон, я бы вернулась, но здесь...

– Вы прощаетесь с миссис Фергюсон? – спросила Анжелика.

– Нет, она пожелала мне счастливого пути еще на той неделе. Хозяйка не очень-то склонна привязываться к кому-то. Больше всех ее интересуется собственная персона. И помните: найти другую няню легко, а то забудете про осторожность – и пиши пропало.

– Я не забуду вашего совета, – серьезно ответила Анжелика. Она вдруг осознала, как ей повезло. Тристан мог найти место гораздо хуже, но ему было все равно, главное – убрать сестру из дома.

Бриджет обняла ее и ушла.

Анжелика уложила детей в постели. Чарльз заснул последним, сжимая в руках бутылочку с молоком. Попросив Хелен присмотреть за малышами, Анжелика нашла в комодке два самых маленьких форменных платья и поспешила в прачечную.

Прачки беседовали с личной горничной миссис Фергюсон.

– Мне жаль вас прерывать, но не могли бы вы поделиться серыми нитками и иглой? Мне нужно ушить кое-что... – робко произнесла Анжелика.

Милдред, главная в прачечной, улыбнулась и взяла у нее платья.

– Да я сама вам все сделаю. Вы новая няня, верно?

– Да. Меня зовут Анжелика.

Прачка со строгим видом покачала головой, доставая иглу с нитками.

– Миссис Фергюсон не захочет, чтобы вас называли по имени. Вы теперь няня Фергюсон, – напомнила Милдред. Анжелика смутилась, и прачка с улыбкой добавила: – Впрочем, рада познакомиться. Платья будут готовы завтра утром. Как вам новая работа?

Анжелика, секунду поколебавшись, призналась:

– Немного боязно. Это мой первый опыт, я никогда раньше не имела дел с детьми.

Стелла – так звали личную горничную миссис Фергюсон – ответила с усмешкой:

– Я бы точно не хотела возиться с такой оравой. Эти сорванцы выматывают родную мать за пять минут. Хорошо, что у меня нет детей. Вы уже встречались с миссис Фергюсон?

– О, нет. Я приехала вчера вечером.

– Из Лондона? – подала голос одна из прачек.

– Из Хартфордшира. Дом и земли вокруг производят очень приятное впечатление.

– Вы не видели столичного особняка, – гордо произнесла Стелла. – Там мне больше нравится.

Анжелика кивнула и, попрощавшись, отправилась в детскую. Жаль, ей не придется обедать вместе с другими слугами – стоило познакомиться со всеми поближе. Хорошо хоть, Хелен будет составлять ей компанию.

Дети по-прежнему спали, и Анжелика решила перенести сумки из

временной комнаты в детскую, где ей была отведена маленькая спальня. Сумку, в которой лежал подарок отца, она спрятала под кроватью, остальные едва уместились в тесном помещении. Пришлось поставить их друг на друга.

– Зачем вам столько платьев? – спросила Хелен. – В них же некуда ходить.

– Ну, я надеюсь, что когда-нибудь смогу надеть хорошее платье, – мечтательно ответила Анжелика.

В детскую заглянула Сара – у нее выдался короткий перерыв.

– Выглядишь, как истинная нянюшка, – заявила она, широко улыбаясь.

Анжелика обрадовалась ей, и они мило поболтали, словно лучшие подруги.

Не успела Сара уйти, проснулись дети. Анжелика с ними поиграла, почитала сказку, а потом искупала и в семь часов уложила спать. День пролетел незаметно, и Анжелика, валившаяся с ног от усталости, решила лечь пораньше, тем более завтра предстоял очень важный день – первая встреча с четой Фергюсон.

Так дочь герцога Уэстерфилда из Анжелики Латэм стала няней Фергюсон. Она потеряла не только прошлую жизнь, но и собственное имя.

Глава 4

К встрече с мистером и миссис Фергюсон Анжелика старательно приводила детей в порядок. Помня о наставлении Бриджет, она тщательно расчесала локоны Эммы и повязала их розовой лентой. Мальчики и Эмма выглядели безукоризненно, хотя и изнывали от скуки – поскольку с самого утра лил дождь, они снова остались без прогулки.

Анжелике тоже не терпелось посетить парк, особенно когда Хелен рассказала, что там есть лабиринт и что сады Фергюсонов считаются самыми красивыми в Гэмпшире.

Путь в библиотеку лежал через главный зал, который поразил Анжелику. Особенно ее восхитила громадная люстра. Все свечи на ней были зажжены, и хрусталь чудесно блестел и переливался. Предметы декора и мебель не уступали освещению в изысканности. Однако рассмотреть все как следует не было времени.

Из библиотеки доносились голоса, дверь была открыта. Увидев толпу гостей, которые вели светские беседы, смеялись и играли в карты, Анжелика замерла на пороге. Кто же из утонченных леди – миссис Фергюсон?

Помогла Эмма – она бросилась к матери. Евгения Фергюсон, облаченная в тяжелое платье из синего атласа, взяла дочь за руку и воззрилась на Анжелику холодными голубыми глазами. Каштановые волосы были убраны в модную прическу, над которой явно постаралась Стелла. В серьгах сверкали сапфиры – весьма небольшие по сравнению с огромной брошью на груди.

От такого зрелища у Анжелики перехватило дыхание. Она присела в покорном реверансе, как и подобало служанке в присутствии хозяйки. Новая няня выглядела весьма скромно, однако миссис Фергюсон также оказалась впечатлена ее красотой.

– Полагаю, вы из семьи Латэм? – надменно произнесла хозяйка. Дети покрутились около нее, а затем бросились к отцу. – Ваш кузен очень хорошо отзывался о вас, – уже более теплым тоном продолжила она. – Он на протяжении нескольких месяцев говорил о вашем приезде.

Анжелику ошеломило ее заявление.

– Мой кузен? – переспросила она, не в силах вспомнить никого, кроме дальних родственников и короля Георга, но что-то ей подсказывало: отнюдь не его величество рекомендовал ее на должность няни к этой женщине.

– Его светлость герцог Уэстерфилд, Тристан Латэм. Он представил вас как дальнюю родственницу и очаровательную даму.

Как?! У него хватило наглости назвать Анжелику кухней? Впрочем, солгать было гораздо легче, чем сказать правду – что он выпроваживает из родного дома единокровную сестру. Если Тристан месяцами беседовал об этом с Фергюсонами, значит, давно ждал, что отец умрет. Какое жуткое хладнокровие.

– О... Конечно же, Тристан...

– Мы с его женой, герцогиней, – заявила миссис Фергюсон, дабы произвести впечатление на гостей, – близкие подруги. В Лондоне мы совершенно неразлучны.

Анжелика кивнула, пытаясь не спускать глаз с подопечных. Те все еще резвились около отца.

– Я чрезвычайно рада и благодарна вам за предоставленную возможность, мэм, – вежливо произнесла она.

Но ни о какой благодарности брату за его козни не могло быть и речи. На вопрос миссис Фергюсон, почему Тристан не может сам позаботиться о родственнице, он ответил, что для кухни слишком велик позор прислуживать собственной семье. Уэстерфилд заверил подругу жены, что кухня безукоризненно воспитана, ведет себя достойно и сможет обучить детей французскому языку. Ее мать была француженкой далеко не благородного происхождения и вышла замуж за одного из отпрысков рода Латэм.

Правда это или нет, Евгения Фергюсон даже не задумывалась. Ее очень привлекла идея иметь в служанках особу аристократического происхождения. Это повысило бы престиж и статус миссис Фергюсон в обществе. Ее отец был всего лишь бароном и пожизненным пэром, а муж не мог похвастаться даже одним титулованным предком, хотя его богатство практически полностью компенсировало сей досадный недостаток.

Знай Анжелика, что говорил ее брат, она непременно пришла бы в совершенный ужас. Мари-Изабель приходилась родственницей королям Франции!

Анжелика направилась к детям, чтобы выволить мистера Фергюсона из их окружения.

– Можете забрать их наверх, – с облегчением заявил Гарри Фергюсон, высокий красивый блондин. – Вы новенькая, не так ли?

Анжелика кивнула и присела в реверансе.

Ее подопечные не возмутились и не расстроились из-за короткого свидания с родителями – они уже привыкли к столь кратким встречам. Как

и говорила Бриджет, в библиотеке они пробыли около десяти минут. Теперь хозяева не увидят своих чад почти неделю. Анжелика знала – во многих благородных семействах это считается нормальным, но ей стало жаль детей. Вспомнив свои близкие отношения с отцом, Анжелика решила заменить им мать и отца. Особенно Саймону, который через год должен был уехать в Итон. Ей казалось, покидать дом в пять лет ради школы еще хуже, чем то, что случилось с самой Анжеликой. Это слишком юный возраст, чтобы оставлять родные места.

Поднявшись в детскую, Анжелика прочла подопечным сказку. Кажется, им очень нравилось ее чтение, особенно Эмме. Но затем девочка прижалась к няне и спросила, куда подевалась Бриджет. Неудивительно – она заботилась о них два года и стала им самым близким человеком на свете.

– Бриджет уехала навестить сестру, – объяснила Анжелика. Она не стала говорить, что прежняя няня не вернется.

Наступило время сна. Анжелика облачила детей в ночные рубашки без всякой помощи Хелен и была чрезвычайно этим горда. Чарльз и Руперт были уложены первыми, хотя последний два раза выбирался из постели, пока она укладывала Эмму. Затем настал черед Саймона. Двое самых маленьких детей спали в одной комнате, а старшие – Эмма и Саймон – в отдельных спальнях.

Анжелика пообещала девочке, что придет к ней, если той приснится плохой сон, и оставила дверь в ее комнату открытой. В целом прошедший день приятно удивил, а ее подопечные оказались хорошими детьми.

В дверь постучали. Это оказалась Сара.

– Закончила на сегодня? Как все прошло? – спросила она.

– Очень хорошо. Мы спускались в библиотеку на чай. Миссис Фергюсон прекрасна.

Горничная кивнула:

– Да, но холодна, как айсберг, и думает только о себе. Мистер Фергюсон тоже красив, – добавила она с ухмылкой. – Мог бы найти себе кого получше, но, думаю, его соблазнил титул ее отца. Правда, толку от этого мало, и миссис обходится ему в целое состояние. Ты бы видела платья, которые Стелла приносит в прачечную. Прямо из Парижа! Вот бы мне хоть раз такое поносить... Кстати, внизу все только о тебе и говорили за ужином. Жаль, ты не можешь есть с нами, когда дети спят. Может, Хелен будет иногда присматривать за ними? Тогда ты сможешь присоединиться к нам хотя бы на чай с пудингом.

– Хотелось бы, – мечтательно ответила Анжелика.

В детской компанию ей могла составить только Хелен, но они еще не подружились, и уверенности в том, что подружатся, не было. Анжелике нравилась суэта на кухне и в столовой для слуг. Она вспомнила Белгрейв и затосковала по дому. Хобсон, миссис Уайт, миссис Уильямс, Маркхэм, как они там? Завтра надо обязательно отправить письмо экономке.

Через полчаса Сара отправилась спать. Анжелика, немного почитав, последовала ее примеру. Бриджет предупреждала, что Чарльз просыпается рано, и Анжелика боялась не выспаться. Хотя ей было приятно наслаждаться тишиной и спокойствием после целого дня беготни за неугомными чадами. Впрочем, они вели себя гораздо лучше, чем говорили слуги. Просто они – дети, и их много.

На следующий день стояла ясная, хоть и холодная погода. После завтрака Анжелика с детьми отправились в парк. Анжелику манил лабиринт, но она не осмелилась войти в него – боялась не найти выхода и потерять детей. Прогулка удалась на славу, и ее подопечные вернулись домой румяные и довольные, а кухарка выдала каждому ребенку по бисквитному печенью.

Анжелика заметила, что мистер Гилхоули пристально наблюдает за ней. Чем она могла привлечь такое внимание? Выглядел он в высшей степени недружелюбно. Впрочем, Хобсон тоже часто принимал такой вид, когда хотел сделать внушение или просто произвести впечатление на младших слуг. Но местный дворецкий был настроен явно враждебно. На мгновение она даже обрадовалась, что не обедает в столовой с остальными слугами, где от глаз Гилхоули было бы не скрыться.

Накормив и уложив детей спать, Анжелика оставила с ними Хелен, а сама спустилась на кухню выпить чаю. Дверь в кабинет дворецкого была открыта, и Гилхоули жестом пригласил ее войти.

– Нет ли у вас претензий относительно детской? Все ли вас устраивает? – официально спросил Гилхоули, однако Анжелика почувствовала в его голосе искреннее беспокойство. Затем, понизив голос так, чтобы их никто не мог слышать, он продолжил: – Миледи, я хочу, чтобы вы знали. Много лет назад я был слугой в Белгрейве при вашем отце. Я искренне скорблю о вашей потере. Он был великим человеком.

– Вне всяких сомнений, – грустно согласилась Анжелика. – Мне его очень не хватает.

– Миледи, не знаю, как вы сюда попали...

Анжелике не нравилось такое обращение дворецкого. Другие слуги не должны знать о ее аристократических корнях. Если уж она собралась жить

и работать здесь, то ей необходимо стать одной из них.

– Вы не должны ко мне так обращаться, мистер Гилхоули. Это только повредит моим отношениям с остальными. Никто не должен знать, кто мой отец. В любом случае это осталось в прошлом, – серьезно ответила она.

– Очевидно, есть причины, по которым вы оказались здесь, и вам, должно быть, приходится весьма трудно, – с теплотой в голосе произнес Гилхоули.

– Теперь меня мало что способно удивить, – призналась Анжелика. – Но дела не так уж плохи. Здесь все отнеслись ко мне так дружелюбно...

– Счастлив слышать. Если я могу что-то сделать для вас... – Дворецкий посмотрел Анжелике прямо в глаза.

Она покачала головой. Ей не нужно специального обхождения. Она будет как все. Гилхоули уважал ее выбор. И все-таки ему было жаль, что эта девушка в столь юном возрасте испытывает большие перемены.

– Фергюсоны знают правду?

– Нет. Мой брат выдал меня за кузину. Пусть все так и будут считать.

– Конечно, как вы пожелаете. Уверен, хозяева оказались бы поражены, узнай, что наняли няней дочь герцога.

Хотя Гилхоули сдавалось, что им понравилось бы такое известие.

– Ах, все уже не важно, – горько произнесла Анжелика, едва сдерживая слезы. – Мой брат, его жена и дочери заняли Белгрейв. Для меня там нет места.

Дворецкий искренне ей сочувствовал. Он понимал, что без грязной игры со стороны Тристана тут не обошлось. Брат Анжелики оказался настоящим подлецом. Впрочем, если бы он не скрыл правду, то выглядел бы в глазах общества совершенно ужасно.

– Пути Господни неисповедимы, миледи, – мягко проговорил Гилхоули. – Я уверен, однажды вы вернетесь домой.

Она только кивнула, не в силах сказать ни слова. Он легонько похлопал ее по руке. По крайней мере, теперь у нее здесь появился новый друг, помимо Сары. Хобсон наверняка обрадуется, когда узнает, что еще один дворецкий покойного герцога взял Анжелику под свою защиту.

Собрав всю волю в кулак, Анжелика проглотила слезы и выпрямилась.

– Мне пора, – тихо произнесла она и поблагодарила мистера Гилхоули.

– Присоединяйтесь к нам иногда, – пригласил он.

Анжелика улыбнулась.

– Конечно, хотя дети и будут стараться не допустить этого.

– Не сомневаюсь, миледи, – рассмеялся дворецкий. – Я надеюсь, вы здесь будете счастливы и останетесь надолго. – Хотя на самом деле желал

ей как можно скорее вернуться в Белгрейв.

Анжелика поспешила в детскую. Хелен ждала ее с большим нетерпением.

– Почему так долго?

– Мои извинения. Мистер Гилхоули пожелал побеседовать со мной.

– И чего же он хотел? – с подозрением спросила служанка.

– Как выяснилось, он был знаком с моим отцом, – честно ответила Анжелика, но сразу пожалела об этом.

– Ваш отец тоже служил дворецким или лакеем?

– Нет, – тихо произнесла Анжелика, не зная, что сказать. – Вовсе нет. Они были просто знакомыми.

В это время захныкал Чарльз, и Анжелика поспешила к нему, а вскоре проснулись и остальные. Немного поиграв, они отправились кататься на пони. В это время в конюшню вошел мистер Фергюсон. Он даже не остановился поговорить с детьми и, лишь помахав им рукой, выехал на конную прогулку.

Жизнь шла размеренно и мирно. Анжелика привыкала к своим подопечным. Конечно, следить сразу за всеми было непросто, но ей это нравилось. Она чувствовала себя нужной, и время пролетало незаметно. Анжелика начала заниматься с детьми французским, и спустя месяц они выучили уже много слов и даже несколько песенок. Близились Рождество. Дети помогали украшать гигантскую елку в главном зале и пришли в восторг от результата. Фергюсоны целый месяц провели в Лондоне и вернулись в Гэмпшир только за день до праздника.

Рождественским утром Фергюсоны вручили детям подарки и, прежде чем отправиться на праздничный прием, сообщили, что через несколько месяцев у них появится новый ребенок. Новость стала совершенной неожиданностью для Анжелики. Младенец должен был появиться на свет в мае, затем примерно месяц он будет находиться на попечении кормилицы, а потом няне Фергюсон предстоит заботиться уже о пяти детях – пока Саймон не отправится в Итон, то есть до конца лета. Миссис Фергюсон ясно высказалась, что подмога Анжелике не нужна, если старший ребенок скоро уедет, а с четырьмя подопечными она прекрасно справляется. О том, каких усилий это стоило, хозяйка не имела никакого представления. Сделав няне небольшой рождественский подарок, чета Фергюсон отослала ее и детей в детскую, а сама отправилась принимать гостей.

Анжелика помогла открыть подарки. Саймон получил настольную игру, Руперт – мягкого медведя, Эмма – куклу, а Чарльз – серебряную

погремушку, тут же очутившуюся у него во рту. Подарки всем понравились. Анжелике достались перчатки из серой кожи, подходившие к ее форме, и при этом весьма красивые. Примерив подарок, она обнаружила, что размер угадан идеально. Миссис Фергюсон постаралась.

В январе хозяева решили взять детей с собой в Лондон на две недели, и Анжелика – как и ее подопечные – предвкушали поездку. Наконец, одним морозным утром в трех роскошных каретах семейство отправилось в столицу. Саймон был в восторге, Эмме – путешествие не понравилось, поскольку ее укачивало. Руперт и Чарльз быстро заснули.

В лондонском особняке слуги чрезвычайно обрадовались как детям, так и новой няне и с удовольствием показали ей дом. Огромная резиденция Фергюсонов находилась на Керзон-стрит, в районе Мейфэр, и была битком набита изысканной мебелью, картинами и скульптурами. Хозяева каждую ночь отправлялись на светские рауты, либо устраивали приемы дома. Становилось понятно, почему Евгения находила Гэмпшир скучным местом. В городе у нее было полно друзей, с которыми она ходила в театр или оперу. Гарри же занимался делами в Сити, после чего наведывался в клуб, где обедал с приятелями или играл в азартные игры.

Однажды в воскресенье Фергюсоны позвали гостей на чай, и Анжелике предстояло привести детей. Одев подопечных в лучшие наряды, она как ни в чем ни бывало отправилась в гостиную, где ее ждал сомнительный сюрприз. У окна стояли Тристан и Элизабет, сделавшие вид, что не узнали ее.

Анжелика хотела с ними поздороваться, но брат тут же отошел к столу, а его супруга отвернулась и завела беседу со знакомой.

Однако миссис Фергюсон вывела их на чистую воду.

– Неужели вы не узнали собственную кухню? – прямо спросила она Тристана. – Вы оказались совершенно правы в ее отношении – она замечательно справляется со своими обязанностями. Саймон и Эмма уже выучили французский.

Уэстерфилд в ответ делано удивился, холодно поприветствовал сестру, словно был едва с ней знаком, и ледяным тоном ответил:

– Действительно, я не узнал ее. Уверен, вы чрезвычайно добры к ней.

Элизабет же ничего не произнесла, только вперила в Анжелику взгляд, полный ненависти. Очевидно, они предполагали, что Анжелика с подопечными находится в Гэмпшире, и никак не рассчитывали увидеть ее здесь.

Через пятнадцать минут миссис Фергюсон подала Анжелике знак: пора уводить детей. За время, проведенное в зале, Анжелика хорошенько

рассмотрела брата и невестку.

Элизабет была одета в красивое платье, но миссис Фергюсон ее перещеголяла. Дочери Уэстерфилда отсутствовали – их время еще не пришло. Из разговора Элизабет со знакомой Анжелика поняла, что первый сезон Гвинет наступит в июле.

Сезон. Раньше Анжелика не желала выходить в свет, а теперь никогда уже не сможет. После того как Тристан изгнал сестру из Белгрейва, ее шансы найти благородного жениха растаяли.

Эта встреча неприятно потрясла Анжелику. Впрочем, не только ее. Элизабет была очень бледна, когда Анжелика прошла мимо нее к выходу, а брат явно вздохнул с облегчением. Анжелика иногда задумывалась, не сожалеет ли Тристан о содеянном. Теперь ответ был очевиден. Он не только отрекся от нее как от сестры, но и явно не хотел никогда ее видеть. Пожалуй, если бы Анжелика сгинула, ему стало бы гораздо легче. Да и сейчас она существует для него лишь как призрак из прошлого. У нее теперь нет семьи.

Анжелика осталась одна.

Глава 5

Фергюсоны решили остаться в Лондоне до февраля, чтобы в полной мере насладиться светской жизнью до того, как полнота Евгении станет заметнее. Против обыкновения они оставили детей с собой, в столице. Анжелика обрадовалась этому больше, чем сама того ожидала.

Так странно было осознавать, что она и сама могла бы провести эту зиму, подобно хозяевам, если бы отец вывел ее в свет прошлым летом. Анжелику представили бы самым уважаемым семействам, двору и потенциальным женихам. С такой родословной за ее руку и без солидного приданого боролся бы любой. Быть может, Анжелика и влюбилась бы в кого-то.

Но судьба распорядилась по-другому. Потеряв отчий дом, отвергнутая братьями, она стала служанкой. Мир, для которого Анжелика была рождена, ускользнул от нее. Навсегда.

Не представленная свету, она, скорее всего, превратится в старую деву, а вершиной ее карьеры станет пост гувернантки. Тристан разрушил ее будущее.

Встреча с братом помогла Анжелике окончательно расстаться с надеждами на возвращение в Белгрейв и к старой жизни. По крайней мере, благодаря отцу у нее есть средства содержать себя в старости.

Впрочем, это все далекое будущее. Что ее ждет в ближайшее время – вот о чем все чаще начала размышлять Анжелика.

Служба у Фергюсонов вряд ли продлится вечно. Они были весьма хладнокровными и расчетливыми людьми, не заботящимися о благополучии слуг. На их доброту и порядочность рассчитывать не приходилось – дети вскоре вырастут, все мальчики отправятся в Итон, и ее уволят, если только пятый ребенок не окажется девочкой. Но и это будет лишь временным решением. В лучшем случае Анжелика прослужит еще лет пять. К няням чета Фергюсон не испытывала никакой привязанности, возможно, ее приняли на службу только из-за того, что Анжелика – родственница герцога. После предательства Тристана она четко понимала: все может измениться в любой момент и в худшую сторону.

В Лондоне Анжелика каждый день ходила с детьми гулять в парк и часто разговаривала там с другими нянями. Почти все оказались старше ее, у многих было тоже несколько подопечных, но им всегда помогала особая горничная или младшая нянька. Только Анжелика одна следила за

четырьмя детьми.

В столице она дважды писала миссис Уайт и получила несколько писем в ответ. В них были приветствия от Хобсона, миссис Уильямс и нескольких горничных. Анжелика писала о детях, о Фергюсонах, о своих обязанностях, о Лондоне, о роскошном особняке нанимателей. Написала она и о встрече с братом и Элизабет.

– Бедняжка осталась одна на всем белом свете, – удрученно поделилась миссис Уайт с Хобсоном, когда получила то письмо. Она поведала дворецкому о том, как его светлость отрекся от единокровной сестры. На глазах старого слуги выступили слезы.

Маркхэм решил покинуть свой пост и уехать на континент. Он признался Хобсону, что не может прислуживать новому герцогу, зная, что тот сотворил с собственной сестрой. Тристан не пытался удержать Маркхэма, считая его слишком преданным Филиппу.

Элизабет тем временем произвела в Белгрейве большие изменения. Мебель была переставлена. Шторы, чехлы и обивку заменили. Из Вены выписали роскошную люстру. Элизабет тратила состояние мужа, не скупясь. Миссис Уайт также упомянула, что герцогиня с дочерьми побывали в Париже, откуда привезли много новых платьев.

Анжелике было больно читать об изменениях в родном доме – они казались ей вульгарными. Она все больше тосковала по отцу. Тем приятнее было получать известия от миссис Уайт и Хобсона, ведь они оставались единственными близкими ей людьми.

В Лондоне миссис Фергюсон видела детей еще меньше, чем обычно, – была слишком занята приемами. Наконец, в середине февраля супруг настоял, чтобы она с детьми вернулась в Гэмпшир. Как бы крепко Стелла ни затягивала корсет на хозяйке, положение миссис Фергюсон стало очевидно всем. Выходить в свет стало совершенно неприлично. Пришлось все же покинуть столицу.

Анжелика с интересом наблюдала, не захочет ли миссис Фергюсон почаще видеть сыновей и дочь. Но такого желания у хозяйки не возникало. Пытаясь развеять скуку, она организовывала обеды с подругами и посиделки для игры в карты. Приехала погостить ее мать – довольно простая женщина, дочь богатого купца, вышедшая за отца Евгении из-за его титула и состояния. Бабушка не пожелала видеть внуков и внучку и ни разу не посетила детскую. Стало ясно, от кого миссис Фергюсон унаследовала надменность и высокомерие. Таким образом, Анжелика имела полную свободу в воспитании и развлечении подопечных. Те очень сильно привязались к ней, а она полюбила их.

Мистер Фергюсон вернулся в Гэмпшир лишь в начале апреля, вместе с друзьями. Среди прислуги ходили слухи о вечеринках, которые он закатывал в Лондоне, и о замеченных там женщинах определенного сорта. К счастью, его супруга оставалась в счастливом неведении относительно этих выходов – иначе на него обрушился бы весь огонь ее темперамента.

Мать миссис Фергюсон тут же покинула Гэмпшир – они с зятем не ладили друг с другом, а через неделю отбыл и сам мистер Фергюсон, вновь оставив супругу одну. Той ничего не оставалось, кроме как гулять в саду в ожидании родов.

– Скорее бы уж ребенок появился на свет, – сказала она Анжелике со смесью тоски и раздражения. Ей не терпелось вернуться в Лондон, к летнему сезону и балам дебютанток.

– Мадам, ждать осталось совсем недолго, – как можно вежливее произнесла Анжелика.

Миссис Фергюсон приобрела весьма громадные размеры и больше не носила корсеты. Кроме того, она жаловалась на бессонницу.

Погода стояла необычайно жаркая, и Анжелика выводила детей на прогулку каждый день. Саймон катался на пони. Он страшно боялся отъезда в Итон и признался Анжелике, что не хочет никуда уезжать. Но его мнение никого не интересовало. Чарльз только что научился ходить и все время норовил куда-нибудь сбежать.

В конце апреля в Гэмпшире объявился брат миссис Фергюсон, Мейнард. Повеса сообщил сестре, будто устал от Лондона, но на самом деле скрывался после очередного скандала. Мейнард одновременно ухаживал за двумя дочерьми банкира, причем одна из них не достигла совершеннолетия. В итоге сердце старшей оказалось разбито, репутация младшей уничтожена, отец разгневан. Распутнику пригрозили, что, если его еще раз увидят поблизости от юных леди, ему предстоит отвечать за свои злодеяния перед законом. Мейнард рассудил, что пора ненадолго исчезнуть из столицы. Он собирался навестить друзей в Дербишире, но решил перед этим заглянуть к сестре.

– Итак, чем занимался, братец? – спросила Евгения, сидя на террасе и попивая лимонад. Она еще не слышала последних новостей из столицы.

– Да так... – ответил Мейнард. – Лондон так суетлив в это время года... Я решил ненадолго уехать за город.

– Значит, опять безобразничал, – улыбнулась миссис Фергюсон. – Кто-то, с кем я знакома?

– Надеюсь, нет, – рассмеялся брат, думая о невинном объекте его вожделения. Конечно, она и правда слишком юна, но это было свежо и

весело. – Правда, ничего серьезного, всего лишь немного пофлиртовал.

– С чужой женой?

– За кого ты меня принимаешь? С очень симпатичной юной особой.

– И?

– Ее отец немного расстроился. Но это было совершенно невинно, уверяю тебя!

– Мейнард, ты чудовище. Когда ты наконец повзрослеешь? – рассмеялась Евгения.

– Никогда! Какое от этого удовольствие?

– Пожалуй, ты прав. Так скучно следить за своим поведением. Жду не дожусь, когда смогу вернуться в город после рождения ребенка. Я здесь надолго не останусь.

О, Мейнард не сомневался в этом. Они с сестрой были в чем-то очень похожи, и он с удовольствием встречался с ней на приемах и обменивался сплетнями. Вот только зачем ей дети? Должно быть, все ее муж. Самой Евгении они не нужны, уж это Мейнард понимал.

Они немного поговорили об общих знакомых, затем миссис Фергюсон отправилась в свои покои. Мейнард решил прогуляться в саду и неожиданно наткнулся на Анжелику с детьми. Те выбегали из лабиринта. Анжелика буквально врезалась в брата миссис Фергюсон.

– Ох, простите, простите, – произнесла она, поправляя чепчик. На щеках заиграл румянец.

Мейнард с изумлением взглянул на нее. Пожалуй, ему еще не приходилось видеть столь красивую женщину.

Анжелика не имела ни малейшего понятия, с кем столкнулась. Никто не говорил ей о гостях, но, очевидно, мужчина был именно гостем. Странно, что миссис Фергюсон кого-то принимает дома в таком положении.

– Ничего страшного, – с вежливой улыбкой ответил Мейнард. Он оглядел незнакомку с головы до ног. Очевидно, это новая няня. Прекрасная внешность. Личико с утонченными, идеальными чертами. Будто высечено из мрамора. А то, как она говорила, ясно показывало: это далеко не простолюдинка. – Я и не знал, что мои племянники и племянница находятся теперь под присмотром столь очаровательной дамы. Я должен навещать их чаще, – продолжил он, дразнясь.

Анжелика не улыбнулась. Она поняла, кто ее собеседник.

– Я рада встрече с вами, сэр, – произнесла она, присев в реверансе и опустив взгляд.

– Могу я нанести вам визит в детской? – спросил Мейнард, явно

ожидая игривого ответа.

– Дети сейчас отправляются пить чай, затем примут ванну и лягут спать, – холодно ответила Анжелика и сразу пожалела о сказанном. Теперь брат хозяйки знает, что дети рано ложатся. А что, если он проникнет в детскую, а их не будет рядом? Несколько озадаченная, она покатила коляску с Чарльзом к дому. Остальные побежали за ней.

– До свидания, – проговорил Мейнард ей вслед с явным намеком в голосе.

Анжелика рассказала обо всем Хелен. За последние пять месяцев они сдружились.

– Что мне делать, если он объявится здесь? – спросила она в панике.

– Он настоящий проходимец, – ответила служанка, качая головой. – Ты слышала про девицу на ферме? Пятнадцать лет, а на прошлой неделе родила ему ребенка. Девочку. Разбила сердце родителям, а он и пальцем не пошевелил на этот счет.

Хелен рассказала, что у Мейнарда несколько внебрачных детей, и ни одного он не признал.

– Убедись этой ночью, что дверь в детскую заперта, – посоветовала Хелен.

Анжелика и Хелен подали детям чай, после чего искупали их и переодели в ночные рубашки. Прочитав младшим сказку, Анжелика достала детскую книгу на французском для Саймона и Эммы. В ней рассказывалась история маленького мальчика и его пса; пес потерялся, но в конце хозяин нашел его. Ребятам понравилось.

Когда дети уснули, Анжелика и Хелен немного поболтали. Затем горничная ушла в свою комнату, и Анжелика заперла за ней дверь.

Мейнард ужинал с сестрой. Мистер Фергюсон все еще гостил у друзей, но при наступлении родов мог вернуться весьма быстро. Евгения радовалась, что хоть брат составил ей компанию.

– Ты не сказала мне о вашей новой няне, – недовольно сообщил он. – Очень красивая штучка. Давно она у вас работает?

Миссис Фергюсон изогнула бровь. Впрочем, красоту Анжелики было бессмысленно отрицать.

– Не помню, кажется, полгода. Мейнард, пожалуйста, не надо. Она отлично ухаживает за детьми, и нам не с руки увольнять ее перед появлением нового ребенка. Развлекайся с кем-нибудь еще – и, желательно, в другом месте. – Смерив брата строгим взглядом, миссис Фергюсон продолжила: – У нее, кстати, довольно интересная история. Она дальняя кузина Тристана Латэма. Ее мать была француженкой. Теперь она сирота.

– Родственница герцога Уэстерфилда? И впрямь интересно. Кстати, если она наполовину французенка, она не такая уж и целомудренная, как ты, видимо, считаешь.

– Ага, как же, братец. Анжелика очень юна. И, может быть, Латэм и не питает к ней особо теплых родственных чувств, но я уверена, ему не нужны легионы бастардов, пусть и от дальних родственников. Она безукоризненно воспитана. По словам Латэма, ее мать – простолюдинка, но аристократические манеры сквозят в каждом ее жесте и каждом слове. Так что рекомендую и правда найти кого-нибудь другого. Может, еще одну девицу с фермы? Пожалуй, и моих горничных лучше не трогай. Потом поднимается страшная шумиха. Гарри расстраивается.

Мейнард испытывал серьезное искушение заявить, что ее муж и сам не прочь побаловаться и с девицами с фермы, и с ее собственными горничными, но удержался.

– Как вы с Гарри нашли ее?

– Герцог сам предложил Анжелику в качестве няни. Они с супругой страстно желали найти ей работу, а наша предыдущая няня как раз собиралась уехать. Все так замечательно совпало. Я уже тогда знала, что беременна, но не стала говорить.

– Кузина герцога, – повторил Мейнард. – Да, забавно и крайне раззадоривает. Еще и красавица в придачу. Она сегодня чуть не переехала меня коляской. Замечательная дама, – улыбнулся он.

– Если спугнешь ее, будешь отвечать перед Гарри, а он будет очень и очень не в духе. Твоя интрижка с той девицей с фермы нам не понравилась. Она, между прочим, родила на прошлой неделе, знаешь об этом?

– Не знаю и не хочу знать. Мне плевать, – честно ответил Мейнард. Один из лакеев налил ему еще вина, хоть он явно уже хватил лишнего. – А вот тут совершенно другая история. Жаль, что она нянька. Такие дамы слишком хороши для слуг, а для людей нашего положения в обществе они неинтересны, поскольку бедны и работали прислугой. Не женятся же на горничных.

– Анжелика не горничная, а няня. Полагаю, однажды она станет гувернанткой. Быть может, даже останется у нас в таком качестве.

– А, сукотища. Поскорее бы уехать в Лондон и там повеселиться, – ухмыльнулся Мейнард.

– О, да, – с энтузиазмом ответила Евгения и погладила живот. – Гарри хочет еще одного мальчика.

– Зачем ему столько? У него уже есть трое.

– Он создает собственную армию. Хочет, чтобы они продолжили его

дело. По его словам, доверять можно только семье.

– Может, он и прав. Пожалуй, отец придерживается того же мнения. Впрочем, мне не стоит доверять на этот счет, талантами дельца я явно обделен.

– Да и я, – вздохнула миссис Фергюсон. – Гарри постоянно жалуется, будто я слишком много трачу, хоть и выражается очень мягко.

– Везет тебе, – заметил Мейнард, оглядываясь по сторонам. – Мне бы найти кого-нибудь такого.

Она рассмеялась.

– Тогда почему бы тебе не прекратить гоняться за девчонками с ферм и нянями? Может, в Лондоне на каком-нибудь балу в июле тебе посчастливится встретить смазливую особу, у которой отец богат, как Крез.

– О, мне бы именно такую.

Миссис Фергюсон встала из-за стола.

– Наслаждайся сигарой и портвейном. Боюсь, от дыма мне станет плохо. Пожалуй, пойду спать. Увидимся утром, дражайший братец. Держи себя в руках.

Она слегка коснулась губами его щеки и ушла.

Мейнард всегда нравились такие вечера. Вино Гарри было замечательным – жаль, его не оказалось рядом, чтобы разделить напиток.

Допив вино, Мейнард пару минут думал, чем бы заняться, а потом тихо рассмеялся и направился к лестнице. Он миновал второй этаж, на котором находилась его комната, поднялся на третий и остановился перед дверью детской. «Сейчас всего половина десятого – няня наверняка не спит», – подумал Мейнард и мягко нажал на дверную ручку.

Анжелика оторвалась от чтения. Она слышала скрип и увидела, как шевелится ручка. Однако сколько повеса ни старался, дверь не открывалась – она была надежно заперта. Наконец он тихонько постучал. Анжелика все это время не издала ни звука.

– Добрый вечер. Я знаю, вы здесь. Откройте, мне надо с вами поговорить.

Она затаилась. Ее так просто не проведешь.

– Не глупи, – продолжил Мейнард. – Давай повеселимся. Дети явно спят, а тебе должно быть так же тоскливо, как и мне. Открой,пусти меня.

Нет ответа.

В течение десяти минут Мейнард еще несколько раз подергал ручку, но в конце концов пнул дверь и ушел.

Анжелика сидела не шелохнувшись, пока не услышала, как заскрипели ступени лестницы. Она сделала глубокий вдох и мысленно возблагодарила

Хелен и всех, кто предупреждал ее о брате хозяйки. Иначе последствия могли оказаться самыми тяжелыми.

Мейнард был зол на няню. Кем она себя возомнила? Думает, если она родственница герцога, то обязана изображать идеал невинности? В своей комнате развратник выпил еще вина и заснул в кресле, глядя на огонь в камине и ругая мисс Латэм последними словами. Он бы ее проучил – но не мог.

Анжелика проявила большую мудрость.

Глава 6

На следующее утро Мейнард уехал искать более доступные утехи.

– Увидимся в столице в июле, – пообещал он сестре. – Здесь для меня слишком тихо.

– Как и для меня, – ответила несчастная миссис Фергюсон. Ей не хотелось, чтобы брат покидал Гэмпшир. Впрочем, если он так быстро оставляет ее, то его замыслы касательно няни явно провалились. Иначе Мейнард остался бы еще на пару дней. Его провал принес сестре некоторое облегчение. Сейчас миссис Фергюсон нуждалась в няне как никогда, да и скандал в доме ей был ни к чему. Гарри будет доволен, когда узнает, что после визита Мейнарда не возникло очередной неприятной ситуации.

После отъезда брата тоска снова овладела миссис Фергюсон. Она ждала, когда же вернется муж. И тот вскоре явился, но всего на несколько дней и в компании друзей. Кроме того, в Гэмпшир прибыли несколько весьма привлекательных особ, что вызвало у Евгении крайнее раздражение. Но Гарри заверил жену, будто привез их, чтобы они составили ей компанию.

Гости провели в поместье неделю, мистер Фергюсон уехал вместе с ними – с ответными визитами.

Однажды, когда дети спали после обеда, Анжелика решила проведать хозяйку по пути в прачечную, куда направлялась для починки платья, порвавшегося во время прогулки с детьми по саду. Миссис Фергюсон, полулежа на груди подушек, плакала.

– Как вы себя чувствуете, мадам? – осторожно осведомилась Анжелика. – Могу я вам чем-то услужить? Может быть, вы желаете чашку холодного чая?

– Нет, – обиженно ответила хозяйка. – Я желаю, чтобы это покинуло наконец мое тело. Я больше не могу так жить, – заявила она, уставившись на свой гигантский живот.

Она по горло сыта материнством. Уже пятый ребенок за пять лет! Сколько можно?

– Мне нет дела до того, что будет говорить Гарри, но после этих родов он от меня больше ничего не добьется.

– Я слышала, будто после родов вся боль и все неудобства забываются, и женщины снова готовы стать матерями, – невинным тоном промолвила Анжелика.

– А вот я все помню, – сказала хозяйка и хмуро посмотрела на няню.

Беременность миссис Фергюсон переносила легко, но она мешала заниматься любимыми делами и надевать изящные платья. Сейчас хозяйка достигла таких размеров, что не могла носить ничего, кроме ночных рубашек, пусть и с кружевами. Стоило ей пожаловаться мужу, как тот рассмеялся, а затем уехал с друзьями, бросив ее одну.

– Привести вам детей в полдень? – спросила Анжелика.

– Нет, не надо. Они чересчур шумные. Пожалуй, я прогуляюсь у пруда. Не может же быть, чтобы на меня ничего не нашлось. Помогите мне встать.

Анжелика помогла хозяйке подняться и отправилась вниз. Прачки как раз сплетничали, а Стелла гладила очередную ночную рубашку хозяйки. Одна из служанок заметила, что в такую одежду можно спрятать целую садовую беседку. Грубая метафора, но недалекая от истины. Впрочем, ждать родов оставалось недолго.

Анжелике было жаль миссис Фергюсон, хоть та и не очень располагала к себе. Но теперь хозяйка выглядела абсолютно беспомощной и несчастной – трудно было оставаться безучастной.

Из окна детской Анжелика наблюдала, как миссис Фергюсон, покачиваясь, медленно прогуливается по саду.

Вечером, уложив детей спать, она отправилась в зал прислуги выпить чаю и увидела, как одна из горничных поднимается вверх со стопкой полотенец и белья. Служанка заявила, что у миссис Фергюсон час назад отошли воды, и недавно прибыл доктор. Больше пока ничего не произошло.

– Я так взволнована, – призналась Анжелика. – Передайте хозяйке, что я думаю о ней и надеюсь, что все пройдет наилучшим образом.

– Надеюсь, они не прикажут мне остаться там, – нервно произнесла горничная. Ей было всего шестнадцать. – Я никогда не видела, как младенец появляется на свет, а мама и не хочет, чтоб я видела, пока сама рожать не стану.

– С доктором приехала помощь?

– Да, две сиделки.

– Тогда вы им не понадобится.

Служанка поспешила вверх, а Анжелика – в зал прислуги. Там царил суета. Доктору и сиделкам готовили чай и еду. По словам доктора, пройдет еще немало времени, пока начнутся роды, но готовиться надо заранее. За кормилицей уже послали. Хотели отправить лакея за хозяином, но миссис Фергюсон была против. По ее мнению, ему незачем мучиться дома в ожидании, это лишь вымотало бы его, да и ей присутствие мужа ничем не помогло бы. К тому же доктор не пустил бы его в комнату в

любом случае. Джентльмены не должны видеть такого рода зрелища.

– Как она? – спросила Сара, наливая Анжелике чай. – Ты ее видела?

– С полудня нет. Жду не дожусь, кто родится. Бедняжка выглядела сегодня такой измученной... Уверена, она будет совершенно счастлива, когда все кончится.

– В прошлый раз Стелла была с ней, и, по ее словам, роды чуть ли не пару минут продлились, так быстро она родила.

Женщины начали делиться разными историями про роды, некоторые из которых звучали, как описания героических свершений. Наслушавшись их, Анжелика решила, что со своими детьми теперь точно спешить не будет.

Немного погодя спустилась Стелла и попросила чая для хозяйки – у той начались схватки, и она изнывала от жажды.

Тем временем миссис Фергюсон жаловалась на боли в спине. По ее ощущениям, эти роды были явно тяжелее прежних.

Доктор сильно волновался. Прошло два часа, а дитя никуда не двигалось, хотя боль нарастала. К полуночи, через шесть часов после отхода вод, он увидел голову ребенка, а через час на свет наконец появился мальчик.

Но ко всеобщему удивлению и ужасу, это был еще не конец. Схватки не прекратились. Доктор понял: двойня. Слава богу, второй ребенок оказался гораздо меньше и появился на свет значительно быстрее. Это была девочка. Впрочем, миссис Фергюсон легче не стало. Она потеряла много крови, а ее лицо приобрело угрожающе серый оттенок.

К счастью, стараниями доктора все обошлось, и на рассвете хозяйка отправилась ко сну, а вовсе не в мир иной, как боялись все вокруг. Доктор распорядился послать за отцом близнецов.

Зная, что хозяйка несколько часов проспит, Стелла спустилась в зал прислуги на чашечку чая. К тому же с миссис Фергюсон находились сиделки. Следующие несколько дней они будут заботиться о ней по очереди.

– Как все прошло? – спросила миссис Олбрайт.

– Ужасно, – честно призналась служанка и устало опустилась на стул. – Бедняга выглядела так, будто вот-вот скончается.

– Надеемся, этого не случится, – несколько мрачно произнесла одна из горничных. – У меня так кузина и невестка на тот свет отправились.

– Миссис Фергюсон вовсе не собирается нас покидать, – четко и громко объявила домоправительница. – Она только что родила близнецов. Естественно, ей сейчас очень тяжело. Нам нужно особенно хорошо

заботиться о ней.

Все начали оживленно беседовать, а экономка наклонилась к Стелле и тихо сказала:

– Раньше роды давались ей так легко...

– Не в этот раз. Никогда не видела ничего похожего, хозяйка совсем плоха.

– Ну ничего, она еще молода и полна сил. Справится, – уверенно ответила миссис Олбрайт. – Мы послали за мистером Фергюсоном. Он должен прибыть с минуты на минуту.

Стелла кивнула и отправилась в свою комнату передохнуть.

Гарри Фергюсон приехал после обеда, пребывая в чудесном расположении духа. Первым делом он захотел увидеть младенцев. Близнецы спали. Он взглянул на них, сияя от счастья, и нежно дотронулся до их крошечных пальчиков, заметил рыжие волосы и красивые черты лица у девочки, присмотрелся к мальчику – темноволосому и размером с трехмесячного ребенка. Прекрасные дети. Гарри гордился собой и Евгенией. Теперь у него две дочери и четверо сыновей – идеальная семья.

Мистер Фергюсон покинул временную детскую и пожелал увидиться с супругой. Та спала, но ненадолго разлепила глаза, когда он вошел и заговорил с сиделкой. Он приблизился к постели жены с улыбкой и был поражен ее внешним видом. Миссис Фергюсон привели в порядок как могли, но лицо все еще было смертельно бледным, а глаза запали.

– При-и-и...вет Гарри... – сонно пробормотала она. – Жуть... никогда не делай так... больше... никаких детей...

Мистеру Фергюсону хватило одного взгляда, чтобы понять, как трудно ей пришлось. На мгновение он ощутил вину, но затем его захлестнула новая волна счастья.

– Они идеальны... Прости... Они совершенно чудесны. Ты молодец.

Миссис Фергюсон кивнула с невидящим взглядом.

– Никогда больше...

– Хорошо, – нежно сказал он.

Если супруга действительно этого хочет, он удовольствуется тем, что уже есть. Шести детей вполне хватало. Мистер Фергюсон всегда хотел столько, а теперь имел даже близнецов – о чем и мечтать не смел!

– Я очень люблю тебя, – прошептал он жене, заметив, что та засыпает.

Затем он оставил ее и снова отправился взглянуть на новорожденных. Девочка только что проснулась, уставилась на него с удивлением и зевнула. А вот ее братик спал богатырским сном.

Гарри уединился в библиотеке, налил себе виски и уставился в окно,

думая о рожденной им с Евгенией династии. В его мире было все прекрасно, как никогда.

Глава 7

На следующий день после известия о рождении близнецов в детской воцарилось настоящее ликование. Сначала пришли в восторг Анжелика и Хелен, а затем обрадовались и дети. Они немедля захотели познакомиться с новыми братом и сестрой. Но Анжелика объяснила, что сейчас не время и они должны отдохнуть.

– Почему? Они устали добираться сюда? Они приехали издалека? – спросила Эмма и захотела увидеть мать. Но и этого оказалось нельзя. Девочку постигло жестокое разочарование. – Мамочка уехала их забирать?

Днем, во время чая, в детскую заглянул мистер Фергюсон. Он объявил, что новых брата и сестру зовут Джордж и Роза и скоро все их увидят, но сначала им нужно несколько дней поспать, такие они маленькие. Мама в порядке, заверил он своих чад, только очень занята. Мистер Фергюсон не хотел, чтобы дети увидели измученную мать и заволновались. Будь он на их месте, при виде Евгении сейчас он непременно испугался бы.

С каждым днем миссис Фергюсон выглядела все лучше. Она четко соблюдала распоряжения доктора под чутким присмотром сиделок и чувствовала, как к ней возвращаются силы.

Когда младенцам исполнилась неделя, Анжелике разрешили привести своих подопечных посмотреть на них. Оба близнеца, закутанные в пеленки, как раз бодрствовали. Детям строго-настрого запретили прикасаться к брату и сестре, поэтому им пришлось только зачарованно наблюдать за новорожденными.

– Могу я подержать одного? – спросила Эмма, вертясь вокруг Розы. Но кормилица объяснила, что надо подождать, пока младенцы окрепнут.

– Почему их двое, а не один, как все говорили? – спросил Саймон.

По его опыту, младенцы всегда появлялись по одному. Так было с Рупертом, так случилось с Чарльзом, и так должно было произойти сейчас.

– Нам добавили еще одного, – сказала Анжелика.

– Неужели никто не хотел второго, поэтому его отдали нам? – нахмурился Саймон.

– В том-то и дело, что твои мать и отец желали обоих сразу, – с улыбкой возразила Анжелика.

Мальчик покачал головой. Какие излишества стали позволять себе родители!

– Она выглядит в точности как ты, – сказала Анжелика Эмме. – За

исключением рыжих волос.

– У нее тоже будут кудри?

– Посмотрим.

В общей сложности дети провели с близнецами полчаса и остались очень довольны визитом. Эмма заметила, что Роза очень красива.

С этого дня они стали регулярно навещать младенцев. Саймону такое занятие быстро наскучило – Джордж с Розой постоянно спали. Руперт и Чарльз не могли проявлять какого-либо интереса в силу юного возраста. А вот Эмма каждый день просила водить ее к близнецам и постоянно говорила о братике и сестренке.

Спустя три недели дети увидели и мать. Миссис Фергюсон все еще выглядела уставшей и излишне бледной, но никого не напугала. Дети признались, что новые брат и сестра очень всем нравятся.

– Вам лучше после путешествия? – спросила Эмма. Евгения, судя по выражению лица, явно не поняла, о чем речь. – Нам сказали, что вы очень устали после поездки за Джорджем и Розой. Наверное, пришлось очень далеко ехать.

– О, да, – поняла наконец миссис Фергюсон и улыбнулась. – В дальние дали. Но теперь мне лучше.

Она лукаво переглянулась с Анжеликой, а затем объявила, что детям стоит пойти на прогулку – на улице как раз стояла чудесная погода. Свидание с матерью заняло пять минут.

Когда близнецам исполнился месяц, миссис Фергюсон спустилась к обеду с мужем, посидела на веранде и затем отправилась в постель. На следующий день Гарри уезжал в Лондон, и она планировала присоединиться к нему через пару недель – как раз к началу сезона. Ей не хотелось пропускать такое событие. Тем более в конце июня должен был состояться первый бал Гвинет и миссис Фергюсон обещала герцогине Уэстерфилд присутствовать на нем.

Друзья миссис Фергюсон начали приезжать в Гэмпшир с визитами. Всем не терпелось увидеть близнецов. Евгения не видела новорожденных до тех пор, пока им не исполнилось две недели – так ей было плохо, но уступила под натиском счастливого Гарри. Теперь она охотно брала младенцев на руки, чтобы показать гостям. Впрочем, по ее словам, она постоянно боялась их выронить или разбить, настолько маленькими и хрупкими они казались – словно фарфоровые куклы, поэтому держала их всего по несколько минут. Иногда она заглядывала в комнату к близнецам и недолго смотрела на них.

Однако больше всего ее занимала собственная фигура. Дети – не повод

терять форму. Она очень строго соблюдала диету и к концу июня, спустя семь недель после родов, вернула прежнюю форму. Довольная, миссис Фергюсон отправилась в Лондон.

После ее отъезда Анжелика стала больше времени проводить с близнецами. Она хотела привыкнуть к ним, прежде чем их поселят в детской. Хелен было строго наказано во всем помогать Анжелике. Миссис Фергюсон по-прежнему не видела необходимости во второй няне. Саре это казалось сумасшествием. Как одна женщина может справиться с шестью детьми, двое из которых недавно появились на свет?

– Тебе придется лишнюю пару рук отрастить, – сухо заметила она.

– Кормилица говорит, они на редкость спокойные младенцы, – заверила ее Анжелика. Заботиться о двух столь юных чадах ей будет в новинку, но мистер Фергюсон считал, что она прекрасно справится.

Чета Фергюсон вернулась в Гэмпшир в конце июля, когда закончился сезон. Но через три дня супруги уехали на месяц в Бат – миссис Фергюсон настаивала, будто ей совершенно необходимы лечебные воды курорта после всего, что она испытала за последнее время.

Возвратившись в конце августа, хозяева каждую ночь ездили к друзьям или устраивали приемы сами, вплоть до отъезда Саймона в Итон. Мальчик очень боялся уезжать и много раз делился своими чувствами с Анжеликой, зная, что не может ничего сказать родителям. Анжелика ободряла его словами о том, что ему следует быть сильным и храбрым, хотя сама испытывала грусть от скорой разлуки со своим подопечным. Накануне отъезда она привела Саймона попрощаться с родителями. Мистер Фергюсон пожал сыну руку, а миссис Фергюсон обняла. Оба наказали Саймону хорошо себя вести и усердно учиться. Мальчик же в тот момент выглядел немногим старше близнецов и чудом не расплакался.

Стояло прекрасное солнечное утро, когда старший отпрыск Фергюсонов отправился в путь. Анжелика несколько дней собирала багаж Саймона, сложив в сумки его любимые книги, одеяло, подушку и игрушечного медвежонка, с которым он спал с рождения. Саймон наотрез отказался оставлять его дома. Анжелике оставалось только надеяться, что над ним не будут смеяться и отбирать игрушку. Тем более все дети в его классе будут одного возраста.

Няня отвела Саймона вниз. Его багаж уже оказался сложен в экипаж. Для поездки в Виндзор мистер Фергюсон предоставил лучшую карету и кучера. Путь занимал пять часов, и кухарка приготовила в дорогу корзинку с едой. Родители не вышли проводить сына. На прощание Анжелика крепко-крепко обняла ребенка и махала вслед карете, пока та не скрылась

из вида.

Можно было только представить, что творилось в душе ребенка.

Проводив Саймона, Анжелика вернулась в детскую, где Хелен приглядывала за детьми. Близнецы прекрасно влились в жизнь в детской. Когда юные леди и джентльмены не гуляли в саду или не бегали по комнате, кто-нибудь из них обязательно тянул руки к Джорджу и Розе. Особенно обрадовалась соседству с новыми братиком и сестрой Эмма. Она души не чаяла в Розе и играла с ней, как с куклой, так что Анжелике иногда приходилось напоминать девочке относиться к сестренке бережнее.

Без Саймона детская как будто опустела. С самого приезда Анжелика четко ощущала его влияние как старшего брата: он заботился о братьях и сестрах и в каком-то смысле вел себя как взрослый мужчина. Хотелось надеяться, что в школе Саймон будет счастлив. Хотя разве ребенок может быть счастлив вдали от дома и родных в столь юном возрасте?

Наступил ноябрь. Анжелика вдруг осознала, что исполнился год, как она служит у Фергюсонов. Время, казалось, пролетело непозволительно быстро. Анжелика задумалась: что дальше? Нынешнее положение ее удовлетворяло. Она очень привязалась ко всем детям, включая близнецов. Анжелике не хотелось ни жить, ни трудиться в ином месте – за исключением, возможно, Белгрейва. И все же, не стоило ли ей заняться чем-то другим, более солидным? И не пришло ли время воспользоваться отцовским даром? Нет, рано уходить от Фергюсонов. Под их защитой она чувствовала себя вполне комфортно.

Однако Анжелика не желала всю жизнь заниматься только тем, что растить чужих детей.

Многие люди, с которыми Анжелика теперь общалась, были рождены для работы слугами и лакеями. Но не она. Временами Анжелика думала: каково это, управлять собственным домом и принимать решения самой? Годы летят быстро, и однажды мисс Латэм проснется состарившейся. Изгнав сестру, Тристан не просто лишил ее дома, он обрек ее на жизнь, к которой она никогда не готовилась и с которой не могла смириться. Неужели у нее теперь нет власти над собственной судьбой?

С помощью Хелен Анжелика вполне сносно заботилась о пятерых подопечных. Она любила их, пожалуй, сильнее, чем родители. Но все-таки это были чужие дети и чужой дом. Интересно, других слуг посещают подобные мысли?

Иногда по ночам, лежа без сна, Анжелика размышляла: пройдет ли так вся ее жизнь, или когда-нибудь она изменится.

На рождественские каникулы домой приехал Саймон. Анжелика сразу заметила, как он вырос и похудел. Неужели в Итоне детей плохо кормят? В глазах мальчика затаилась печаль. Он выглядел как покинутое дитя. Всю свою любовь и энергию Анжелика вложила в заботу о нем. Она даже связала ему свитер на Рождество по совету одной из горничных. Анжелика спросила мальчика, где его медвежонок. Саймон ответил, что в Итоне его отобрали и отправили домой, сказав, что он теперь большой мальчик и ему не пристало спать с игрушками.

Все время Саймон проводил рядом с любимой няней, а ночью перед отъездом расплакался у нее в объятиях. Мальчик молил ее позволить ему остаться дома.

– Я не могу, Саймон, – проговорила Анжелика, проглотив комок в горле. – Твои родители хотят, чтобы ты учился в Итоне. Они не слушают меня.

– Скажите им, я буду вести себя хорошо всю жизнь.

– Но мама и папа хотят для тебя новых друзей и хорошего образования.

– Не хочу я ни друзей, ни образования. У меня есть вы. Вы ведь всегда будете здесь?

Он задал ей тот же вопрос, который Анжелика давно задавала себе самой. И ему она никак не могла лгать.

– Я не знаю. Это зависит от твоих родителей. Скоро за тобой последуют твои братья.

– Почему мы не можем остаться здесь? – обиженно спросил Саймон.

– Потому что мальчики должны учиться в школе, подобной Итону, и это правильно.

Откровенно говоря, Анжелика не верила собственным словам. Она с радостью оставила бы Саймона дома и учила сама или наняла гувернеров. Но его родители придерживались иного мнения. В свое время братьев Анжелики тоже отправили в школу, хоть и не в столь нежном возрасте. Эдварду такой опыт не понравился. А вот Тристану там пришлось по душе.

И вновь Анжелика провожала Саймона, и вновь мальчик выглядел несчастным. Прижавшись лицом к окошку, он долго смотрел на нее. Анжелике казалось, что она предала своего подопечного.

С тяжелым сердцем она вернулась в детскую и приготовила детям завтрак. Эмма кашляла, и, похоже, у нее был жар. Анжелика уложила девочку в постель и попросила Хелен присмотреть за ней, а сама отправилась с Рупертом и Чарльзом на прогулку. Эмма моментально заснула, прижав к себе любимую куклу.

Гуляя по саду, Анжелика размышляла об Эмме и Саймоне.

Миссис Фергюсон не думала о детях вообще. Она составляла меню для гостей, приезжающих этой ночью из Лондона.

Глава 8

После прогулки в саду у Анжелики пощипывало лицо и замерзли руки, но оно того стоило. Мальчишки резвились как неугомонные, и у няни на удивление энергии оказалось не меньше, чем у ее подопечных.

– Как тебе удастся с ними управляться? – прошептала ей кухарка, когда они вернулись домой, и выдала ребятам тарелку с выпечкой.

– Хелен помогает, – улыбнулась Анжелика и съела несколько бисквитов с имбирем – только что из печи. Миссис Уильямс тоже готовила такое печенье для нее, когда Анжелика была маленькой.

Эмма еще не проснулась, однако жар усилился. Несколько минут Анжелика не сводила взгляда с девочки, а затем отправилась к близнецам. Пока она меняла пеленки Розе, Хелен держала на руках Джорджа. Младенец заснул только после того, как ему вручили бутылочку с молоком. Джорджа стали часто беспокоить боли в животике, и Анжелике приходилось из-за него вставать по три раза за ночь, в то время как его сестрица спала абсолютно спокойно, а утром просыпалась с широкой улыбкой и громким воркованием.

Покормив Розу, Анжелика вернулась к Эмме. Та зашевелилась под одеялом и, как только открыла глаза, заплакала.

– Я болю, – захрипела она и чуть не задохнулась в приступе мокрого кашля.

Анжелика заставила ее сесть и выпить немного воды. Прикоснувшись ко лбу подопечной, она почувствовала сильный жар.

Девочка плакала, и чем больше плакала, тем сильнее кашляла. Только через пять минут она успокоилась и снова прилегла. Наказав Хелен присмотреть за Эммой, Анжелика направилась к двери.

– Ты куда?

– Собираюсь послать за доктором, – прошептала Анжелика. Было очевидно, что девочка сильно заболела, причем очень быстро – прошлой ночью она чувствовала себя отлично.

Анжелика поспешила вниз и встретила Стеллу, покидающую спальню хозяйки.

– На твоём месте я не стала бы заходить к ней, – бросила Стелла. – Она в плохом расположении духа. – И добавила, понизив голос и закатив глаза: – Ей, видите ли, не нравится, как я убрала ее волосы.

– Я вынуждена, – обеспокоенно ответила Анжелика. – Нам нужен

доктор.

Служанка кивнула.

– Входи, но на свой страх и риск. В меня она кинула домашней туфлей.

Иногда миссис Фергюсон закатывала истерики, когда ей казалось, будто платье на ней не так сидит, или плохо выглажено, или плохо подшито, или корсет не туго завязан.

Прежде чем войти, Анжелика тихо постучалась.

– Да? Вернулись, чтобы все исправить как полагается? – раздался сварливый голос хозяйки.

– Простите, миссис Фергюсон, – проговорила Анжелика, входя в спальню. На голове хозяйки оказалась вполне достойно сделанная и весьма сложная прическа.

– А вы что тут делаете?

– Эмме плохо. У нее сильный жар и тяжелый кашель.

– Ну, так дайте ей чая с медом и немного той микстуры, которую оставил нам доктор после болезни Руперта. Скорее всего, это одно и то же.

– У него не было жара, – вежливо напомнила Анжелика. – Я думаю, следует послать за доктором.

– Глупости. Из-за обычной простуды? Да они же постоянно болеют. Только не подпускайте ее к близнецам – они слишком малы.

– Мне кажется, это не обычная простуда, мэм, – твердо заметила Анжелика.

– Вы не доктор. Где Стелла? Я же приказала ей вернуться и все переделать.

– Уверена, она вот-вот придет. Я бы очень хотела послать за доктором Смитом.

– Нам не следует беспокоить его из-за детей, если в этом нет крайней необходимости, иначе мы будем вызывать его на каждый чих.

– У Эммы очень сильный жар, мэм, и она кашляет, словно лает.

– Какие неприятные вещи вы говорите! – Хозяйка раздраженно возрилась на Анжелику. – Посмотрим, что будет через пару дней. Если завтра ей станет хуже, поставьте меня в известность. Мы не можем гонять доктора Смита через весь Гэмпшир по любому поводу. Уверена, утром Эмме станет лучше. Это же дети, вы знаете, как с ними бывает.

После четырнадцати месяцев непрерывных хлопот о них Анжелика отлично знала, как бывает с детьми. Эмма никогда не болела. Пусть она и казалась хрупкой девочкой, но на самом деле была здоровее братьев.

– А теперь отправляйтесь наверх и приглядывайте за ней. Как там близнецы?

– Замечательно, мэм, – в смятении ответила Анжелика. Похоже, миссис Фергюсон не убедить. Сама она никогда не поднимется в детскую, тем более когда там есть больные дети. Она постоянно боялась чем-нибудь от них заразиться.

В комнату, все еще нервничая, вошла Стелла. Она знала, что ей предстоит возиться с волосами хозяйки, пока та наконец не останется довольна.

– А, вот и вы, – протянула миссис Фергюсон и взмахом руки дала Анжелике понять, что аудиенция закончилась. Той ничего не оставалось, кроме как выйти из комнаты в полной панике.

В детской Анжелика обнаружила, что Эмме стало хуже. Интересно, как отреагировал бы мистер Фергюсон? Впрочем, наверняка так же, как и его супруга.

Анжелика попросила Хелен присмотреть за остальными детьми, пока сама посидит с Эммой. Она положила девочке на лоб смоченную в прохладной воде марлю и дала ей ложку микстуры. Не помогло, однако через полчаса Анжелике удалось убаюкать больную песнями.

Наконец им с Хелен выдалась свободная минута.

– И что сказала хозяйка?

– Она отказалась посылать за врачом. По ее мнению, Эмма простудилась, и только.

– Ага, по мне, это как-то не похоже на насморк. Бедняга кашляла все время, пока тебя не было.

Анжелика не удивилась. Ответ миссис Фергюсон беспокоил ее. Сама хозяйка при первых признаках недомогания не стеснялась посылать за доктором Стоуном, но вот недуги детей считала вымышленными или незначительными, а значит, и недостойными внимания врача.

Хелен принесла обед. Пока Руперт и Чарльз ели, Анжелика пошла вниз за бульоном и чаем с медом для Эммы.

На кухне, как всегда, бурлила жизнь. Вечером миссис Фергюсон принимала гостей, и им готовили изысканные блюда. Кухарка и ее помощницы были заняты, поэтому Анжелика сама принялась наливать бульон.

– Что, детям не понравилось рагу? – спросила кухарка.

– О, нет, они съели его с громадным аппетитом. Эмма очень больна. Для нее и бульон.

– Ох, бедняжка. После обеда я пошлю ей с братьями пудинг.

Какой там пудинг! Девочка съела немного супа, но ее тут же стошнило.

Оставшийся день Анжелика провела у постели Эммы, меняя компрессы на лбу, напевая или молча держа ее за руку. С наступлением сумерек девочка крепко уснула. Уложив остальных детей, Хелен, уставшая, отправилась спать. Управляться с ребятами у нее получалось гораздо хуже, чем у Анжелики. Кроме того, Хелен всегда боялась выводить их на улицу – дети взяли в привычку убежать от нее, чего не делали при Анжелике.

Утром Эмме не стало лучше, хотя ее состояние и не ухудшилось. Как же теперь обратиться к миссис Фергюсон? Та наверняка снова откажется посылать за доктором.

Прошел еще один день. К вечеру Эмме стало намного хуже. Жар усилился, у девочки болела голова и ломило все тело. Более того, она с трудом могла глотать, а приступы кашля стали чаще и сильнее.

В восемь утра Анжелика постучала в дверь спальни хозяйки, чем бы ей ни грозил этот поступок.

– В чем дело? – Голос миссис Фергюсон звучал сонно и недовольно.

– Это Анжелика, мэм. Я полагаю, нам все же необходимо послать за доктором для Эммы.

– Ей хуже?

– Нет. Но и не лучше. Эмма очень, очень больна.

На этот раз за дверью долго молчали. Наконец хозяйка произнесла:

– Подождите до завтра. Уверена, Эмме станет лучше.

Откуда ей знать? Она даже не видела дочь. Анжелика боролась с желанием барабанить в дверь и кричать на хозяйку.

– Я искренне полагаю...

– Хватит, Анжелика! – воскликнула миссис Фергюсон.

Со слезами, текущими по щекам, Анжелика отошла от двери. Она не могла послать за врачом без разрешения миссис Фергюсон.

И снова весь день Анжелика провела у постели больной. С наступлением сумерек Эмме опять стало хуже. Она уже не могла вставать и начала бредить. Анжелика знала, что около полудня из Лондона вернулся мистер Фергюсон, и решила обратиться к нему. Может, он проявит больше заботы о дочери, чем его супруга?

На негнущихся от страха ногах она подошла к залу, где хозяин принимал очередных гостей. Здесь ее заметил мистер Гилхоули.

– Вам нельзя входить туда, – заметил дворецкий.

– Я знаю. Вы не могли бы передать мистеру Фергюсону, что Эмма больна. Нужно немедленно послать за доктором. Ждать больше нельзя.

Дворецкий кивнул и понизил голос:

– Я сам распоряжусь послать за доктором. Если миссис разозлится,

пусть винит меня.

Анжелика была ему безмерно благодарна. На протяжении четырех дней никто ее даже не слушал толком – даже мать.

– Я расскажу хозяйке обо всем после ужина, а к тому времени доктор Смит уже осмотрит девочку. Миссис не останется ничего, кроме как накричать на меня, – улыбнулся Гилхоули. – Если у нее хватит храбрости.

– Спасибо вам, мистер Гилхоули, большое спасибо, – ответила Анжелика с непередаваемым облегчением и надеждой. – Я буду ожидать доктора в детской. – И она поспешила наверх.

– Молодчина, – прошептал ей вслед дворецкий.

Доктор прибыл через полчаса. Анжелика рассказала ему о ходе болезни подопечной.

– Почему вы не послали за мной раньше? – с явным неудовольствием спросил доктор. Услышанное ему не понравилось. Симптомы напоминали скарлатину, и мистер Смит беспокоился о здоровье остальных детей, особенно близнецов.

– Миссис Фергюсон считала, что ее дочь всего лишь простудилась, – мягко ответила Анжелика.

Доктор вспомнил, как часто приезжал к миссис Фергюсон из-за сущих пустяков, но промолчал.

Анжелика разбудила Эмму, и доктор осмотрел ее. Девочка расплакалась и сообщила, как ей больно, раскашлялась, а напоследок ее стошнило.

– К счастью, это не скарлатина, – с облегчением отметил мистер Смит. – Но радоваться рано. Налицо инфлюэнца со значительными осложнениями, которая в таком возрасте может окончиться летальным исходом. Вы поступили очень мудро, послав за мной. Мистер Гилхоули просил приехать как можно скорее, и благодарение Богу, я оказался свободен. В первую очередь нужно сбить жар и пропить курс одного сильного лекарства от кашля. Еще я вам дам снотворное для больной. Рядом с девочкой постоянно должен кто-то дежурить и наблюдать за ее состоянием. Если жар станет усиливаться, немедленно посылайте за мной.

Доктор выглядел крайне озабоченным, но Анжелика находилась в приподнятом настроении. Они с дворецким приняли правильное решение, и Эмма вскоре поправится. Теперь можно спокойно встретить гнев хозяйки.

– В карантине нужды нет, – продолжил доктор, – но в одной комнате с ней другим детям находиться не следует.

Но что, если Саймон успел заразиться перед отъездом? Анжелика мысленно взмолилась о его здоровье.

Доктор передал няне микстуру от кашля и пузырек со снотворным и строго наказал держать несчастную в тепле, но регулярно умыть прохладной водой.

– Спасибо вам, сэр, – ответила Анжелика, и мистер Смит улыбнулся.

– Вашим нанимателям очень повезло, – искренне произнес он. – Если вы когда-нибудь решите оставить эту работу, я с радостью предложил бы вам жалованье сиделки.

– Благодарю, – робко проговорила Анжелика. Она никогда не задумывалась о такой работе и не была уверена, что ей придется по душе подобное занятие – Эмму она все-таки любила и потому так обхаживала.

– С девочкой все будет в порядке, – заверил ее доктор. – Дети быстро поправляются.

Пообещав вернуться утром, он вышел из детской.

Фергюсоны принимали гостей, поэтому мистер Смит не стал их беспокоить. В любом случае их няня прекрасно знает свое дело. Может, она и юна, но ума и энергии ей было не занимать. Доктор спокойно оставлял больную на попечении мисс Латэм.

Анжелика выполнила все предписания врача. Вскоре Эмма заснула и почти не кашляла до утра. Впервые за несколько дней ночь прошла спокойно – и для ребенка, и для няни. Хелен искренне не понимала, как няня все еще держится на ногах. Но перед самой Анжеликой такой вопрос не стоял. У нее просто не было выбора.

В девять утра доктор вернулся, как и обещал. Здоровые дети только что позавтракали, а Эмма едва пробудилась. Анжелика, пусть и бледная от изнеможения, держала все под контролем.

– Как наша пациентка? – осведомился мистер Смит, поздоровавшись с детьми и быстро оглядев их. Выглядели они отлично и ели явно с аппетитом.

– Ночь прошла гораздо лучше, чем предыдущие, и, кажется, жар понемногу спадает. Эмма уже не бредила и не плакала после пробуждения, как раньше.

– Замечательно, – кивнул доктор.

И для него, и для Анжелики было очевидно: состояние Эммы улучшилось. Та даже улыбнулась – впервые за несколько дней.

– Полагаю, юная леди, совсем скоро вы будете чувствовать себя гораздо лучше, – заявил доктор. – Главное – пейте лекарство и делайте все, что скажет ваша няня. Всего чуть-чуть, и вы поправитесь и снова будете играть с сестрой и братьями.

Девочка показала мистеру Смиту куклу и проговорила:

– Она тоже больна. Ей тоже нужно лекарство.

Анжелика и доктор улыбнулись друг другу. Определенно, дела шли на поправку.

– Правда? Ну что ж, тогда няня и ей выдаст что-нибудь. У нее кашель? Эмма улыбнулась и кивнула. Ей нравился мистер Смит.

– Тогда ей нужна микстура, – со всей серьезностью обратился он к Анжелике, – и капли. Проследите, чтобы она проглотила их, а не выплюнула. – Тут девочка хихикнула. – Хорошие дети всегда пьют лекарства и выздоравливают.

– А можно мне увидеть Розу сегодня?

Еще один добрый знак. Раньше Эмме было не до сестры.

Доктор покачал головой и сказал, что надо подождать еще несколько дней. Перед уходом он пообещал приехать на следующий день – если только за ним не потребуется послать раньше, в случае ухудшения состояния Эммы или заражения других детей. Анжелика надеялась, что до этого не дойдет, и широко улыбалась, провожая мистера Смита.

На втором этаже доктор остановился и постучал в дверь спальни миссис Фергюсон. Стелла немедленно открыла и, увидев доктора, испугалась.

– О, нет... Неужели что-то...

– Нет, вовсе нет, – развеял он ее опасения. – Девочке уже лучше. Не могу ли я пару минут побеседовать с миссис Фергюсон?

– У нее еще не убраны волосы и она только что позавтракала, но я передам ей вашу просьбу немедленно.

Стелла пропала в глубине комнаты, но через минуту вернулась и попросила доктора войти.

Евгения сидела в кровати, на ее коленях покоился поднос с едой. Она была удивлена визиту мистера Смита и на миг взволновалась.

– Кто-то болен? – в недоумении спросила она. Ей не пришло в голову, что мистер Смит приехал из-за Эммы – она ведь сказала Анжелике не беспокоить врача из-за пустячного насморка.

Доктор сразу понял, что миссис Фергюсон еще никто не сообщил о вечерних событиях. Он не хотел, чтобы у няни и дворецкого были неприятности из-за дерзкой инициативы, и потому начал так:

– Конечно же, я знаю, как сильно вы беспокоитесь за Эмму и других детей. Но, к счастью, никто, кроме нее, не заболел, и я хочу поблагодарить вас за невероятную мудрость и похвальную осторожность, которые вы проявили, решив послать за мной. У Эммы очень тяжелый, крайне опасный случай инфлюэнцы, чреватый для детей летальным исходом, но теперь она

идет на поправку. У вас замечательная няня, такая смышленная и разбирающаяся в детях. Вы приняли прекрасное решение, наняв ее.

Евгения смотрела на врача, широко раскрыв глаза. Ее хвалили за то, чего она не делала. Более того, уже два дня она даже не спрашивала об Эмме.

– Пожалуй, детям не стоит спускаться вниз неделю-другую. Никогда не знаешь, чем все кончится, ребенок может кого-нибудь заразить.

– Эмма выздоровеет уже через несколько дней. Я бы не стал так волноваться на вашем месте.

Но Евгения боялась находиться рядом с детьми, когда кто-то из них болел. Кроме того, Эмма не просто заболела, а подхватила инфлюэнцу! А ведь миссис Фергюсон уже было подумала, что Анжелика истеричка, волнующаяся из-за обычного насморка.

– Ваша няня – настоящее сокровище, и вы проявили недюжинную мудрость, позволив ей послать за мной. Дайте знать, если кто-нибудь еще заразится.

– Конечно, – ответила Евгения, беспокоясь за собственное здоровье.

– Я вернусь завтра, если только не понадобится раньше, – улыбнулся мистер Смит.

– Благодарю вас, доктор, – проговорила миссис Фергюсон ему вслед, не зная, что делать. Она бы сделала выговор Анжелике, да только, похоже, та оказалась права. Очевидно, придется обойтись без наказаний.

Главное – не видеться ни с кем, кто недавно был в детской, о чем хозяйка и заявила Стелле.

– Судя по всему, Эмма разболелась прошлой ночью, и няня послала за доктором. У моей дочери инфлюэнца. Ни в коем случае не ходите на третий этаж – я не хочу заразиться.

– Как вам будет угодно, мэм, – вежливо ответила Стелла. – Как себя чувствует ваша дочь?

– Не очень хорошо, но доктор Смит утверждает, что скоро она пойдет на поправку. По его словам, инфлюэнца крайне опасна для детей и может закончиться смертью. Я знала, конечно, что Эмме нездоровилось, но даже не думала, что все так серьезно. Ей стало хуже во время нашего званого ужина прошлой ночью. – Вопиющая ложь. Ребенок болел уже четвертый день, мать поставили в известность, но ей не было дела до собственной дочери. – Передайте няне: когда она поведет детей на прогулку, пусть спускается по лестнице для слуг.

– Обязательно, мэм. – Служанка присела в коротком реверансе и поспешила в детскую.

– Как Эмма? – спросила она у Анжелики. Стелла была искренне обеспокоена здоровьем девочки.

– Немного лучше. Бедняжка очень больна.

– Я слыхала, да. Теперь ее мать страшно боится заразиться и распорядилась, чтобы вы с детьми избегали комнат на втором этаже и пользовались лестницей для слуг. Бального зала тебе еще долго не видать, смотри, не помри от скуки!

Анжелика рассмеялась, оценив шутку.

Миссис Фергюсон тем временем погрузилась в размышления: не стоит ли ей попробовать новую прическу?

Глава 9

В феврале Фергюсоны отбыли в Лондон и вернулись в Гэмпшир только в марте. С новой прической и в новых дорогих платьях миссис Фергюсон выглядела как никогда прекрасно. Впервые за два месяца она увидела детей и удивилась тому, как сильно подросли близнецы. Джордж уже начал ходить. Эмма за время болезни еще сильнее привязалась к Анжелике.

Спустя неделю после возвращения домой супруги устраивали очередной прием, и Гилхоули с миссис Олбрайт были заняты соответствующими приготовлениями. Среди новых знакомых Фергюсонов оказалось немало весьма недурных собой холостяков, состязавшихся друг с другом за внимание Евгении и открыто флиртовавших с ней. Гарри, похоже, не возражал. У него самого хватало любовниц, хотя он и тщательно скрывал свои связи.

Анжелика получила еще два письма от миссис Уайт. В Белгрейве продолжалась смена обстановки и часто устраивались званые вечера и балы. Штат прислуги значительно расширился.

Анжелика тосковала по дому. Сейчас ей даже не верилось, что у нее была иная жизнь. Теперь Анжелика была вынуждена работать, возможно, до тех пор, пока не найдет себе мужа – а такое казалось маловероятным. Ее окружали лакеи, конюхи, помощники дворецкого, и ни одна из этих кандидатур не казалась ей привлекательной. А для джентльмена из высшего света она вряд ли представляла выгодную партию. В любом случае Анжелика не могла вообразить замужнюю жизнь, собственных детей, и это заставляло ее держаться за работу у Фергюсонов, пусть она и не уважала хозяев.

Пока Фюргюсоны развлекали гостей, Анжелика придумывала развлечения для подопечных. Они играли в саду, бродили по лабиринту, кормили уток в пруду. Руперт и Эмма катались на пони.

Однажды, возвращаясь с прогулки, Анжелика встретила с весьма привлекательным джентльменом. Тот был приятно удивлен.

– Ну и ну, кто это тут у нас, – со смехом произнес незнакомец. – Лесная фея, и при этом прекрасная. – По ее платью и по коляске с ребенком он сразу понял, что перед ним няня. Его слова заставили ее смущенно покраснеть. – Здравствуйте, – продолжил джентльмен, шагая рядом, – и где же вы скрывались?

Анжелике его речь показалась слишком уж смелой, и она молчала. Вокруг не было ни души. Руперт и Эмма еще катались на пони, а Хелен с Чарльзом и Джорджем ушли далеко вперед.

– Как вас зовут? – не отставал незнакомец, пристально глядя на Анжелику. Рядом с таким высоким джентльменом она казалась совсем крошечной.

– Няня Фергюсон, – вежливо ответила она, надеясь, что он сейчас уйдет. Меньше всего ей хотелось, чтобы их кто-нибудь увидел и пошли пикантные слухи.

– Не это имя, глупышка, настоящее. Мэри? Джейн? Маргарет? Мужчина явно не собирался оставлять ее одну.

– Анжелика, – тихо произнесла она, не желая грубить незнакомцу, но и не собираясь кокетничать с ним. Некоторые приятели Фергюсонов отличались чрезмерной прытью.

– Какое интересное имя, – заметил джентльмен. – Французское. Но вы говорите как англичанка.

Что-то в ней выдавало, что она не простая служанка и когда-то занимала более высокое положение в обществе. Скорее всего, она родилась в одной из тех семей среднего достатка, которые однажды разорились.

– Почему я не видел вас в лондонском особняке? – продолжил он расспросы.

– Дети проводят большую часть времени в Гэмпшире.

– Должно быть, вы изнываете от скуки, – сочувственно произнес незнакомец.

– Вовсе нет.

– Дорогая, не притворяйтесь, будто вам здесь нравится. Вы слишком красивы, чтобы прозябать в провинции. – Анжелика ускорила шаг, но мужчина не отставал. – Такой даме, как вы, место в столице.

– Я очень счастлива здесь, сэр.

Его комплименты не льстили ей, а только заставляли больше волноваться. Еще ни один гость не проявлял такой настойчивости по отношению к ней. Пожалуй, даже Мейнард был менее упрям.

– Я планирую здесь часто бывать весной и летом, чтобы навещать... – на секунду он запнулся, – ваших нанимателей. Мы с вами могли бы подружиться и вместе познать много удовольствий.

Да у него стыда нет!

– Подумайте об этом, – продолжил мужчина, а когда она ничего ответила, заметил: – А, вы робки. Со мной вы можете вести себя смелее – я никому не скажу, можете поверить.

– Благодарю вас, сэр.

Тут показался дом, и Анжелика чуть не побежала к нему, стремясь поскорее избавиться от назойливого ловеласа. Тот лишь рассмеялся ей вслед. Он пришел в чрезвычайно приподнятое настроение. Прелестная юная особа, с узкой талией, соблазнительной, хоть и небольшой, грудью, великолепными белокурыми волосами, которые ему не терпелось распустить, и громадными синими глазами. Пожалуй, он уж и не помнил, когда в последний раз встречал таких прекрасных дам. Няня была не такой женственной, как Евгения, и более мягкой, чем ее хозяйка. Ему понравились ее скромность и робость – они только раззадоривали его. Мужчина подошел к парадному входу, весело насвистывая себе под нос. Теперь визиты в Гэмпшир обещали быть гораздо интереснее. Одна женщина наверху, другая внизу. Все, как он любит.

Войдя в обеденный зал, он застал Гарри в компании еще полудюжины мужчин.

– Хей-хо, Берти! Чем занимался? – воскликнул мистер Фергюсон, отрываясь от газеты.

– Нагуливал аппетит. Здесь прекрасные пейзажи, – произнес он, думая о молоденькой няне.

– Мы отправляемся на верховую прогулку сразу после завтрака, – заявил Гарри. Он приобрел несколько новых скакунов, которыми хотел похвастаться перед гостями.

– О, с удовольствием, – широко улыбнулся Берти. – Составят ли дамы нам компанию?

– Вряд ли. Многие из них не поднимутся до полудня. По крайней мере, Евгения точно.

Лакей подал Берти яичницу и фрукты и налил горячий кофе. Взяв одну из газет, довольный ловелас оглядел новых друзей. Он прекрасно проведет здесь время.

Пока джентльмены объезжали коней, леди просыпались и наводили красоту. В час дня состоялся пышный обед, затем последовала игра в крикет. Настроение у всех было отличное. С Евгенией заигрывали сразу три гостя, и Берти среди них был самым незаметным. Он недавно познакомился с Гарри и не хотел оказывать его супруге уж слишком явные знаки внимания. По крайней мере, пока. К тому же Берти понимал, что, проявляя к миссис Фергюсон вялый интерес, он тем самым стал для нее самым желанным, и Евгения делала все, чтобы очаровать его. О, в этих играх он отлично разбирался. Берти был не женат и не собирался жениться – ему хватало развлечений с женщинами, особенно с чужими женами.

После крикета последовали карты, а затем – чай в библиотеке. Постепенно гости начали расходиться.

К ужину дамы спустились в красивых вечерних платьях и в дорогих украшениях. Однако превзойти хозяйку не смог никто. Миссис Фергюсон улучила минутку и поговорила с желанным гостем наедине. Тот не разочаровал ее, страстным шепотом заявив, что влюбился, не устояв перед ее чарами. На щеках Евгении выступил румянец. Все ее мысли были заняты одним вопросом: как бы заманить его в свою комнату, да так, чтобы Гарри ничего не заметил?

– Не спешите, – прошептал Берти, словно прочтя ее мысли. – Я буду навещать вас так часто, как вы того пожелаете... например, когда Гарри отбудет в Лондон.

Евгения удалилась к себе, опьяненная его обещанием. Пока Стелла раздевала ее, она мечтала. Служанка не удержалась и спросила:

– Прекрасный вечер, мадам?

– Чудесный. В этот раз у нас такие замечательные гости...

Стелла слышала, что на уик-энд в Гэмпшире осталось много красивых мужчин. Что ж, у хозяйки был большой выбор.

Анжелика никому не сказала о своей встрече с одним из гостей. Его поведение ее крайне обеспокоило – очень уж оно напоминало поведение Мейнарда. Только незнакомец оказался еще хуже брата хозяйки. Он не сомневался, что предложил няне то, чего она сама хотела. Конечно, он глубоко ошибался, но от этого было не легче.

Из разговоров слуг Анжелика поняла, что незнакомец весь вечер ухаживал за хозяйкой, да и она оказывала ему знаки внимания. Мистер Фергюсон никак не реагировал на такие фривольности, так как был увлечен беседой с недавно овдовевшей немецкой баронессой.

Два сапога – пара.

Впрочем, в такой ситуации Анжелика чувствовала себя безопасно. Мужчина, повстречавшийся ей утром в парке, будет слишком занят заигрываниями со знатными леди, чтобы думать о соблазнении какой-то служанки. С этими мыслями она прибралась в детской, задула свечи и отправилась к себе. Дети и Хелен давно спали.

Среди ночи Анжелика захотела пить и встала, чтобы налить стакан воды... И вдруг увидела, как в комнату проскользнул мужчина во фраке. В лунном свете он выглядел совершенно завораживающе и улыбался ей. Сердце Анжелики ушло в пятки.

– Что вы здесь делаете? – шепотом осведомилась она, пытаясь скрыть испуг.

– Мне показалось, нам стоит познакомиться поближе, когда все уснут. Меня зовут Берти, – ответил он и в два шага очутился рядом с ней. Обхватив Анжелику одной рукой за талию, второй он забрался ей под ночную рубашку. Анжелика вырвалась из его хватки и бросилась к двери в комнату Хелен. Ей хотелось кричать, но, боясь разбудить детей, она заставила себя молчать. Ни один мужчина не позволял себе с ней такого.

Берти стремительно приблизился, снова схватил Анжелику и впился в ее губы. От него пахло спиртным.

– Смелее, – хрипло произнес он, – не притворяйся такой робкой. Я знаю, тебе хочется того же, что и мне.

– Отнюдь, – пробормотала Анжелика и, оттолкнув его, бросилась к выходу, но замерла на пороге. Она не хотела оставлять детей и Хелен наедине с пьяным мужчиной. – Я требую, чтобы вы немедленно покинули комнату. Я с вами не буду заниматься решительно ничем.

Он рассмеялся ей в лицо.

– Будешь, если я того пожелаю. Твоя хозяйка молила меня чуть ли не на коленях, чтобы я навестил ее в постели, но я предпочитаю твою.

Анжелика была моложе, свежее, привлекательнее. Ее сопротивление возбуждало его. Пожалуй, Евгения была слишком уж страстной и бесстыдной в своих желаниях. Впрочем, матроной он тоже займется, всенепременно, но позже. Подождет. Сейчас его воображение больше распалая няня.

– Прошу вас, уходите, – умоляюще взглянула на него Анжелика.

– А что, если я откажусь? – Берти снова приблизился к ней и крепко схватил за плечи. На этот раз он ее не выпустит. – Что будешь делать тогда?

– Закричу, – пропищала Анжелика.

Сжав ее бедра, он снова попытался поцеловать ее.

Но дочь герцога Уэстерфилда не собиралась сдаваться мерзавцу и, укусив его в губу, оттолкнула. Он рухнул в одно из кресел. На его безупречно белую рубашку капала кровь.

– Сука! – процедил Берти сквозь зубы, неуклюже пытаясь встать и снова схватить ее.

– Я закричу, а завтра расскажу мистеру Фергюсону все, абсолютно все, – проговорила Анжелика, вся дрожа.

Похоже, она так и сделает. Проклятье! Девчонка того не стоила. Берти недооценил ее.

– Ты не посмеешь, – прошипел он ей в лицо, выходя из детской.

Соппротивление ему нравилось, но не такое. Берти прижал платок ко рту, но рубашка и жилет были уже безнадежно испорчены.

– Ты не стоишь моих усилий, – продолжил он. – И ты пожалеешь, если попытаешься перебежать мне дорогу, мисс Недотрога. Кому ты тут даешь, а? Признайся честно. Какому-нибудь мальчишке, убирающему навоз в конюшне? Кем ты себя возомнила?

– Уж точно не вашей шлюхой, – отрезала Анжелика, захлопнула за ним дверь и заперла. Несколько мгновений спустя она услышала, как Берти спускается по лестнице.

Дрожа, она опустилась в кресло, где только что сидел неудавшийся насильник. Увидела кровь на нем и вытерла ее мокрым полотенцем. Затем она вернулась в постель, но долго не могла заснуть, перебирая в памяти недавние события.

Слава богу, ничего не произошло. Анжелика не собиралась ничего рассказывать нанимателям. Она была уверена – Берти уже не вернется. Если миссис Фергюсон и правда вожелела этого типа, ей очень не понравится его внимание к няне, а проблемы из-за ревности хозяйки – последнее, что было нужно Анжелике.

Проснулась она совершенно изможденная. Тело ломило, словно Анжелику били, что было неудивительно, учитывая ее борьбу с ночным гостем.

– Никто сюда ночью не входил? – спросила Хелен.

– Нет, – твердо ответила Анжелика, одевая одного из подопечных.

Она ни с кем не желала делиться пережитым – слишком велико было потрясение. Анжелика просто хотела обо всем забыть.

– Мне показалось, я слышала голоса, но, наверное, это был сон.

Анжелика улыбнулась и пожала плечами.

– Сны порой бывают так похожи на реальность. Я и сама иногда вижу такие сны.

Все шло своим чередом. Дети позавтракали, и Анжелика повела их на прогулку. Гуляли они ближе к дому. Эмма везла коляску с Розой, Анжелика бегала за Джорджем, одновременно приглядывая за Рупертом и Чарльзом – те уже особых хлопот не доставляли.

Не успели они вернуться, как одна из служанок сказала, что Евгения желает видеть Анжелику немедленно. Анжелика не представляла, зачем так срочно понадобилась хозяйке, и поспешила в библиотеку.

Войдя в библиотеку и увидев, помимо хозяйки, мистера Фергюсона, она удивилась. Мистер Фрегюсон попросил ее закрыть дверь. Сестры Анжелике не предложили. Оба супруга, судя по лицам, были чем-то недовольны. Евгения, пожалуй, выглядела даже рассерженной.

– Прошлой ночью в нашем доме произошло нечто очень серьезное, –

произнес мистер Фергюсон, глядя Анжелике прямо в глаза. – И я хочу сказать, что сильно разочарован в вас.

Она не представляла, в чем ее проступок. Она никому не рассказала о госте, попытавшемся ее изнасиловать. И с детьми все было в порядке. Анжелика молча ждала обвинений.

– Я думаю, вам известно, о чем я говорю.

– Нет, сэр, – честно ответила она. Может, кто-то совершил кражу, а обвинить решили ее?

– Я нахожусь в совершенном смятении, особенно учитывая кровь, текущую в ваших жилах. Кузине герцога не пристало вести себя подобно потаскухе. Хотя его светлость и предупредил нас о вашей матери, – с отвращением произнес хозяин.

– О моей матери? – недоумевала Анжелика. Оскорбления звенели у нее в ушах.

– Не важно. Сэр Бертрам поведал нам о событиях прошедшей ночи.

Но если это так, почему они злы на нее?

– Я не собиралась рассказывать вам, сэр. Я не хотела проблем с одним из ваших гостей. Мне показалось, он выпил немного лишнего.

Гарри Фергюсон смотрел словно сквозь нее.

– Он сообщил нам, что под покровом ночи вы пробрались к нему в спальню и пытались соблазнить его. Он пригрозил вам, чтобы вы ушли, и, прежде, чем ему удалось выдворить вас из комнаты, вы напали на него. Следы насилия до сих пор видны на его лице.

Анжелика вытаращила глаза. Она не могла поверить собственным ушам.

Миссис Фергюсон тряслась от ревности и ярости, а супруг явно принял ее эмоции за праведный гнев.

– Нет, сэр, – из глаз Анжелики потекли слезы. – Я видела его прошлым утром, и он приблизился ко мне. Я не сделала ничего, что могло бы поощрить его притязания. И прошлой ночью, когда все легли спать, он ворвался в детскую и напал на меня. Он пытался взять меня силой. Я не позволила ему. Но он упорствовал, и я укусила его.

Анжелика видела, что хозяева не верят ей. Бертрам сделал упреждающий шаг и убедил хозяев в своей правоте. Евгению, похоже, долго убеждать не пришлось – ревность ослепила ее.

– Я говорю истинную правду, сэр... мэ... мэ...

Анжелика обернулась к нанимательнице и увидела в ее взгляде лишь неприкрытую ненависть.

«Эта девчонка, служанка, пустое место, пыталась соблазнить моего

мужчину, – думала миссис Фергюсон. – Немыслимо! Непозволительно!»

– Полагаю, вы бросились бы на него прямо на глазах у детей, в детской, если бы только могли, – прошипела она.

– Конечно, нет, я никогда не причиню вреда детям. И я ни за что не стала бы его соблазнять, именно потому я и сопротивлялась, а ему это не понравилось.

Но ей не верили. Что же с ней теперь будет?

– Сэр Бертрам – истинный джентльмен, – произнес мистер Фергюсон. – Он никогда не стал бы так поступать.

– Нет, до джентльмена ему далеко, – твердо заявила Анжелика. – Он чуть не изнасиловал меня, и он очень силен.

– Именно. А вы едва больше, чем дитя. Если бы он пожелал сотворить такое с вами, ему ничто не помешало бы. Но все произошло наоборот – вы на него бросились, а не он на вас. Мы хотим, чтобы вы знали, как мы возмущены вашим поведением. Вы покинете этот дом сегодня, до ужина. Мы не хотим, чтобы наших детей воспитывала шлюха, – жестко объявил мистер Фергюсон.

– Сегодня, сэр? – Анжелика ужаснулась. – Но куда мне деваться?

– Это не наше дело. Как вам быть, решайте сами, но знайте, от нас вы не получите никаких рекомендаций. Единственное наше желание – это чтобы вас не было в нашем доме. Мы распорядимся, чтобы кто-нибудь из конюхов довез вас до паба.

Мистер Фергюсон был непоколебим, хозяйка ликовала. Ни один из родителей не подумал, кто теперь будет заботиться о детях. Для них главным было прогнать «шлюху», а остальное потом.

– А как же дети?

– Они теперь не ваша забота. Можете идти.

– Мне очень жаль прощаться с вами на такой ноте, мистер и миссис Фергюсон. Поверьте, сэр Бертрам сказал вам неправду. Надеюсь, однажды вы это поймете. – Анжелика развернулась и с достоинством вышла из библиотеки.

Направляясь к лестнице, она заметила Бертрама. Тот взглянул на нее, но не узнал и, повернувшись спиной, направился в сторону бального зала.

– Где вы были? – взволнованно спросила Эмма, когда Анжелика вошла в детскую. – Вы пропустили обед, – и девочка вручила няне печенье.

Анжелика не знала, что ответить.

– Мне необходимо сегодня уехать. Один из членов моей семьи неожиданно заболел, и я должна позаботиться о нем. – Это было единственное объяснение, которое пришло ей в голову.

– Вы вернетесь, когда он выздоровеет? У него инфлюэнца?

Анжелика не могла лгать детям, о которых так долго заботилась и которых полюбила. Не хотела давать обещаний, которых никогда не исполнит.

– Нет, моя дорогая, любимая девочка, я не вернусь. Я не могу. Мне придется остаться с ним. Но я всегда, всегда буду любить всех вас, – произнесла она, глядя на каждого из своих бывших подопечных.

Эмма заплакала. Анжелика тоже. Хелен потеряла дар речи.

– Кто будет заботиться о нас?

– Хелен. А потом ваши мамочка и папочка найдут вам прекрасную няню.

Но нанять новую няню будет непросто. Не каждый захочет практически в одиночку приглядывать за пятью малышами.

Уложив детей на послеобеденный сон, Анжелика и Хелен вышли в небольшую кладовую.

– Это правда? – спросила горничная шепотом. – Ты говорила, у тебя нет семьи, кроме кузена, который тебя не любит.

– Про кузена я сказала правду. Меня уволили. Без рекомендации. Голоса прошлой ночью тебе не приснились. Один из гостей поднялся после ужина и предложил мне «познать много удовольствий». Я ему отказала. Он был пьян и схватил меня, а я сопротивлялась. Я укусила его за губу, когда он пытался поцеловать меня, и он ушел. А сегодня этот мерзавец рассказал хозяевам, будто это я проникла к нему в спальню и пыталась соблазнить его. Они поверили ему, а не мне. А он клеветает. Мистер Фергюсон назвал меня шлюхой и потаскухой. Я должна покинуть дом до вечера. Один из конюхов довезет меня до паба, а дальше им все равно, что со мной будет.

– У вас есть к кому обратиться? Куда пойти? – спросила Хелен, искренне переживая за Анжелику.

– Нет. Я не знаю, куда мне деваться. Возможно, уеду в Лондон.

– В Лондоне живет одна женщина, я дам тебе адрес. Она когда-то была экономкой, а теперь помогает таким, как мы, найти новую работу. Но без рекомендации придется тяжело.

– Я понимаю. Но, может, мне удастся найти другой заработок. Чинить одежду или еще что-нибудь.

– Я хочу сказать, что верю тебе. В Гэмпшире часто гостят плохие люди. Будь осторожна и бдительна, Анжелика. Найди хороший дом, где хозяева будут действительно заботиться о тебе. Я постоянно слышу похожие истории от подруг. Тебе повезло больше, чем другим. Он мог бы все-таки взять тебя, и все равно поверили бы ему, даже если бы ты

забеременела. Прощай – и удачи!

Анжелике только недавно исполнилось двадцать лет, и она еще многого не знала о жизни. А жизнь уже второй раз преподнесла ей урок того, как можно вмиг все потерять и тогда приходится начинать с нуля.

– Спасибо тебе. Я буду в порядке, – нежно ответила Анжелика. – Я буду скучать по тебе и детям.

Особенно по детям.

– Мы по тебе – тоже. И одному Богу известно, кого хозяева теперь найдут.

– Надеюсь, кого-то, кто умеет обращаться с детьми.

Они обнялись, и Анжелика отправилась паковать вещи. А затем спустилась на первый этаж, чтобы попрощаться с Сарой. Сразу после чая она переделалась в свое черное платье и убрала форму няни в комод. Эмма едва сдерживала рыдания. Переодев детей на ночь, Анжелика в последний раз поцеловала их и вышла из детской со слезами на глазах.

Тем временем хозяйка одевалась к ужину. В комнату вошел супруг и сказал, что хочет поговорить с ней наедине.

– Что такое? – спросила миссис Фергюсон, отослав Стеллу. Она все еще была расстроена из-за ночного происшествия.

– Тебе не кажется, что няня могла говорить правду? Я весь день думаю о ее словах. Анжелика казалась искренней, а Берти мы почти не знаем. Если она не врет, неправильно увольнять ее.

– Еще как врет! Девчонка прирожденная лгунья, – раздраженно возразила Евгения. – Разве ты не понял? Она пыталась заполучить его, а он ей отказал. Она амбициозная тварь, пытается найти себе мужа среди наших гостей. Я ее насквозь вижу, а ты такой наивный и невинный.

– Я далеко не так наивен и невинен, как ты думаешь, – серьезно произнес мистер Фергюсон, глядя супруге прямо в глаза. – Берти очень самонадеянный мужчина. Смотри, как бы он не попытался заполучить тебя, – предупредил он. Даже его терпение было не бесконечным. Если Евгения опозорит его, он быстро узнает об этом. Да и Берти после слов Анжелики уже не так нравился ему, как раньше.

– Гарри, не говори глупостей. Я никогда с тобой так не поступлю.

Он молча кивнул и вышел из комнаты. Стелла вернулась завершить прическу хозяйке.

Миссис Фергюсон почувствовала облегчение, подумав о том, что мисс Латэм покидает их дом. Ей были не нужны такие препятствия, как Анжелика.

– Мне жаль слышать о няне Латэм, мэм, – произнесла Стелла. – Она

приятная особа и хорошая няня.

– Но уж точно не такая приличная, как мы думали. Мне не нужны шлюхи, гоняющиеся за гостями и невесть как воспитывающие моих детей.

Горничная не ответила. Она знала, что произошло на самом деле, от Сары. Но кому поверят больше – няне или благородному джентльмену? Да и мотивы Евгении были всем очевидны, даже если ее мужа и удалось одурачить.

– Прошу вас, поверьте мне. Я не совершала ничего плохого, – тихо проговорила Анжелика, прощаясь с Гилхоули.

– Я верю вам. Пожалуйста, берегите себя, миледи. Будьте осторожны.

Она кивнула и вышла на улицу. Конюх ждал ее.

Дворецкий смотрел вслед дочери старого хозяина со слезами на глазах.

* * *

Вскоре они добрались до паба, который был полон шумных пьющих мужчин. Все вокруг пропахло элем. Анжелика узнала, что ближайший дилижанс до Лондона отправляется в полночь. Но лучше уж провести ночь в дороге, чем в таком заведении. Она сняла комнату на несколько часов и с помощью конюха перенесла вещи.

– Хотите поесть? – спросил он.

– Нет, благодарю, – мягко отказалась Анжелика, думая о детях, которых она оставила, и о предстоящем путешествии в столицу. Там у нее не было ни жилья, ни знакомых.

В этих раздумьях она просидела до тех пор, пока не приехал дилижанс.

Дорога оказалась отвратительной, и Анжелика почти не сомкнула глаз, думая о том, что предпринять. Она решила, представившись вдовой, остановиться в небольшом, но респектабельном отеле неподалеку от отцовского особняка на Гросвенор-сквер и встретиться с женщиной, о которой рассказывала Хелен. Может, с ее и Божьей помощью Анжелике удастся найти новое место и начать все сначала. Вспомнив об отце, она еще раз мысленно поблагодарила его за дар. По крайней мере, у нее есть на что жить.

Конечно, оставаться в отеле будет дорого, но там хотя бы безопасно.

На рассвете дилижанс прибыл в Лондон.

Глава 10

Зарегистрировавшись в отеле под именем миссис Латэм, Анжелика позавтракала в кафе и отправилась по адресу, указанному Хелен.

Миссис Маккарти выглядела как типичная экономка – седая, с суровым выражением лица. Она пригласила Анжелику на кухню и предложила чашку чая.

Анжелика объяснила, что ищет место няни, и рассказала, что работала на Фергюсонов из Гэмпшира на протяжении почти двух лет, заботясь о шестерых детях, один из которых потом уехал учиться и приезжал домой только на каникулы.

– Одна за шестью детьми? – удивленно переспросила миссис Маккарти.

– Мне помогала детская горничная, – ответила Анжелика.

Пожилая дама была весьма впечатлена.

– Сколько вам лет? – Бывшей экономке собеседница казалось слишком молодой, чтобы управиться с шестью детьми.

– Мне недавно исполнилось двадцать лет, – сообщила Анжелика.

– Вы очень молоды. Какие места вы занимали до того?

– Никаких. Я жила у отца в Хартфордшире. Помогала ему управлять домашним хозяйством.

Миссис Маккарти поняла, что сидящая перед ней девушка явно хорошо образована и обладает манерами леди.

– Мой отец скончался полтора года назад. Брат унаследовал все имущество, и мне пришлось зарабатывать на жизнь, – продолжила Анжелика. Она умолчала про то, как брат продал ее в рабство Фергюсонам. Это уже не имело значения, да и жаловаться ей не хотелось. Это могло произвести плохое впечатление. К тому же в плохие ситуации наверняка попадала не только она.

– Полагаю, Фергюсоны написали вам рекомендательное письмо, – произнесла миссис Маккарти.

Анжелика ответила отрицательно и рассказала свою историю.

– Вы даже не представляете, насколько это распространенный случай. Обычно, правда, муж виноват. Кажется, вам попался законченный мерзавец, – сочувственно сказала бывшая экономка.

– Определенно. Я не собиралась ничего рассказывать хозяевам, но он оклеветал меня без зазрения совести. И ему поверили.

– Такие, как он, часто лгут. Он, должно быть, испугался, что вы все расскажете, и решил защитить себя. Детей жаль, однако. Уверена, они были очень расстроены.

Анжелика кивнула, пытаясь не думать о плачущей Эмме.

– Не сомневаюсь, вы прекрасная няня. Тот, кто может справиться с шестью малыми детьми, обладает недюжинными способностями и талантами. И, похоже, вам нравилась ваша работа.

– Да, – ответила Анжелика, улыбнувшись.

– Проблема в том, что без рекомендации я ничем не могу вам помочь. Люди будут думать, что вы уронили ребенка, или напились, или украли какую-то мелочь, или спали с хозяином. Без рекомендательного письма наниматели предполагают худшее. Мне жаль – я бы очень хотела помочь вам, но это не в моих силах. На данный момент я не могу найти вам даже работу горничной.

– Что же мне делать? – в отчаянии спросила Анжелика. Она искренне не знала, как поступить дальше.

– Можете ответить на объявления в газетах, но вас не примут. Нет письма – нет нанимателей. Никто не хочет рисковать, особенно когда речь идет о детях. – Миссис Маккарти задумчиво посмотрела на Анжелику. – Вы говорите на каких-нибудь языках? Итальянцы не так строги относительно рекомендаций, но надо знать язык. Я знаю одну хорошую семью во Флоренции.

– Я свободно говорю по-французски, – тихо ответила Анжелика. – Я наполовину француженка. Я обучала этому языку детей. Девочка особенно преуспела.

– Вы совершенное открытие, особенно учитывая, что до того никогда не работали няней. Фергюсоны сделали небывалую глупость, упустив вас, да еще из-за истории с таким подлецом. Они еще пожалеют об этом. Вы можете что-нибудь подыскать для себя во Франции. Там дела обстоят не так строго, как здесь. У меня есть одна знакомая в Париже. Когда-то мы вместе служили. – Миссис Маккарти написала на листе бумаги имя и адрес приятельницы и передала Анжелике. – Боюсь, это все, что я могу для вас сделать. Здесь вам ничего не светит. Если ваш... гость хотел навредить вам, то ему, надо признать, это удалось на славу.

– Я думаю, миссис Фергюсон тоже хотела, чтобы я ушла, – тихо произнесла Анжелика.

– Как? – бывшая экономка приподняла бровь. Неужели бывшая няня все-таки что-то натворила?

– Он сказал, будто она его очень... желает. Может, это и правда. Но, по

его словам, он хотел меня больше.

Миссис Маккарти едва сдержала стон.

– Моя дорогая, вы были обречены с самого начала. Если между ним и вашей хозяйкой была какая-то связь, она точно от вас избавилась бы. Я думаю, он отлично знал, что делает, когда клеветал на вас. Вы жертва во всей этой неприглядной истории. Но этим делу не поможешь. Мне кажется, единственный выход для вас – поискать работу в другой стране. – Она пожалала руку Анжелике и пожелала ей удачи.

Анжелика вышла на улицу в полном смятении.

Неужели ей придется покинуть родину? Конечно, она бывала в Париже с отцом, но с тех пор прошло уже много лет. Искать работу в другой стране будет еще сложнее, чем здесь, в Англии, но миссис Маккарти права – выбора нет.

Вернувшись в отель, Анжелика расспросила служащих, как добраться до Парижа. Ей объяснили, что нужно сесть на пароход, идущий из Дувра до Кале, а там пересесть на дилижанс до Парижа. Анжелика решила не задерживаться в Лондоне и отправиться во Францию на следующий день.

Спала она плохо. Какое будущее готовит ей судьба в Париже? Вдруг она не сможет найти место и во Франции? Сэр Бертрам и Фергсюны поставили ее в жуткое положение. Оставалось надеяться только на провидение. Также ее не покидали мысли о людях, которые остались в Гэмпшире, и, конечно, о детях. Во всем мире она была одна-одинешенька. Анжелика посмотрела на портрет отца – еще никогда она по нему так не тосковала.

Она поднялась до рассвета. Служащий отеля нанял ей экипаж до Дувра. Дорога заняла целых одиннадцать часов. За окном проплывали красивые пейзажи, но Анжелика слишком нервничала, чтобы оценить это.

Во второй половине дня она пересела на небольшой пароход. Во время пути поднялся сильный ветер. Пароход сильно качало, но Анжелика не стала отлеживаться в каюте, а вышла на палубу и смотрела, как берега Англии удаляются от нее.

Путешествие на пароходе благотворно повлияло на Анжелику. Морской ветер вдохнул в нее свежие силы, и Анжелика сошла в Кале с ясным умом и чистым сердцем. Дилижанс до Парижа отправлялся через несколько минут, и она успела выпить чашку чая в небольшом ресторанчике. Ее попутчиками оказались два француза, но разговор не завязался, и Анжелика не заметила, как уснула. Ранним утром дилижанс прибыл в столицу Франции. Анжелика наняла фиакр, который доставил ее до Отеля де Сен-Пере в квартале Сен-Жермен де Пре, на левом берегу

Сены, который ей посоветовали служащие лондонского отеля.

Анжелика провела в дороге больше суток и мечтала об отдыхе. Уютный номер был оформлен в ярких цветах и полон солнечного света. Из окон открывался чудесный вид на церковь и небольшой парк. Анжелика решила, что ей неспроста пришлось приехать в Париж. Этот город казался прекрасным местом, чтобы начать новую жизнь. Может, ей и придется снова стать служанкой, но сейчас она чувствовала себя по-настоящему свободной.

Оставив вещи в номере, Анжелика отправилась гулять. В столице Франции кипела жизнь. Вокруг разъезжали экипажи, повсюду сновали люди. В отель Анжелика вернулась с чувством обретенного мира и покоя. Ее сердце преисполнилось надежд на завтрашний день, когда она проконсультируется с мадам Бардо относительно поиска работы.

Анжелика раздумывала о планах на утро. Отправиться в Лувр? Пройтись по Фобур Сент-Оноре? Впрочем, нет, первым делом она отправится по делам, а уж затем предастся развлечениям.

Она вспомнила, как была в Париже с отцом, и почувствовала странную, неуловимую связь с городом, будто ее французская половина ощутила, что снова находится дома.

Хотелось бы Анжелике знать собственную мать и ее семью. Их поместье отстроили заново спустя некоторое время после революции, и теперь оно принадлежало кому-то другому. Сейчас на престоле находился Карл X Бурбон. По материнской линии Анжелика приходилась ему дальней родственницей. Однако родство с правящими особами ей ничем не поможет, как не помогло и в Англии.

Голубая кровь не могла стать спасением от нищеты – только кошелек отца и собственная бережливость. На отели и дорогу Анжелика тратила жалованье, полученное от Фергюсонов, воспользовавшись отцовским даром лишь однажды. И все-таки работа была нужна. Даже на двадцать пять тысяч фунтов невозможно жить вечно.

Проснувшись Анжелика поздно и не сразу сообразила, где находится.

Позавтракав круассанами и кофе с молоком, она отправилась к мадам Бардо. Погода стояла замечательная, и Анжелика решила пройтись пешком.

Мадам Бардо жила в небольшом доме во втором округе, на правом берегу Сены. Когда-то, еще до замужества, она сама работала гувернанткой в Лондоне. Услышав, что Анжелика пришла от миссис Маккарти, мадам Бардо пригласила гостью в дом.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она. В ее голосе сквозила доброта.

На безупречном французском Анжелика объяснила, что ищет место няни или гувернантки, и рассказала о предыдущей работе.

– И почему же вы оставили это место?

Анжелика, не таясь, поведала свою историю.

– Да, такие случаи, к сожалению, не редкость. Я верю вам, дорогая, – нежно проговорила мадам Бардо, – но никто не может подтвердить ваши слова. Люди, которые ищут няню, будут сомневаться, что вы говорите правду.

Как в Лондоне, так и в Париже: нет рекомендательного письма – нет надежды.

– И что же мне делать? – в отчаянии спросила Анжелика.

Мадам Бардо развела руками.

– Одно могу сказать точно: без доказательств вашей надежности вас никто не возьмет на приличное место. Разве что посудомойкой или служанкой на грязные работы.

Анжелика поблагодарила мадам Бардо и, совершенно потрясенная, вышла на улицу. Это был крах всех ее надежд. Медленным шагом она побрела в сторону парка Тюильри, размышляя о том, что посоветовал бы ей отец? И мог ли он вообще вообразить ситуацию, в которой она оказалась?

В раздумьях дочь герцога долго сидела на скамье в парке, но так и не придумала, что же ей делать дальше. Вернувшись в номер, она попыталась отвлечься за чтением, но безрезультатно. В какой-то момент ей даже пришла мысль: а не возьмут ли ее в отель на место горничной, но обратиться с такой просьбой она постеснялась.

Вечером Анжелика вновь вышла в город и поужинала в одном из ресторанов. Мужчины, видя молодую, красивую даму без кавалера, не стесняясь, глазели на нее. Смутившись, она быстро поела, выскочила на улицу и свернула в первый попавшийся переулок. Внезапно Анжелика поймала себя на мысли, что не знает, куда идет, и попыталась вернуться к ресторану, но очутилась в другом темном переулке. Анжелика поняла, что заблудилась, и испугалась.

В этот момент раздался тихий стон. Она вздрогнула и оглянулась. В сточной канаве неподалеку кто-то лежал. Стон повторился, и Анжелика медленно приблизилась к несчастному. Склонившись, она разглядела юную особу в красном платье и с черным бантом в волосах. Лоб девушки был рассечен, а лицо залито кровью. Казалось, девица без сознания, но тут она открыла глаза.

– Уйдите, оставьте меня, – прохрипела она, с трудом шевеля губами.

– Позвольте помочь вам, – мягко произнесла Анжелика.

Надо бы обратиться в больницу, но где находится ближайшая и как отсюда выбраться?

– Вы хотите, чтобы я позвала жандармов?

– Нет. Никаких жандармов. Уходите.

– Я вас здесь не оставлю, – твердо возразила Анжелика. – Я провожу вас домой или же в больницу, как вам будет угодно.

Девушка тихо заплакала. Лежа в сточной канаве, в перепачканном платье, она походила на тряпичную куклу.

– Вам нельзя оставаться здесь, иначе полиция вас найдет. Я скоро вернусь.

Анжелика поспешила в поисках экипажа. К счастью, это не заняло много времени. Особа в красном платье никуда не делась и, казалось, заснула. Анжелика слегка потрясла ее, и та слабо запротестовала. Тогда Анжелика подняла девицу, закинула ее руку себе на плечо и повела к экипажу.

– Что с ней произошло? – с беспокойством произнес кучер, помогая усадить пострадавшую в карету.

– Упала с лестницы, – соврала Анжелика и, сняв плащ, накинула его на девицу.

Та открыла глаза и ошеломленно уставилась на Анжелику.

– Куда едем – в больницу или в мой отель?

– В ваш отель, – выдохнула незнакомка и прошептала: – Вам следовало оставить меня там.

– Ни в коем случае, – твердо возразила Анжелика.

Вскоре они прибыли к отелю. Анжелика расплатилась с кучером и, поддерживая девицу под руку, повела ее ко входу. Портье бросил на них удивленный взгляд, но, узнав Анжелику, вернулся к своим делам.

В номере Анжелика уложила незнакомку в постель.

– Мне жаль, – проговорила та со слезами и закрыла глаза.

Анжелика раздела несчастную и начала смывать с нее кровь.

Вскоре к незнакомке вернулся человеческий облик и она уже не походила на истерзанную тряпичную куклу.

– Как вас зовут? – спросила Анжелика.

– Фабьенн.

– А я Анжелика Латэм. Вы знаете, кто это сделал с вами?

Француженка покачала головой, выпила воды и, со стоном откинувшись на подушки, вскоре заснула. Анжелика, сидя в кресле, тоже задремала. Разбудил ее крик гостыи – Фабьенн приснился кошмар.

– Тс-с-с... Все в порядке. Вы в безопасности, – мягко заверила ее

Анжелика.

Фабьенн огляделась по сторонам, словно не помнила, как сюда попала. Оказаться в уютной комнате, в чистой постели после того, как тебя избили и бросили умирать, ей казалось нереальным.

– Почему вы мне помогли?

– Я не могла оставить вас там, – честно ответила Анжелика. – Как вы себя чувствуете? – Она осмотрела синяки на лице несчастной. Пожалуй, все не так плохо – рана на лбу несерьезная. Хотя, возможно, останется шрам.

– Ужасно, – улыбнулась Фабьенн. – Но я рада оказаться здесь. Вы, должно быть, ангел.

– Нет, вовсе нет. Я просто оказалась в нужном месте в нужное время. Уверены, что вам не надо в больницу? Я могу попросить, чтобы доктора прислали сюда.

Фабьенн испуганно покачала головой.

– Вы сделали что-то плохое и поэтому с вами так обошлись? – настороженно спросила Анжелика.

Француженка в ответ только пожала плечами и отвела взгляд. Впрочем, что бы она ни совершила, она не заслужила такой участи. Анжелика вспомнила дешевое красное платье, бант, чересчур сильный аромат духов и поняла, чем занималась Фабьенн. Но ее это не волновало. Девушка нуждалась в помощи.

Француженка заметила понимание в глазах своей благодетельницы.

– Сколько вам лет? – спросила Анжелика. Без крови и грязи на лице бедняга казалась очень и очень юной.

– Семнадцать, – ответила Фабьенн.

– У вас есть семья? – Та покачала головой. – Как и у меня, – улыбнулась Анжелика и продолжила: – Возможно, судьба свела нас неспроста.

– Благодарю вас за вашу доброту, – искренне произнесла француженка.

Ночь Анжелика провела в кресле, а когда проснулась, ее гостья уже бодрствовала. Выглядела она немного лучше.

– Мне пора, – сказала Фабьенн.

– Вам есть куда идти?

Фабьенн задумалась, а затем покачала головой.

– Я сбежала.

– Вас нашли? Поэтому и избили?

Француженка снова покачала головой.

– Мои родители умерли, и я стала жить с дядей и тетей в Марселе. Но

дядя оказался плохим человеком, он... постоянно... использовал меня. Тетя ни слова не говорила. Они постоянно пили. Два года назад я сбежала от них в Париж. Стала искать работу, но смогла устроиться только уборщицей в больнице. Впрочем, и оттуда меня уволили, когда узнали мой возраст. У меня не осталось денег и не было крыши над головой. А потом я встретила женщину, которая утверждала, что может помочь. Она сказала, у нее в доме живет еще несколько дам, и все они как дружная семья. Выбора у меня не было, и я пошла с ней. Но в доме мадам Альбин мне пришлось заниматься тем же, чем и с дядей, только за деньги. Правда, нам доставались гроши, а все деньги прикарманивала мадам. Кормили нас плохо, одежды практически не было. Через два года я не выдержала и сбежала, думая, что, если буду заниматься тем же, но сама по себе, смогу хоть денег заработать. Но потом я поняла – в доме мадам у нас имелась защита. Хорошей женщиной ее не назовешь, но она не позволяла мужчинам бить нас. Некоторые бывали грубоваты, и если она слышала, как мы кричим, немедленно выгоняла клиента. Кроме того, нас всех зарегистрировали в жандармерии. А на улице ничего этого нет. Меня побили уже третий раз, а одну из моих подруг на улице пырнули ножом, и она истекла кровью и умерла. Ей было шестнадцать. В прошлом месяце меня остановил жандарм и сказал, что отпустит, только если я обслужу его бесплатно... Похоже, мне придется вернуться к мадам Альбин. Там я хотя бы в безопасности.

Анжелику поразила эта история. Она никогда не задумывалась о женщинах, подобных Фабьенн, которых унижали, избивали, грабили... Но теперь она понимала, что привело их к такой жизни. Если бы не дар отца, Анжелику могла ожидать похожая участь.

– А чем вы занимаетесь? Должно быть, вы богаты, если можете позволить себе остановиться в таком месте.

– Нет, – честно ответила Анжелика. – Я работала в Англии няней, но меня уволили без рекомендательного письма. Там я не смогла найти работу и приехала в Париж.

– Вы прекрасно говорите по-французски, – с удивлением произнесла Фабьенн.

– У меня мать была – француженка. Она умерла при родах. А язык я выучила еще в детстве.

– Я могу представить вас мадам Альбин, – поддразнила ее Фабьенн, хотя понимала, что англичанка на такое не пойдет. Она явно умна и образованна. – В общем, пожалуй, я вернусь к ней, – с грустью продолжила она.

– Почему бы вам не остаться здесь на несколько дней, пока вы не

окрепнете? Потом и решите, куда идти.

– Я не хочу злоупотреблять вашей добротой. Мадам Альбин даст мне несколько дней отдыха. В таком состоянии мной все равно никто не заинтересуется.

Но Фабьенн лукавила. Бордель мадам Альбин был не высокого пошиба, а клиенты не очень-то разборчивые.

– Вы презираете меня? – явно нервничая, спросила француженка.

– За что? Мне жаль вас, и я хотела бы, чтобы вы могли зарабатывать на жизнь иначе.

– Мадам Альбин не так уж плоха. Ей и самой приходилось заниматься нашим делом, но сейчас она старовата для этого, – улыбнулась Фабьенн. – Она предпочитает содержать девушек помоложе, дескать, мужчинам такие нравятся больше. Старшей из нас восемнадцать, младшей – всего четырнадцать, хотя выглядит она взрослее. Некоторым нравится, чем мы занимаемся, – призналась проститутка, – особенно тем, кто получает за это приличные деньги. Впрочем, единственные, кто извлекает хорошую прибыль, – это мадам и сутенеры. Они просто используют нас, как дойных коров. Мадам Альбин неоднократно заявляла, мол, содержать дом и нас кормить дорого, но только мы особо-то и не ели, поскольку постоянно работали, с утра и до поздней ночи, – рассказывала Фабьенн. Для нее все это было в порядке вещей, но Анжелика слушала ее с грустью. – Как вы сами считаете, останетесь в Париже?

– Не знаю. Все зависит от того, найду я работу или нет.

Анжелике нравилось беседовать с гостьей. Ей казалось, будто она обрела нового друга, пусть их мало что объединяло и они вели разный образ жизни.

– Вы голодны? – спросила Анжелика.

Фабьенн нерешительно кивнула – она явно чувствовала себя неловко.

Анжелика принесла из кафе при отеле круассаны и кофе, и они позавтракали.

Фабьенн попыталась встать, но, побледнев, откинулась на подушку.

– Пожалуй, я останусь еще на денек.

– Я сейчас выйду прогуляться, – сказала Анжелика, – и принесу еще еды.

Француженка была тронута. Никто с ней так хорошо не обращался, даже родители. Мисс Латэм явно очень добрый человек и не чета никому, с кем была знакома Фабьенн.

Анжелика вернулась с пакетами, полными продуктов. Сыр, салями, паштет, багет, яблоки – настоящее пиршество, особенно для Фабьенн.

Девушка жадно набросилась на еду.

– Прошу прощения, я не ела два дня, – проговорила она.

– Все в порядке, – заверила ее Анжелика.

Возвращаясь с прогулки, она оповестила портье, что у нее гостит кухня – пусть в отеле не думают, будто их пытаются обмануть, и заплатила за второго постояльца в номере. Фабьенн она ничего не сказала.

После обеда Анжелика побеседовала с управляющей отелем насчет работы, и та повторила все, что Анжелика слышала уже неоднократно. Без рекомендаций ее не возьмут даже горничной. Самое большее, на что можно рассчитывать, – это мытье посуды в ресторане.

Упавши духом, Анжелика поднялась в номер.

– Что она сказала? – спросила Фабьенн.

– Нет рекомендательного письма – нет работы. Может, мне удастся зарабатывать шитьем, – уныло ответила Анжелика.

– И ослепнуть при этом. За это почти ничего не платят. Знаю, пробовала уже. Вы умеете готовить?

Анжелика покачала головой.

– Нет. Но, подозреваю, для этой работы мне тоже потребовалась бы рекомендация. – И ее охватило отчаяние.

За ужином, который состоял из жареного цыпленка с картофелем, дамы беседовали о жизни. Фабьенн знала о мужчинах гораздо больше, что было неудивительно. Анжелика разбиралась только в воспитании детей и в управлении имением. Но о своем происхождении дочь герцога рассказывать не стала.

– Когда-нибудь я надеюсь выйти замуж, – невинно проговорила Фабьенн, точь-в-точь как обычная девица ее возраста, – если, конечно, кто-нибудь согласится жениться на мне. Хотелось бы мне иметь детишек.

– С ними хлопот не оберешься, – улыбнулась Анжелика. – Моя нанимательница прошлой весной родила близнецов. Впрочем, они очень милые.

– Наверное, ей было очень больно.

– Определенно. После этого она сказала, что больше не хочет никаких детей.

– Одна из девушек мадам Альбин родила в прошлом году. Она уехала домой к родителям и оставила ребенка у них, а сама вернулась к работе. Изредка она проводывает его и возвращается довольная. Мадам Альбин не позволяет нам часто ездить домой. Впрочем, многим и ехать-то некуда. Та девушка говорит родителям, будто она платья шьет, и они верят. Ну а я в Марсель ни за что не вернусь.

Неудивительно, учитывая то, как с ней обращались дядя с тетей.

Утром Анжелика проснулась первой и долго лежала в постели, задумавшись. Фабьенн открыла ей глаза на незнакомую сторону жизни. Конечно, Анжелика знала о существовании проституток, но их было принято презирать и не говорить о них в приличном обществе. Она вспомнила, как, обедая с другими слугами, слышала разные истории про то, как благородные, богатые мужчины посещают специальные дома, где встречаются с бесстыдными падшими женщинами, но при этом весьма желанными. Их называли куртизанки. Внезапно Анжелика почувствовала интерес к этой теме и, когда проснулась Фабьенн, засыпала ее вопросами:

– А правда, что есть высококлассные заведения, подобные борделю мадам Альбин, куда ходят влиятельные мужчины, чтобы встречаться с роскошными женщинами втайне от жен?

– Конечно, есть, – уверенно ответила француженка. – Но к мадам Альбин такие определенно не ходят. Таким мужчинам нужны особые, очень элегантные женщины, которые стоят больших денег. Там все делается с шиком. Я слыхала про такие дома, но никогда в них не бывала.

Анжелика с минуту пристально смотрела на девушку.

– А что нужно, чтобы открыть такой дом? – наконец спросила она.

Фабьенн рассмеялась в ответ.

– Очень много денег. Красивый дом, красивая одежда, великолепные женщины, чудесная еда и вино, возможно, даже слуги. Заведение должно походить на этакий тайный клуб, куда все захотят ходить и где солидные мужчины будут чувствовать себя комфортно. В общем, нужно быть богатой и знать кучу важных людей.

– А вы знаете дам, работающих в подобных местах?

– Однажды встречала одну такую. Она говорила, будто работала в одном из лучших борделей Парижа, но много пила, растолстела и, по моему, украла там деньги, за что ее и выгнали. Но она очень красивая. Еще ходят слухи про двух особ, которые принимали весьма богатых клиентов. Они заработали кучу денег и уехали жить на юг. А почему вы спрашиваете?

– Что, если мы откроем бордель? Изысканный, с красивыми девушками. Понимаю, звучит безумно... Как вы думаете, мы сможем найти соответствующих особ?

– Я могу поспрашивать. Но, конечно, все уже занято в других домах. Впрочем, если у нас будут хорошие условия, они могут перейти к нам и привести с собой клиентов. Но... У вас есть деньги?

– Если это не совсем баснословная сумма, я могу раздобыть кое-что. Заведение должно быть безопасным, где дам будут защищать и хорошо с

ними обращаться. Кроме того, они станут получать честную долю от доходов, которые будут приносить.

– Вы хотите открыть бордель или отель? – поддразнила Анжелику Фабьенн, заметив лукавые искорки в ее глазах.

Конечно, это совсем не то, чего желал отец, но, возможно, если Анжелика потратит его деньги на такую смелую авантюру, за несколько лет ей удастся приумножить свое состояние и ни в чем не нуждаться до конца жизни.

Да и больше никаких вариантов ей на ум не приходило. Конечно, Анжелика могла бы купить домик и какое-то время жить на средства отца, но рано или поздно деньги закончились бы, и вновь пришлось бы искать работу. Так почему бы не выйти из безнадежной ситуации таким образом?

– Я вполне серьезно. Что, если нам удастся создать лучший бордель во всем Париже? По-настоящему роскошный, о котором все будут шептаться и который будут посещать самые лучшие люди города? Я подыщу здание, а вы найдете дам со связями и влиятельными клиентами. Сможете?

– Могу попытаться. Вы... правда этого хотите? – Фабьенн была ошеломлена и восхищена смелостью Анжелики.

– Да.

– Сколько девиц желаете?

– А сколько нам нужно?

– Хорошо бы шесть, лучше даже восемь. А... вы? Вы будете... работать?

Анжелика не походила на девицу легкого поведения, но внешность могла быть обманчива. Фабьенн слышала о знаменитых куртизанках, выглядевших как весьма достойные дамы... Нередко они имели влиятельных покровителей.

Анжелика покачала головой:

– Нет. Я буду заниматься только управлением.

– Некоторые мадам изредка принимают мужчин.

– Я даже изредка не буду.

– Как скажете. Ваш дом – ваши правила.

– Найдите дам, но не слишком молодых. Они должны быть интересными собеседницами, иметь опыт в любовных утехах и обладать изюминкой.

Фабьенн кивнула. Она мало что понимала, но идея ей нравилась. Это было гораздо лучше, чем возвращаться к мадам Альбин или к жизни на улице.

– Думаете, у нас правда получится?

– Не знаю, но давайте попробуем. Я намерена управлять лучшим борделем в Париже.

И они приступили к составлению списка всего необходимого, чтобы добиться поставленной цели.

Для обеих начиналась новая жизнь.

Глава 11

Анжелика провела ревизию своего гардероба. Для поиска здания ей требовалось выглядеть как респектабельная вдова. Фабьенн могла сойти за ее служанку.

Анжелика достала несколько платьев: из темно-синего шелка, с широкими юбками и кружевным воротником, в котором иногда обедала с отцом в Белгрейве, темно-красное с высоким воротником и подходящей к нему шалью и еще два строгих черных платья, которые носила во время траура. Пожалуй, они отлично послужат ей в роли благородной юной вдовы. Впрочем, Анжелика могла не беспокоиться о своем внешнем виде – ее осанка, манеры и речь выдавали аристократическое происхождение. Перчатки, веер матери и небольшая сумочка – да, пожалуй, у нее было все, чтобы произвести необходимое впечатление.

Что же до Фабьенн, то для нее нашлось простое черное платье из шерсти. Если к нему добавить кружевной воротник, получится отличное платье горничной.

Вся одежда мисс Латэм находилась в отличном состоянии, но вот головные уборы... После почти двух лет хранения в коробках шляпки пришли в негодность.

– Откуда у вас такая одежда? – спросила Фабьенн. Она в жизни не видела таких изысканных платьев – из бархата, шелка, тончайших кружев.

– С тех времен, когда я еще не была няней, – тихо ответила Анжелика.

– Кем же вы были? Королевой? – полушутя произнесла француженка.

Анжелика не ответила. Впрочем, она имела право хранить секреты.

Жаль, остальные наряды уже не вернуть из Белгрейва. Если попросить миссис Уайт послать их, она захочет узнать, зачем они понадобились. Да и Тристан ни за что не позволит отослать ей одежду и другие вещи. Вполне вероятно, он уже давно их выкинул. После ухода от Фергюсонов Анжелика еще не писала экономке. Она отправит ей письмо, когда все образуется.

– Вы можете встать? – спросила она Фабьенн.

Девушка с трудом, но поднялась. Она оказалась на несколько дюймов выше Анжелики, но в остальном их фигуры были весьма схожи.

Фабьенн примерила платье, и Анжелика прищурилась.

– Я могу удлинить подол. Ну а если пришить немного кружев на рукава и воротник, вы будете вылитая личная служанка леди, и весьма элегантная притом, – с улыбкой сказала она.

– Я? Служанка леди? – Фабьенн удивилась. Про это Анжелика ей не говорила.

– Да. На время, пока мы будем искать дом. Я – вдова, вы – моя служанка, ну или, возможно, кузина. Мы только что приехали из Лиона, чтобы быть поближе к родне. На сколько лет я выгляжу?

Француженка внимательно оглядела Анжелику и честно ответила:

– На пятнадцать.

– Плохо. Как вы думаете, я могу выглядеть лет на двадцать пять – двадцать шесть?

– Возможно, если будете носить не такие строгие платья, с более открытыми вырезами.

– Отлично. Когда мы откроем заведение, я так и буду одеваться. Дамы и посетители не станут меня уважать, если будут считать слишком молодой. Так что мне двадцать шесть. Хороший возраст для вдовы.

– И отчего умер ваш муж? – усмехнулась Фабьенн. Она давно так не веселилась и не испытывала такого удовольствия, как с этой особой, вытащившей ее из придорожной канавы. Англичанка стала ее ангелом-хранителем.

– Я убила его, – заявила дочь герцога будничным тоном.

Фабьенн рассмеялась.

– Ой, не знаю, холера, малярия, что-нибудь жуткое. Мое сердце совершенно разбито, по крайней мере на время, пока мы будем договариваться об аренде. Для клиентов я буду веселой вдовой, однако все же хранящей добрую память о муже и не желающей предавать его, так что для посетителей я неприкосновенна. Ну, как вам такая история?

– Завораживает. Вы либо сошли с ума, либо чертовски умны.

– Будем надеяться, и то, и другое. Достаточно безумна, чтобы пойти на такое, и достаточно умна, чтобы у меня все получилось.

Задача стояла не из легких – заполучить и обставить дом, да так, чтобы самым искушенным мужчинам хотелось приходить в бордель снова и снова.

Более того, ей хотелось, чтобы женщины, работающие у нее, смогли скопить достаточно средств и начать новую жизнь. Фабьенн, например, хотела вернуться на юг – только не домой, выйти замуж, родить детей. У Анжелики не было места, куда она могла бы вернуться, как и желания быть в подчинении у какого-то мужчины. Очень уж это опасно, к тому же многие из них мерзавцы. Ее братья, Гарри Фергюсон, сэр Бертрам... Такие, как Филипп Латэм, прежний герцог Уэстерфилд, определенно являлись большой редкостью.

– Нам требуются новые шляпки. Мои пришли в полную негодность. Вам что-нибудь попроще, мне же, наоборот, поэлегантнее, чтобы я выглядела старше.

– А вдруг это дорого? – взволновалась Фабьенн.

– Вполне возможно. Нам также потребуется одежда для дам – красивая и элегантная. А все остальное можно показать и потом, наедине с джентльменами.

– Откуда вы все это знаете?

Всего пару дней назад Анжелика впервые встретила проститутку, а теперь была уже готова заправлять высококлассным борделем для высшего общества Парижа.

– Выдумываю все по ходу дела, – ухмыльнулась она. – Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы выйти сегодня на улицу?

Лицо Фабьенн почти зажило. Виднелась только пара синяков. Ребра, конечно, побаливали, но двигаться это не мешало. Конечно, корсет она надевать не стала бы, но Анжелика заверила ее в том, что это и не потребуется. Без корсета она будет больше похожа на служанку.

– И сколько же мне лет в нашей сказке?

Француженка уже приняла мисс Латэм в качестве своей новой мадам. Она уважала ее как никого в жизни.

– Пожалуй, восемнадцать, – проговорила Анжелика, раскладывая платье на постели. Она отбросила в сторону одежду, в которой ходила к миссис Маккарти и мадам Бардо. Жизнь няни закончилась. Возможно, когда-нибудь она станет гувернанткой. Анжелике нравилась идея учить больших детей. В конце концов, она много читала, знала языки, неплохо обращалась с цифрами – и все эти навыки понадобятся ей в нынешнем деле. Кроме того, она умела отлично управлять хозяйством большого дома и даже могла работать с гробсбухами. По крайней мере, с отцовским обращалась вполне сносно.

Фабьенн уже догадалась, что ее новая знакомая явно имеет благородные корни, но не хотела расспрашивать. Кроме того, она подозревала, что Анжелика ей все расскажет, когда придет время.

Ассортимент шляпного магазина поражал воображение, и Фабьенн захотелось примерить каждую. Анжелика купила ей особенно красивую светло-голубую шляпку и еще одну поскромнее, черную, для роли служанки, а себе три изящных головных убора, подходящих к платьям.

Пообедав в респектабельном ресторане, они отправились на встречу с нотариусом, занимавшимся сделками с недвижимостью. У Фабьенн чуть не отвисла челюсть, когда Анжелика на голубом глазу заявила мужчине, что

ей нужен дом с большим количеством спален, поскольку с ней будут жить шестеро ее детей.

– Шесть детей? – прошептала француженка Анжелике на ухо, когда нотариус вышел в другую комнату за бумагами. – Мы открываем детский приют?

Анжелика лишь улыбнулась.

Нотариус предложил два варианта. Один дом был чересчур дорогой, и Анжелика сразу отказалась от него, а вот второй особняк был ей вполне по карману. Кухня и четыре комнаты для горничных находились в цокольном этаже. На первом этаже располагались комната для приемов, большой салон и столовая. На двух верхних этажах – десять спален и впечатляющие комнаты для хозяев. Еще несколько комнат поменьше находилось в мансарде. Нотариус заверил Анжелику, что дом в отличном состоянии, но владельцы переехали в Лимож и потому решили сдать его в аренду. Он признал, что единственный минус этого дома – его расположение. Он стоял не в центре квартала, у всех на виду, а несколько в стороне, на отдельной аллее, на задворках прекрасного района. Однако для целей Анжелики было трудно представить место лучше этого.

– Безопасно ли там? – спросила Анжелика с наигранным беспокойством. – Мои дети очень малы, а большая часть слуг – женщины.

– Конечно, – торжественно заверил ее нотариус. – Клянусь вам, для женщин и детей это безопаснейший район.

Дом не могли сдать в аренду уже полгода. Респектабельных клиентов разочаровывало его расположение на окраине. Однако юрист почувствовал: молодую вдову это не смущает и цена вполне устраивает. Осталось решить вопрос со сроком аренды.

– Пожалуй, год для начала. Конечно, с возможностью продления, если мои дети будут там счастливы, – спокойно ответила Анжелика.

– Уверен, им понравится. Кроме того, близлежащие парки совершенно великолепны. Будут ли дети посещать школу?

– Нет, они будут обучаться дома. Понимаете, все они – юные леди, – кротко сообщила Анжелика. По крайней мере, в некоторой степени это было правдой. – Когда мы можем посмотреть дом?

– Сегодня уже поздно. Я могу показать его завтра.

Договорившись о встрече и пожав руку месье, Анжелика вышла из конторы в сопровождении Фабьенн.

– Боже, вы всерьез принялись за это, – проговорила француженка, у которой от всего происходящего голова пошла кругом. – Мне все кажется, будто я сплю и вот-вот проснусь.

Но Анжелика приняла твердое решение. Если Фабьенн найдет подходящих дам, все получится.

– Конечно же, всерьез. А как иначе?

– Как поступим с мебелью?

– Купим, но это последняя из наших забот. Вы должны подобрать дам, причем правильных. Нашим посетителям не нужны особы с улицы. Надо найти умных красавиц, способных очаровывать.

Анжелика вспомнила Евгению Фергюсон и улыбнулась. Уж кто-кто, а она на эту роль подходила прекрасно. Гибкая мораль, красота, распутство. Впрочем, она была безнадежно избалована, да и быстро надоедала в разговоре. Им с Фабьенн требовались женщины гораздо лучше, чем миссис Фергюсон.

– С чего начнете? – спросила Анжелика.

– Нужно поговорить с людьми. Одну девушку можно взять из заведения мадам Альбин. Она молода и симпатична, кажется совершенно невинной, но это далеко не так. Клиенты без ума от нее. Она заставляет каждого посетителя чувствовать себя важным, и, думается, ее ничто не пугает. Она не пьянствует, и, по ее словам, ей нравится то, чем она занимается.

– Помните, нам нужны и другие особы, постарше и более утонченные, которые умеют слушать и быть в меру игривыми, в меру загадочными.

Не успели они войти в номер, как Фабьенн бросилась примерять светло-голубую шляпу.

– Спасибо, спасибо, спасибо, что так добры ко мне, – щебетала она, лучезарно улыбаясь.

– Мы с вами теперь компаньоны, – ответила Анжелика, тоже примеряя одну из новых шляпок.

Итак, дом найден. Оставалось решить вопрос с полицией. Бордель считается легальным, если зарегистрирован в жандармерии. Конечно, некоторым гражданам это не по душе, но пока они будут хранить все в относительной тайне – чему поможет расположение особняка, – никаких проблем возникнуть не должно. Что же до клиентуры – нужно только найти первых посетителей, а потом, если им понравится, слухи распространятся, как лесной пожар, и мужчины потекут рекой.

Глава 12

На следующий день Анжелика и Фабьенн отправились смотреть дом. Все оказалось практически идеальным. Анжелика, имея примеры Белгрейва и двух домов Фергюсонов, примерно представляла, как все обустроить. Однако здесь она хотела добиться несколько иной атмосферы, которая заставляла бы мужчин при входе в заведение чувствовать себя словно в нежных объятиях, оставаться подольше и приезжать почаще. Счастье клиентов превыше всего.

Осмотрев особняк, Анжелика сообщила нотариусу, что согласна на сделку. Фабьенн прошептала, что в каждой комнате потребуется поставить ширмы, за которыми девушки смогут приводить себя в порядок. Анжелика не хотела вдаваться в такие подробности. Она предпочитала заниматься другой стороной дела, пока Фабьенн будет искать дам и заниматься их нуждами.

В полдень Анжелика внесла плату за первый месяц и подписала договор на годовую аренду. В знак симпатии к ней нотариус не запросил ее документов. Анжелика казалась ему абсолютно вне подозрений, и он не сомневался, что она регулярно будет вносить плату. Нотариус любил вести дела без лишних формальностей. Он передал вдове, что владелец особняка будет обрадован, когда узнает, какому чудесному семейству сдает особняк – уважаемой даме с шестью дочерьми.

Покидая контору нотариуса, Анжелика и Фабьенн чуть не дрожали от радостного волнения. Их план постепенно осуществлялся! Причем довольно быстро. Но требовалось еще столько сделать. Купить мебель, нанять слуг. Ну а главное – найти дам. Это ключ к их успеху. Анжелика решила, что встретится с каждой из особ, прежде чем они будут приняты в заведение. Фабьенн, может, и знала этот контингент женщин, но Анжелика прекрасно знала мужчин, которых им предстояло обслуживать.

Первым делом Фабьенн отправила сообщение Жульетте, девушке из борделя мадам Альбин, с просьбой встретиться. Жульетта была поражена нарядом Фабьенн и согласилась на новую работу немедля. Анжелика нашла юную особу весьма милой, с ангельским личиком и выглядевшую моложе своих восемнадцати лет. Однако под нежной внешностью скрывалась чувственная женщина, способная удовлетворить мужчину.

Теперь перед Фабьенн стояла задача сложнее. Требовалось найти совершенно иных женщин, нежели тех, с которыми обычно общалась и

работала юная проститутка.

Анжелика в это время с головой погрузилась в меблировку особняка. Десять кроватей с балдахинами, тумбы, комоды, кресла с обивкой из шелка и атласа, ковры, лампы, красивый обеденный стол из Англии и стулья к нему, дьявольски удобные софы, диваны и египетские кресла для салона, два ломберных стола... Дом получался на загляденье. Однако траты не выходили из-под контроля – Анжелика вполне укладывалась в намеченный бюджет. Также она приобрела два десятка комплектов постельного белья, зеркала, тяжелые дамастовые шторы и занавески для своей комнаты, напоминавшие о ее спальне в Белгрейве.

Для расстановки мебели, развешивания зеркал и картин и прочей подобной работы потребовались мужские руки. Кроме того, мужчине надо было нанять и в целях безопасности. Анжелика и Фабьенн просмотрели объявления в газетах и побеседовали с несколькими кандидатами. Объяснить, что требуется защищать целый дом женщин, не говоря при этом, чем именно эти женщины занимаются, оказалось довольно сложно. Однако последний кандидат не задавал лишних вопросов, к тому же они с Фабьенн очень понравились друг другу. Жак был широкоплеч, высок, родом с юга, как и она. Приятный мужчина. Он поведал, что жил на ферме с четырьмя сестрами. Одна из них стала монахиней, и он считал это большой ошибкой с ее стороны. Другие вышли замуж и уже родили ему племянников и племянниц. Так что Жаку было не привыкать жить одному среди женщин. Анжелика объяснила ему, что необходимо соблюдать деликатность и не разбалтывать никому о происходящем в доме.

– Здесь будут не только женщины, но и мужчины, – произнесла она, пристально глядя на Жака.

Он спросил, не отель ли это, и, получив отрицательный ответ, понял все. Может, он и казался несколько наивным, но отнюдь таковым не являлся. Несколько мгновений Жак, слегка обеспокоенный, пребывал в раздумьях, затем задал вопрос:

– Фабьенн тоже?

Он определенно был к ней равнодушен. Анжелика не была уверена, что это хорошо.

– Да, и Фабьенн тоже.

– Понимаю. Это такая же работа, как и любая другая. Всем надо чем-то зарабатывать на жизнь. Я вас защищу, – серьезно заявил он.

Было видно, что ему можно доверять, и Анжелика приняла его на работу.

Первые несколько дам, с которыми встретилась Фабьенн, не выразили

интереса к новому заведению. Они были довольны тем, что уже имели, однако подсказали несколько кандидатур. Две из них особенно заинтриговали Анжелику.

Одна, очевидно, происходила из хорошей французской семьи, но по каким-то причинам пошла по иному пути, нежели ее буржуазные сестры и родители. В свои двадцать четыре года Амбре имела семилетний опыт проституции, но выглядела, как настоящая леди, таковой не являясь. Она дала понять: ее специализация – необычные просьбы клиентов. Между делом она упомянула о виртуозном владении хлыстом и искусством связывания. И сообщила, что всегда готова на эксперименты. Она никогда не наносит увечий мужчинам и не позволяет им вредить себе. Слушая ее, Анжелика пыталась выглядеть как можно невозмутимее. Женщина настораживала ее. Однако Амбре, бесспорно, обладала красотой и огромной привлекательностью. Изысканное платье демонстрировало ее отличный вкус. Амбре работала в одиночку неподалеку от Пале-Рояль, но планы Анжелики ее чрезвычайно заинтересовали. Наконец-то бордель, которым собирались управлять как нормальным делом! Однако Амбре предупредила: берет она много, ввиду специфичности услуг.

Анжелика сказала, что с радостью примет ее в свое заведение.

Второй кандидаткой была весьма неглупая девушка с отменным чувством юмора и острым языком, сбежавшая из обители в Бордо, куда ее упекли родители. Двадцать два года, приятный и добрый характер, эдакая всеобщая любимая сестра – настолько она была дружелюбна и располагала к себе. Ее звали Филиппиной, и Анжелика получила огромное удовольствие от общения с ней. У Филиппины были светлые волосы, симпатичное личико, стройные ноги и громадный бюст, в который, по словам Фабьенн, мужчины захотят нырнуть с головой. Кроме того, Филиппина играла на фортепьяно и в свое время даже пела в хоре обители.

– Я не была уверена, покажется ли она вам достаточно красивой, – честно призналась Фабьенн, когда девушка ушла.

– С ней одно удовольствие беседовать, это многим понравится, – заметила Анжелика.

Филиппина была принята.

Очередной находкой Фабьенн стала эфиопка Яба, с кожей цвета кофе, утонченными чертами лица и громадными зелеными глазами. Отец продал ее в рабство в нежном возрасте. Семейство, купившее Ябу, привезло ее в Париж и тут бросило. С тех пор она заботилась о себе сама. Ей было девятнадцать.

Прошло несколько недель, прежде чем появились две новые

кандидатуры. Одну из них предложила Филиппина. С огненно-рыжими волосами и чуть старше остальных девушек, Агата отличалась тонким вкусом и эрудицией. До недавних пор у нее имелся покровитель – политик, но он умер, и теперь она искала бордель. У Агаты были связи с приятелями покойного благодетеля, и она могла привлечь в заведение высокопоставленных клиентов. Истинная куртизанка. Ее без колебаний приняли.

Агата порекомендовала свою подругу. Камилла начинала как актриса, но труд куртизанки оказался прибыльнее. Как и Агате, ей было двадцать пять, она обладала сильным, уверенным характером, но в то же время не казалась недоступной. Светлые волосы, большие голубые глаза – настоящая звезда сцены.

Фабьенн и Анжелика как раз начали спорить, достаточно ли семи дам, чтобы открыть заведение, когда Амбре сообщила им: она нашла еще одну кандидатуру. Японку Хироко бросил мужчина, с которым она обручилась. Возвращаться в Японию к родственникам ей было стыдно, и она осталась в Париже. Хироко обучалась ремеслу гейши, носила кимоно и вполне сносно говорила по-французски. Она была несколько застенчивой, но долгий разговор об искусстве гейши очаровал Анжелику. Двадцатидвухлетняя Хироко стала восьмой.

Итак, похоже, они нашли женщин на любой вкус. Азиатка, африканка, европейки, смелые и робкие, невинные и порочные, с чувством юмора и со страстью к связыванию мужчин. Чего еще можно было пожелать? Благодаря помощи Жака в дом уже можно было въезжать. Фабьенн и Анжелика послали весточку всем семи дамам. Мисс Латэм также сообщила, что хочет всем заказать новую одежду. Изысканное белье и великолепные вечерние платья должны быть достойны клиентов. Агата ответила, что у нее уже есть неплохой гардероб, но Анжелика хотела быть уверенной, что все будет безупречно.

Переезд занял неделю. Анжелика поселилась в мансарде, остальные могли выбрать понравившиеся им спальни на двух верхних этажах. Всем крайне понравилась обстановка и сам дом. Анжелика к тому времени наняла молодую кухарку и двух горничных.

– Кажется, будто я умерла и очутилась на небесах, – произнесла Филиппина, когда они впервые ужинали все вместе в столовой.

Жак ел на кухне, с кухаркой и горничными. Никто не возражал против того, чтобы работать в борделе, – это больше не держалось в секрете. Каждый работник знал правду.

После ужина Анжелика сделала объявление: завтра они поедут за

покупками, и девицы взволнованно заговорили, перебивая друг друга. Форменный пансион. Все были в отличном настроении и с нетерпением ждали, когда смогут обслуживать клиентов.

Фабьенн и Анжелика улыбнулись друг другу.

– Мы сделали это, – сказала Анжелика.

– Нет, вы сделали это, – возразила Фабьенн.

– Я всего лишь занималась меблировкой. Без вас дом был бы пуст.

– Только меблировкой? Как бы не так.

Анжелика подала идею, вложила деньги и нашла этот особняк.

Кстати, о деньгах. Анжелика обсудила с дамами их жалование и плату с клиентов. Договорились, что она будет выделять им половину доходов – неслыханная щедрость. Никто еще не давал им такой процент.

– Весь Париж будет говорить о нас, – с удовлетворением заметила Агата. Она уже поговорила с друзьями покойного покровителя и пригласила их в заведение, как только они откроются.

Анжелика не настаивала, чтобы клиенты сразу отправлялись наверх. Пусть сначала пообщаются с дамами. Она надеялась создать нечто большее, чем обычный бордель. Настоящий светский салон с пикантными развлечениями – вот чего она хотела.

– Как мы назовем бордель? – спросила Яба.

Резонный вопрос. После обсуждения решили назваться «Будуар» – с намеком, но не вульгарно.

На следующий день они отправились за покупками. Однако в первом же магазине их отказались обслуживать. Модистка прекрасно поняла, кто перед ней. Такая реакция отрезвила Анжелику, напомнив, что их дело считается позорным и непристойным. Конечно, все оделись прилично, но все-таки были чересчур красивы, экзотичны и вовсе не походили на буржуазных домохозяек. Женщины на улице неодобрительно смотрели на них. Мужчины глазели.

В дальнейшем поход по магазинам прошел без эксцессов. В отделе корсетов и нижнего белья дамы проявили наибольший интерес. Филиппине даже удалось убедить дочь герцога купить себе комплект шелкового кружевного белья.

– Никто же это не увидит, – смеясь, возражала Анжелика.

– О, не надо строить из себя монашку. Подумайте, вдруг вас переедет карета, как волнительно будет, когда в больнице увидят ваше белье! Давайте, присоединяйтесь к нам.

Анжелика не устояла перед ее уговорами. На ужин все условились надеть новые вечерние платья.

Когда все собрались за столом, Анжелика пришла к выводу, что никогда не видела столько красивых женщин в одном месте. Они с Фабьенн сделали правильный выбор. Все восемь оказались безукоризненно воспитанны. Анжелика ощутила гордость за них.

Сама она надела одно из лучших своих вечерних платьев – из яркосинего бархата, дополнив его сапфировыми сережками и ожерельем матери. Два года она думала, что оно ей никогда не пригодится. Все засыпали Анжелику комплиментами.

– Вы выглядите словно принцесса, – произнесла Камилла, и она не лгала.

– Нет, всего лишь герцогиня, – смеясь, ответила Анжелика и тут же пожалела о том, что проговорила.

– Что вы хотите сказать? – ухватилась за ее слова Агата.

– Ничего. Я просто дурачусь.

– Нет, – возразили дамы. – Скажите нам правду. – Они с самого начала чувствовали – у мадам есть большая тайна. – Вы – герцогиня?

Анжелика колебалась, но недолго. Она знала историю каждой из девиц – откуда они, почему здесь, как дошли до такого образа жизни. Будет честно, если они узнают правду о ней.

– Нет, я не герцогиня, – честно ответила она. – Я всего лишь леди. Но мой отец был герцогом. Мой брат унаследовал титул, землю и все состояние, согласно законам британской короны. Моя мать была герцогиней и законной женой моего отца, а мой дед по материнской линии – французский маркиз. Когда отец умер, старший брат отослал меня к своим знакомым служить няней и сделал вид, будто я его дальняя родственница. Таким образом, у меня нет ничего, и я – никто. Герцогиня Уэстерфилд – жена моего брата. Я – нет.

– Но тогда на что вы купили все это? – робко спросила Жульетта.

– Перед тем как умереть, отец вручил мне дар, и на эти деньги я должна была прожить остаток жизни, если бы в этом возникла потребность. Бордель – явно не то, на что он рассчитывал, но, надеюсь, мы все разбогатеем и сможем уйти на покой. А сейчас – спасибо моему отцу, что мы собрались здесь.

– «Будуар герцогини»! – с энтузиазмом выкрикнула Филиппина, и все присоединились к ее кличу. Бордель был переименован. – И к черту вашу невестку! Для нас вы – герцогиня.

Анжелику позабавила такая реакция.

– Когда мы открываемся? – перешла к делу Амбре.

– Почему бы завтра нам не отдохнуть? – предложила Анжелика. – А

откроемся послезавтра. Разошлите своим клиентам приглашения, и пусть приведут с собой друзей. За вас, дамы! Спасибо, что согласились быть здесь, – подняла бокал Анжелика, благодарная им за веру в нее.

– За герцогиню! – единогласно провозгласили они в ответ и тоже подняли бокалы.

Глава 13

Прошли три недели, но ни один из клиентов так и не появился. Каждый вечер дамы надевали вечерние платья и рассаживались в зале для приемов, а Жак, облаченный в ливрею был готов открыть двери посетителям. Анжелика паниковала, все пришли в уныние.

Не зная, чем еще заняться, Анжелика сводила своих дам в Лувр. Потом в парк. Потом на обед в ресторан на Монмартре. Приличные женщины пронзали их недобрыми взглядами, люди смотрели на них с каменным выражением лица. Все видели их насквозь.

Ночи без мужчин тянулись мучительно долго. Дамы играли в карты, Филиппина, как могла, развлекала их шутками, Камилла играла на пианино. Анжелика пыталась всех успокоить, что со временем все образуется, и молилась о своей правоте.

Наконец в начале июня в «Будуар» пожаловали первые посетители – знакомый Агаты с другом, оба известные политики. Войдя в салон, они замерли, пораженные открывшимся зрелищем. Великолепная обстановка. Девять потрясающих женщин. Превосходные наряды. Сияющие драгоценности. Теплые, радостные улыбки.

– О-го-го, – произнес Альфонс Кардин, оглядываясь вокруг. Он был особенно рад снова увидеть Агату.

Мужчины пришли из чистого любопытства, однако женщины в зале их совершенно очаровали. Они выпили, сыграли с ними в карты, выкурили по сигаре, и Анжелика тихо сообщила месье Кардину, что он может выбрать любую из девушек, хоть всех сразу, на первый раз в качестве подарка. Тот пришел в восторг от предложения. Они с другом выбрали по четыре дамы, и Анжелика, весьма довольная, осталась в салоне одна. Посетители развлекались до шести утра. Она к тому времени уже спала в своих апартаментах, но на следующий день Кардин в благодарность прислал бутылку шампанского с запиской: «Браво, моя дорогая! Мерси. А.К.». Очевидно, он прекрасно провел ночь, как и его друг. Дамы сообщили, что оба мужчины ушли очень довольными и клялись вернуться. Они действительно вернулись и приходили еще целую неделю.

Альфонс во время первого визита деликатно спросил Анжелику, можно ли выбрать ее, но она кротко ответила ему «нет».

– Они все будут желать вас, – сказала ей Фабьенн, – поскольку вы им отказываете.

В ответ Анжелика рассмеялась.

Прослышав о прекрасном заведении с элегантной мадам, изысканной обстановкой и дамами на любой вкус, мужчины чуть ли не выстраивались в очередь, чтобы попасть в «Будуар». Известные политики, банкиры, юристы, аристократы – каждый был готов потратить значительную сумму на понравившуюся женщину. К удивлению Анжелики, неожиданно много мужчин отдавали предпочтение Амбре.

Каждое воскресенье Анжелика платила своим работницам причитающуюся им половину доходов. Все согласились, что никогда еще не получали так много. Цены на любовные утехи были высокие, но клиентов это не смущало, и они возвращались снова и снова. Анжелика все рассчитала правильно.

В июле многие почтенные дамы отправились на море или за город, предоставив мужьям самостоятельно развлекаться в столице. Дела «Будуара» пошли еще лучше. Клиентов становилось все больше, и девушки едва справлялись. Некоторым мужчинам приходилось ждать по часу, а то и по два, пока объект их вожделения не освободится. Впрочем, их ожидание отлично скрашивали беседы с Анжеликой.

К ее удивлению, она поняла, что нашла для себя идеальную профессию. Конечно, отец не обрадовался бы такому ремеслу, но нужда заставила ее ухватиться за эту возможность, и Анжелика ни о чем не жалела. Тем более что ей не приходилось трудиться в постели, и она сохранила невинность. Ни у кого не возникало сомнений, что она – леди, аристократка до мозга костей. Проститутки звали ее герцогиней, и некоторые клиенты последовали их примеру. Многие гадали, правда это или нет. На все вопросы Анжелика отмалчивалась. Также никто, кроме Фабьенн, не знал, сколько ей лет на самом деле.

Фабьенн продолжала заигрывать с Жаком. Мужчина чуть ли не ел у нее с рук и исполнял все ее желания. Анжелика пристально наблюдала за развитием их отношений, но поводов для беспокойства у нее пока не было.

Многих гостей, зачистивших в «Будуар», Анжелика знала до того, как познакомилась лично. Это были члены правительства Бурбонов и главы банков, с которыми Анжелика проводила увлекательные беседы о финансах и многому научилась.

Однажды бордель, в окружении большой группы друзей, посетил внушительный господин с военной выправкой и удивительно пронзительными глазами. Его идеальное, словно высеченное из мрамора, лицо показалось Анжелике знакомым, но она никак не могла вспомнить, кто он такой. Мужчина представился Томасом – именем, явно

вымышленным. Однако Агата раскрыла секрет Анжелике.

– Вам известно, кто это? – прошептала она мадам, когда они играли в карты. – Это министр внутренних дел. Его появление здесь многое значит. Он очень тщательно выбирает, где проводить свободное время, и предпочитает, чтобы никто не знал, где и чем он занимается.

– Вы знакомы с ним? – спросила Анжелика, впечатленная познаниями Агаты.

– Мы встречались, – уклончиво ответила куртизанка, – но я не приглашала его сюда. Слухи о нас до него дошли из других источников.

Они внимательно наблюдали за тем, как Томас осмотрел зал, куря сигару, поздоровался с другими господами, улыбнулся и кивнул проституткам, но не заговорил ни с одной из них. Затем обратил внимание на Анжелику. Та слегка склонила голову в знак приветствия. Немного погодя, когда Агата ушла наверх, Томас подсел к Анжелике.

– Итак, вы и есть та самая герцогиня, о которой говорит весь Париж, – мягко произнес он, устремив на нее пронзительный взор. – Действителен ли ваш титул?

– Действителен, но мне не суждено им обладать, – честно ответила Анжелика, глядя ему прямо в глаза. Между ними как будто пробежала искра.

– Тогда кому выпала такая честь?

– Моему отцу, а теперь и брату.

Томас был заинтригован.

– Вы – англичанка, – высказал он догадку. Удивительно. Ее французский безупречен, ни капли акцента.

– Наполовину. Моя мать была француженкой.

– И в ее жилах также текла голубая кровь?

Министр был очарован собеседницей. Ее благородное происхождение угадывалось по внешности, манерам. Что она делает здесь? Почему распоряжается борделем, а не замком? Уму непостижимо!

– Бурбоны и Орлеанский дом, – призналась Анжелика.

Томас ни на секунду не усомнилась в истинности ее слов.

– Я многое слышал о вас.

– Надеюсь, только хорошее, – промолвила она, все еще глядя ему в глаза.

– Исключительно хорошее. Если говорить о ваших делах, то, по слухам, вы собрали здесь лучших куртизанок столицы, но сами никогда не обслуживаете клиентов.

– Я хотела, чтобы здесь собиралось интересное общество в приятной

атмосфере, – скромно ответила мисс Латэм.

– И вам это удалось, – тепло улыбнулся министр. – Мне, как и моим друзьям, все очень нравится. Каждый чувствует себя здесь словно дома.

– Я желала добиться подобного результата. Надеюсь, вы еще не раз заглянете к нам, – улыбнулась она в ответ, но так, чтобы не дать ему напрасную надежду.

Томас еще не сталкивался со столь интригующими женщинами. Изысканная и грациозная, но мягкая и добрая одновременно, ни капли высокомерия.

– Если я посету вас снова, поднимитесь ли вы со мной наверх? В качестве исключения?

Анжелика поняла – министр предлагает ей стать его любовницей.

– Если бы я так поступила, это нанесло бы вред нашей дружбе, – тихо ответила она с уважением.

– Значит, мы с вами друзья? – Томас поднял бровь. Он испытывал надежду и разочарование одновременно.

– Зависит от вас, но надеюсь, это так. Здесь вам всегда будут рады.

Анжелика задумалась, серьезно ли было его предложение. Может, следовало его принять? Она чувствовала, что поступила правильно. Министр слишком опасен и могуч, чтобы заигрывать с ним. В качестве друга он был гораздо ценнее.

Агата рассказала, что Томас часто посещал лучшие бордели города, но никогда не уединялся в спальне с дамами. Однако Анжелика чувствовала: ради нее он сделал бы исключение. И возможно, приходил бы в «Будуар» во внеурочное время, если бы она позволила.

Одним словом, министр был очарован ею. Они побеседовали весь вечер. Ближе к полуночи он пожелал ей доброй ночи, низко поклонился и уехал, пообещав скоро вернуться.

Неделю спустя Томас вновь объявился в «Будуаре» и поужинал с Анжеликой в столовой. Клиентов в заведении поубавилось, поскольку все покинули Париж на летние каникулы. Томас же остался в столице – служба.

С тех пор его визиты в бордель стали регулярными. Они с Анжеликой ужинали или просто беседовали в зале для приемов. Обоим это доставляло большое удовольствие. По словам Томаса, у них завязалась романтическая дружба. Конечно, они немного флиртовали друг с другом, но дальше этого не заходили, и министр уважал Анжелику за это. Он относился к ней как к истинной леди.

– Как вы здесь оказались? – однажды спросил он Анжелику.

– Это долгая история. Брат, унаследовав имение и титул, пожелал

избавиться от меня и отослал в чужую семью служанкой.

– А вы скорее умрете, чем станете служанкой? – поддразнил министр.

Анжелика покачала головой:

– Вовсе нет. Вначале я была потрясена, но со временем мне даже понравилось исполнять свои обязанности. Я была няней и следила за шестью детьми, и прослужила бы дольше, не попытайся один из друзей хозяев воспользоваться мною. Я отвергла его, и он оклеветал меня, заявив, будто это я пыталась соблазнить его. На следующий же день хозяева выгнали меня без рекомендательного письма. В Лондоне я не смогла найти работу и приехала в Париж. Но и здесь было то же самое. Зато я повстречала Фабьенн. Она поведала свою историю, и мне пришла мысль открыть заведение, в котором женщин защищают, уважают и достойно платят за пикантные услуги интересным и заслуживающим их мужчинам. Я плачу дамам половину наших доходов, а остальное уходит на содержание дома и сбережения на будущее.

– Вы наблюдаете за всем, но не свысока. Вы не посещаете рабочих спален, но и не осуждаете ни тех, кто трудится в постели, ни тех, кто в ней развлекается. – Томас заметил и ее доброту, и стал во взоре. Каким бы расслабленным он ни казался, от его взгляда ничто не ускользало. – Вы замечательная женщина. – Минуту он молчал, а затем спросил: – Сколько вам лет на самом деле?

– Двадцать шесть, – с улыбкой ответила Анжелика.

– Почему же я вам не верю? – Министр с нежностью во взгляде наблюдал за ее реакцией.

Она колебалась лишь мгновение.

– Потому что это не так. Мне двадцать лет, но, кроме Фабьенн, этого никто не знает.

– Вы полны сюрпризов, – восторженно заявил Томас. – Будьте бдительны. Если кто-то попытается причинить вам вред или уничтожить вас, прошу, обратитесь ко мне. Париж – опасный город. Многие сейчас недовольны правительством и считают Карла слабым монархом. Цены растут, безработица тоже. Франция переживает финансовый кризис. Рано или поздно это закончится волнениями, но я предупрежу вас, – пообещал министр. – У вас непременно найдутся завистники, учитывая ваши значительные успехи, – продолжил он, обводя гостиную жестом, и неожиданно произнес: – Вы согласились бы пообедать со мной как-нибудь в тихом местечке?

– С удовольствием, – ответила Анжелика с улыбкой.

Она знала, что Томас женат, но его никогда не видели с супругой на

публике. Поговаривали, будто она тяжело больна уже несколько лет.

После той встречи Анжелика долго не видела его. До нее дошли слухи, что министр уехал в Бретань. Однако она знала наверняка – он вернется.

Глава 14

В сентябре парижский высший свет вернулся в столицу после отдыха, и в «Будуаре» всех встречали с распростертыми объятиями. Дела шли прекрасно. Томас не лгал, когда сказал, что о «Будуаре» герцогини говорит весь Париж. Люди не знали, кто она такая и откуда родом, но все сходились в одном: Анжелика обладала божественной красотой, а ее заведение было лучшим в городе.

Одним сентябрьским днем в «Будуар» пожаловала девушка, работавшая в одном известном борделе. По ее словам, ей почти ничего не платили, а мадам была настоящим тираном. Девушка хотела бросить старый бордель и перейти на работу к Анжелике. Однако Анжелике проститутка не понравилась – в ней было что-то вульгарное, и она ей отказала.

Ночью, в разгар приема клиентов, раздался тяжелый стук в дверь. Жак открыл, и в гостиную ввалилось четверо грозных, крепких мужчин, подозрительно напоминавших грабителей с улицы. Вслед за ними вплыла толстая особа и скрипучим голосом возопила:

– Где она?! – Музыка стихла. – Где эта ваша герцогиня, о которой все столько говорят?!

Она огляделась вокруг, рассматривая месье во фраках. Ее собственное заведение пользовалось успехом у нуворишей и буржуа, не обладавших благородным происхождением. У Анжелики же собиралась аристократия.

– Полагаю, вы ищете меня, – негромко заявила Анжелика, сделав шаг вперед. В прекрасном светлом вечернем платье, с идеальной осанкой и высоко поднятой головой она выглядела словно королева.

Министр внутренних дел стоял немного поодаль и пристально наблюдал за происходящим. Он напоминал тигра, готового в любой момент броситься на жертву.

– Кто вы и зачем пришли? – спросила Анжелика.

– Вы знаете, кто я. Антуанетта Алансон, мадам Антуанетта. Вы сегодня пытались переманить одну из моих девиц.

Мадам Антуанетта говорила весьма нагло.

– Вовсе нет, – холодно ответила Анжелика. – Она сама просилась ко мне, но я отказала ей. Я не нуждаюсь в ее услугах. Теперь прошу покинуть гостиную. Сейчас идет званый прием.

Подозрительные типы, окружавшие толстуху, напряглись.

– Она сказала, мол, вы предлагали ей больше денег, и попыталась

вынудить меня поднять ей жалованье.

– Это не так. Впрочем, меня не волнует, кто из вас что сказал. Прощайте, мадам. И не забудьте ваших друзей.

В зале никто не шелохнулся. Никому не хотелось ввязываться в скандал или, того хуже, потасовку. Впрочем, не желала того и мадам Антуанетта. Вместе с охраной она направилась к выходу, и Жак закрыл за ними дверь на ключ.

Все выдохнули с облегчением.

– Боже правый, какая ужасная женщина, – со смехом проговорила Анжелика, пытаясь унять дрожь в коленях. Она тихо распорядилась одной из служанок налить всем шампанского.

Вечер продолжился. К Анжелике подошел ее влиятельный друг.

– Отлично справились, дорогая, – прошептал Томас.

За время, прошедшее с их знакомства, они лучше узнали друг друга. Министр рассказал ей о болезни своей супруги, которая находилась в сумасшедшем доме, и Анжелика почувствовала, как он одинок. Будь он холостяком и сложились их жизни немного иначе, Анжелика с радостью стала бы ему кем-то большим, чем другом.

– Вы в порядке? – спросил министр, и она кивнула. Но Томас видел: Анжелика напугана, хоть и хорошо скрывает свой страх. Четыре спутника мадам Антуанетты выглядели весьма опасными и, скорее всего, действительно являлись таковыми.

– Конечно, я в полном порядке.

– Мне кажется, вам стоит нанять еще одного мужчину. Жака явно недостаточно. Никогда не знаешь, что ждет в будущем. Сегодняшний инцидент может повториться. Я не хочу, чтобы с вами что-то произошло. Прошу вас, наймите второго слугу.

– Я так и поступлю, – пообещала Анжелика и сдержала данное слово.

Люк, их новый слуга, был довольно юн, чуть ли не мальчишка, но, будучи сыном кузнеца, имел мощное телосложение и обладал недюжинной силой. Когда они с Жаком стояли у дверей, всем становилось гораздо спокойнее.

Однако, как оказалось, защита требовалась не только от угроз снаружи. Однажды один из лучших посетителей, часто пользовавшийся услугами Ябы, привел с собой школьного приятеля. Тот еще ни разу не бывал в «Будуаре» и крайне заинтересовался Амбре. В гостиную новичок вел себя очень приятно и казался весьма кротким. Затем они с Амбре поднялись в ее спальню. Их долгое отсутствие никому не показалось необычным. В какой-то момент Анжелика посмотрела вверх и увидела

ползущую на четвереньках Амбре, всю в крови и синяках. Она вскрикнула. Один из посетителей, оказавшийся доктором, бросился оказывать пострадавшей первую помощь. Остальные же сволокли мерзавца по лестнице и вышвырнули на улицу. Приведший его клиент рассыпался в искренних извинениях и оставил Амбре громадную сумму в качестве компенсации.

Амбре полностью поправилась через две недели, и все посетители крайне обрадовались, увидев ее снова в гостинной. Для того чтобы разрядить обстановку, Анжелика отправилась с дамами в поход по магазинам. В этот раз никто не отказал им в обслуживании. Все узнавали Анжелику, которая тратила на наряды баснословные деньги.

Анжелика стала известна всему городу как самая щедрая мадам Парижа, и от желающих работать в ее заведении не было отбоя, но ее высоким требованиям пока никто не отвечал.

В конце сентября в «Будуаре» появился новый клиент – американец почтенного возраста. По его словам, он находился в Париже по делам и услышал о заведении Анжелики от друга. Звали американца Джон Карсон. Наверняка это было вымышленное имя. Он чувствовал себя в борделе немного неловко – американцы отличались более пуританскими взглядами, нежели французы, и Анжелике пришлось некоторое время побеседовать с ним, чтобы он расслабился. Они говорили в основном о политике и финансах, избегая личных тем, но Анжелика сразу заметила: Карсон носит обручальное кольцо. Случайно речь зашла об Англии. Карсон оказался поражен, когда выяснил, что его собеседница – англичанка. И как только он услышал ее английскую речь, ее особый акцент, ему стало ясно: она не простая женщина. Анжелика представила его нескольким дамам, но он обращал внимание только на мадам. Понизив голос и опустив глаза, сообщил, что никогда не бывал в борделях, и поинтересовался, не пойдет ли она с ним наверх.

– Мне жаль, Джон, – по-доброму ответила Анжелика, – но я не обслуживаю клиентов.

Карсон улыбнулся:

– Мой друг рассказывал, какая вы чудесная. Но в действительности вы оказались еще лучше.

– Благодарю вас, Джон.

– Понимаете, мы с женой... – с сожалением произнес американец. – Мы с женой... Мы не... Мы поженились давным-давно. Мы очень разные. Мы не близки.

Анжелика знала подобные истории и кивнула.

– Понимаю, – с симпатией проговорила она. Ей хотелось освободить гостя от сомнений, чтобы он полностью расслабился и наслаждался услугами «Будуара». Возможно, ему приглянется Агата? Но нет, он не проявил к ней никакого интереса.

Как и многие другие мужчины, он был очарован Анжеликой. Карсон приезжал в «Будуар» каждую ночь в течение недели и часами разговаривал с Анжеликой. Наконец в один из дней он сообщил, что уезжает.

– Я обязательно загляну к вам снова, когда буду в Париже. Скорее всего, через пару месяцев. Возможно, тогда вы измените свое мнение относительно того, чтобы уединиться со мной в одной из спален.

Говорил это Карсон с решительным выражением лица. Он явно привык добиваться любой цели.

– Я этого не сделаю, – твердо ответила Анжелика. – Но буду очень рада видеть вас. Счастливого вам пути.

Анжелика долго думала о Карсоне. Он выглядел несчастным, но, когда беседовал с ней, его глаза загорались. Она чувствовала: он привык всем распоряжаться и всегда получал желаемое. Что ж, если он хочет очутиться в спальне с Анжеликой, его ждет большое разочарование.

«Будуар» становился все известнее, и дело развивалось. Анжелика наконец приняла еще двух девушек: шведку Сигрид, говорившую на трех языках: на английском, французском и немецком, и бывшую танцовщицу фламенко Кармен. Обе девушки были красивы и пришлись по вкусу клиентам. Кармен редко задерживалась в гостиной дольше пары минут: неисправимая кокетка, она часто поддразнивала джентльменов, отчего те были без ума. За несколько дней до Рождества в «Будуаре» устроили торжественный прием, на который собралось почти двести мужчин. Шампанское текло рекой, подавали икру. Томас заехал ненадолго – пожелал Анжелике счастливого Рождества и отбыл по делам, но она была тронута его визитом. В замечательном белом платье, подчеркивавшем ее формы, она еще больше искушала клиентов, хотя они прекрасно знали, что им никогда ее не добиться. Для хозяйки борделя мисс Латэм проявляла необычное целомудрие.

Однажды вечером в «Будуар» заявили двое пьяных англичан. Они сбивчиво объяснили, что это заведение им порекомендовали друзья. Один из голосов Анжелика узнала сразу. В холле, покачиваясь на нетвердых ногах, снимал плащ ее брат Эдвард.

Анжелика срочно послала за Фабьенн. Та пришла через минуту и осведомилась, что не так.

– Нетрезвый англичанин в гостиной – младший из моих братьев, – прошептала Анжелика. – Ему не следует меня видеть, иначе он расскажет об этом всей Англии. Найдите ему даму и отправьте поскорее наверх. Я поднимусь к себе. Скажите всем, будто у меня мигрень.

– Я лично займусь им, – заверила ее Фабьенн. Это было меньшее, что она могла сделать для мадам. – Не волнуйтесь, все обойдется.

– Спасибо вам, – с облегчением выдохнула Анжелика и скрылась на черной лестнице.

Фабьенн вернулась в гостиную и чуть не бросилась на Эдварда, пустив в ход все свои чары. Тот оказался и правда совершенно пьян.

– А у меня нет выбора? – спросил он, слегка покачиваясь. – Друзья говорили, что у вас есть африканка, я бы не отказался от встречи с ней.

Однако Ябы нигде не было видно.

– Она с одним клиентом и сегодня уже не освободится, – сказала Фабьенн и, надув губки, посмотрела на него, словно херувим. – Вы заденете мои чувства, если не выберете меня.

– О, тогда ладно, – сказал Эдвард. Она взяла его за руку и повела к лестнице. – А кто эта лже-герцогиня, кстати? Очень забавно – шлюха, зовущая себя герцогиней. Знаете, мой брат сам герцог.

– Правда? – проворковала Фабьенн, испытывая большое искушение вlepить англичанину пощечину за такие слова об Анжелике. – Уверена, он вовсе не так волнующ и могуч, как вы.

– Точно, – согласился Эдвард.

В спальне Фабьенн он плюхнулся на кровать, снял штаны, сообщил, чего желает, и через пять минут уже спал. Он оказался ни волнующим, ни обладающим воображением. Фабьенн нашла спутника Эдварда и попросила, чтобы тот позаботился о приятеле. Жак помог донести бесчувственного брата герцога до кареты. Фабьенн сообщила об их отъезде Анжелике.

Той ночью Анжелика долго лежала без сна, думая о своих братьях, о том, как ужасно они с ней обращались, о родном доме, который она никогда больше не увидит, и о нынешней жизни. За девять месяцев она не написала ни одного письма миссис Уайт. Анжелике было неловко из-за этого, но ей не хотелось лгать, а сказать правду не хватало смелости. Она обязательно напишет старой экономке, но сообщит, что нашла место няни в Париже и очень занята.

Мисс Латэм, самая успешная мадам Парижа, заснула в слезах.

Глава 15

Рождество в «Будуаре» прошло тихо и спокойно. Все клиенты остались дома с семьями или уехали из города, так что у девушек выдался выходной.

Был накрыт праздничный стол, за которым царила очень дружелюбная и уютная атмосфера, будто все приходились друг другу любимыми сестрами. Никакого макияжа, замысловатых причесок, пышных нарядов. Впервые за долгое время дамы могли расслабиться.

Они обменялись недурными подарками. Анжелика подарила кому кошелек, кому блузку или шляпку, и каждой – большой бонус.

– Я никогда в жизни не имела столько денег, – радостно сообщила Филиппина. – Я сберегу их для кое-чего особенного.

– Я свои храню для поездки в Италию весной, если у нас будут каникулы, – заявила Камилла. – Я хочу посетить Флоренцию или Венецию. Никогда там не была.

Анжелика открыла им двери в мир, о котором они даже не мечтали.

Анжелика невольно задумалась о детях Фергюсонов. Как они там? Она хотела им послать подарки на Рождество, но не осмелилась. В целом Фергюсоны сослужили Анжелике хорошую службу. Она уже более чем возместила все свои траты и даже значительно приумножила дар, оставленный ей отцом.

Анжелика наконец написала письмо миссис Уайт, в котором сообщила, что работает няней в Париже и воспитывает двух чудесных детей.

После обеда в столовую зашел Жак. Камилла и Филиппина по очереди играли на пианино, остальные пели рождественские гимны. Жак и Фабьенн улизнули в сад. Анжелика задумалась, чем все это закончится. Некоторые из ее работниц привязались к определенным клиентам, но по большей части отношения с мужчинами были сугубо деловыми. Так проще. Хотя все они, кроме Анжелики, мечтали однажды выйти замуж. Сама же Анжелика никогда не была влюблена и не грезила о любви. Одной жить проще. К тому же она слишком много узнала о мужской натуре. Ей не хотелось быть обманутой женой или, того хуже, находиться в браке, подобном союзу Фергюсонов.

Накануне Нового года в «Будуаре» устроили еще один торжественный прием, продолжавшийся до самого утра. Многие клиенты перебрали спиртного, и Люку с Жаком пришлось им помогать рассаживаться по

каретам.

В один из январских дней заведение посетил Джон Карсон. Увидев Анжелику, он чрезвычайно обрадовался. Она была окружена почитателями, надеявшимися, что однажды мадам капитулирует перед одним из них и отправится наверх со счастливым. Но Анжелика была непоколебима. Американец уселся чуть поодаль, попивая виски и восхищаясь ею. Дождавшись, когда Анжелика останется одна, он подошел к ней и тихо заговорил. Его глаза светились силой и уверенностью. От неловкости не осталось и следа.

– Я много о вас думал с тех пор, как был здесь последний раз.

– Благодарю вас, Джон, – ответила Анжелика улыбаясь.

Она тоже изредка думала о нем, размышляя, вернется ли он.

Карсон сообщил, что несколько месяцев был очень занят. Экономика Америки переживала большой рост, и он вложил часть средств в новые предприятия. Через несколько дней он должен был ехать для финансовой консультации правительства Великобритании, поскольку король оказался в больших долгах. Однако сюда он пришел не для разговоров о бизнесе.

– Анжелика, – тихо продолжил Джон, – вы молоды, ваши дела идут прекрасно, но вы не сможете заниматься этим бизнесом вечно. Однажды это станет тяготить вас, к тому же в любой момент что-нибудь может пойти не так, и все, чего вы достигли, обратится в прах. – Карсон явно готовил свою речь.

Анжелика с удивлением воззрилась на него, не совсем понимая, к чему он клонит.

– Я предлагаю вам отличный дом в Нью-Йорке. Можете обставить его по своему желанию. Вы получите все, что пожелаете. Вы можете путешествовать со мной, вести образ жизни почтенной женщины в той мере, в какой я могу обеспечить, будучи женат. Мне трудно подобрать слова, буду говорить прямо. Я желаю, чтобы вы стали моей любовницей.

Он улыбнулся, уверенный, что произвел на Анжелику впечатление. Любая другая женщина не смогла бы отказаться от такого предложения. Но только не Анжелика. Она не любила Карсона и не хотела становиться его любовницей. Если Анжелика когда-нибудь вступит в связь с мужчиной, то только по любви.

– Я буду проводить с вами очень много времени. Моя жена больна, – он сделал паузу. – Наш брак был несчастлив с самого начала. Единственное, что нас объединяет, – это замечательный сын. Даже когда жена хорошо себя чувствовала, мы жили отдельными жизнями, и это продолжается уже почти тридцать лет.

Карсону на вид было около шестидесяти, но, несмотря на возраст, он был весьма привлекателен. Однако Анжелику не покидало ощущение, будто он не любит ее, а хочет лишь владеть ею. Она знала, что Джон сдержит свое слово, если она согласится, но Анжелика не хотела быть содержанкой. Жить, как птица в клетке, пусть и золотой. Открывая «Будуар», она отбросила все надежды на респектабельную жизнь в обмен на возможность принимать решения самостоятельно и делать все, что захочет. Ей не хотелось расставаться с обретенной свободой. Кроме того, Анжелика с самого начала полагала, что будет временно управлять борделем. Быть чьей-то любовницей – это навсегда. Как бы добр и умен Карсон ни был, Анжелика не хотела становиться его собственностью.

– Я безмерно тронута вашим предложением, – ответила она, глядя на Джона и пытаясь понять, что он чувствует к ней. Действует ли он по зову сердца или из эгоистических соображений? В любом случае ее отказ станет для него настоящим ударом. – Но я не могу принять его. Я желаю остаться в Париже и не готова бросить «Будуар». Мне нравится управлять собственным делом. Я не хочу становиться ничьей любовницей и вряд ли когда-нибудь захочу.

– Я не могу жениться на вас, Анжелика, – печально сказал Джон. – Я не могу поступить так со своей женой после стольких лет брака. Особенно сейчас, когда она больна.

Он уважал свою супругу, пусть и не любил ее.

– Я не хочу выходить замуж. Я желаю свободы, желаю принимать собственные решения. Если вы будете содержать меня, я потеряю все это.

На мгновение Карсон задумался: не торгуется ли она с ним? Но нет. Просто у нее были собственные убеждения и принципы, и она не собиралась жертвовать ими ради него.

– Я счастлива в Париже. И не думаю, что обрела бы счастье в Нью-Йорке.

– Вам понравилось бы жить в Америке. Особенно в собственном роскошном доме, – промолвил Джон. Он пытался завлечь ее, но понял, что попытка обречена на провал. В его глазах читалась стальная решимость. Он не умел проигрывать.

– Возможно, – тихо ответила она.

Да, он не убедил ее. Сначала Джон разозлился, но затем гнев быстро сменился грустью.

– Вы подумаете над моим предложением?

Анжелика покачала головой.

– Я не хочу обманывать вас и давать напрасную надежду, – искренне

призналась она. – Я не думаю, что обладаю темпераментом любовницы. Куртизанки – возможно, но не любовницы. Я бесконечно тронута и польщена вашим предложением, но не могу принять его.

Карсон кивнул. Он понял, что сегодня ничего не добьется, и с сожалением покинул бордель. На следующий день он вернулся, сообщил о своем отбытии в Лондон и пообещал зайти в «Будуар» в следующий раз, когда будет в Париже.

– Подумайте о моих словах. Может быть, вы передумаете, – заявил он деловым тоном, каким часто вел переговоры.

– Берегите себя, – мягко произнесла она. Джон выглядел слишком несчастным. – И спасите финансы его величества. – Анжелика улыбнулась. – Он кузен моего отца. Маленькой девочкой я побывала на его коронации.

– Вы необыкновенная женщина, – с тоской проговорил Джон, поцеловал ее в щеку и ушел. Отказ Анжелики лишь укрепил его желание обладать ею.

В мае они отпраздновали годовщину открытия борделя. Дела шли прекрасно. Год назад никто не мог даже предположить такой успех.

Слава о «Будуаре» достигла других городов Европы. Английские графы, итальянские князья и даже испанский герцог заглядывали в заведение Анжелики.

Однажды в бордель заявила компания англичан. Все они были богато одеты и очень возбуждены. Анжелике они показались вполне приличными джентльменами, пусть и довольно пьяными. Но тут она заметила знакомое лицо. Гарри Фергюсон! Сказав Фабьенн, что идет спать, она закрылась в своей комнате.

– Снова твой брат? – спросила француженка.

Анжелика покачала головой:

– Потом объясню. Позаботься о них.

Появление Гарри в «Будуаре» не удивило Анжелику. Он вряд ли мог заподозрить связь между герцогиней «Будуара» и няней, которую уволил четырнадцать месяцев назад.

Утром Фабьенн спросила, из-за чего Анжелика так рано отошла ко сну.

– Среди тех англичан оказался человек, у которого я служила няней.

– Тот, что уволил тебя?

– Да, – улыбнулась Анжелика. – Он провел ночь с тобой?

– Нет, он предпочел Амбре. Еще он хотел побывать с Ябой, но она оказалась занята. Они остались надолго и очень хорошо заплатили. У этого

англичанина много денег.

Анжелика кивнула и принялась читать газету. Гарри Фергюсон и все, что с ним связано, теперь ее не интересовало.

Между тем обстановка в Париже накалялась. Король угрожал распустить кабинет министров, а гражданам такие речи пришлось не по нраву. Ходили слухи, будто грядет новая революция и Карла свергнут с престола. Правда, Томас сомневался, что ситуация настолько ухудшится, однако все равно волновался по этому поводу. Он обещал предупредить Анжелику, если его подозрения подтвердятся, но другие члены правительства, появившиеся в «Будуаре», почти не проявляли беспокойства.

В июне до Франции дошли вести о внезапной кончине короля Великобритании Георга IV. Покойный давно страдал от избыточного веса и регулярно предавался различным плотским утехам. Интересно, удалось ли Карсону решить хотя бы часть его финансовых проблем? Унаследовать корону предстояло младшему брату короля, Вильгельму. Дата коронации пока еще не была известна. Разница в возрасте братьев составляла всего три года, так что Вильгельм должен был начать царствование в весьма преклонном возрасте – шестидесяти четырех лет. Поэтому довольно остро стоял вопрос нового наследника: прежний король из законных детей имел только дочь, а будущий мог похвастаться десятком внебрачных детей от ирландской актрисы Доротеи Джордан. Из законных отпрысков у него были две дочери, которые, впрочем, не прожили и года на этом свете. Анжелика прекрасно разбиралась в жизненных перипетиях королевской семьи.

В июле король Карл распустил парламент, который он считал чрезмерно либеральным, и ввел цензуру прессы. В ближайшие несколько часов на улицах могли начаться беспорядки. Бурбоны слишком долго испытывали терпение французского народа.

– К вечеру вам и прочим дамам следует покинуть Париж, – заявил Томас, ненадолго заглянув в «Будуар».

– Но куда нам отправиться? – в панике спросила Анжелика. Она боялась новой революции, помня, что случилось с родителями ее матери.

– Я настоятельно рекомендую вам отправиться к морю, пока ситуация не стабилизируется. Вы сможете собраться и выехать за несколько часов?

Анжелике не хотелось оставлять заведение, но рисковать жизнью и безопасностью своей и своих работниц она не собиралась.

– Если это совершенно необходимо – да. Я немедленно займусь приготовлениями к отъезду.

– Прекрасно. Не смейте возвращаться сюда, пока народ не успокоится, – предостерег ее Томас, нежно поцеловал в щеку и ушел.

Жак и Люк отправились на поиски экипажей, а Анжелика обошла комнаты дам и объяснила ситуацию.

Все приступили к поспешным сборам. Примерно через час они погрузились в экипажи, взяв с собой только самое необходимое, а также деньги и драгоценности. Элегантностью их кареты не отличались, но сейчас это и не требовалось. Уже этой ночью они прибыли в Нормандию и заселились в гостиницу, в комфортабельные номера с видом на море. Жак и Люк остались в Париже охранять «Будуар».

В следующие несколько дней из столицы приходили тревожные новости. После трех дней баррикадных боев Карл был вынужден отречься от престола. Палата депутатов передала престол его кузену Луи-Филиппу из Орлеанского дома. Через несколько дней низложенный правитель отправился в изгнание в Великобританию.

Анжелика с дамами провели в Нормандии шесть недель и получили большое удовольствие от неожиданных каникул.

В начале сентября они вернулись в Париж. Отдых пошел всем на пользу, и дамам не терпелось снова начать принимать клиентов. Первым их посетителем стал Томас.

– Благодарю вас за предостережение, – сказала ему Анжелика. – Должно быть, здесь творился полный хаос.

– Всего несколько дней. Все кончилось очень быстро. Посмотрим, как будет вести себя новый король. Надеюсь, он разумнее прежнего.

– Нам всем очень понравились наши небольшие каникулы, – улыбнулась в ответ Анжелика.

В один из дней в заведении появился Джон Карсон. Он сообщил Анжелике, что у него есть для нее известия, которые могут заставить ее взглянуть на их отношения по-новому. В июне скончалась миссис Карсон, и, как только закончится траур, Джон готов предложить Анжелике руку и сердце. В его глазах читалась мольба о ее согласии.

Однако никакие уговоры не могли изменить простой истины: Анжелика не любила Карсона. Более того, ее шокировало его неожиданное предложение.

– Джон, я не могу, – неохотно ответила Анжелика. – Повторю: моя жизнь здесь. Я не хочу уезжать в Нью-Йорк и не хочу выходить замуж. Мы едва знаем друг друга. Что, если кто-то узнает, как и где мы встретились? Может разразиться скандал, который испортит вашу жизнь.

– Кому какое дело, где и как мы познакомились! – уверенно возразил

Карсон. – Очевидно, что вы происходите из весьма почтенной семьи. Что же до меня – я достаточно стар, чтобы кто-то мог мне навредить, да никто и не узнает наш секрет.

Даже если скандал разразится, Карсону было все равно. Его влекло к Анжелике – отчаянно, безудержно, и он не мог думать ни о чем другом. Она отказалась стать его любовницей, но он был готов рискнуть и предложил ей стать его женой. Страсть Карсона к Анжелике превратилась в одержимость.

Мисс Латэм не знала, любил ли Джон ее, но то, что он любой ценой хотел заполучить ее, было очевидно.

– Я не могу принять ваше предложение, – мягко ответила она. – Я не стану вам ни любовницей, ни супругой. Примите мои соболезнования по поводу кончины вашей жены.

Карсон встал и посмотрел на нее сверху вниз. Секунду казалось, что он взорвется от гнева. Он не мог поверить своим ушам. Она снова ему отказала! Карсон был готов пойти на все, но Анжелика оставалась непреклонной.

– Я больше не приду сюда, дабы не беспокоить вас, – произнес Джон. Бросив на нее последний взгляд, он вышел из гостиной, совершенно опустошенный.

Анжелика была уверена: она никогда его больше не увидит.

Глава 16

После трехдневной Июльской революции в Париже все успокоилось. Клиенты заведения мисс Латэм приспособивались к новой власти. Даже в борделе чувствовалось напряжение и волнение нового времени.

– Они как будто переполнены энергией, не так ли? – заметила однажды Филиппина, когда ушел последний клиент.

Всю ночь дамы были заняты практически без перерывов. Анжелике тоже показалось, что политические беседы в гостиной стали более накаленными, чем раньше, и отнюдь не только из-за жары. Напряжение сбрасывали в спальне. Не только девицы, но и мадам особенно устали этой ночью. Несколько клиентов приехали довольно поздно, но всем хотелось обсуждать политику. С женами они таких мудреных тем в разговорах не касались, а Анжелика была прекрасной собеседницей, поскольку обладала достаточным умом и обширными знаниями о последних событиях.

Следующей ночью в «Будуаре» стояла похожая атмосфера. Разгорелся бурный спор на тему разницы между Бурбонами и их кузенами из Орлеанского дома. Несколько человек придерживались мнения, что разницы нет и Луи-Филипп ничем не лучше Карла. Остальные господа решительно не могли согласиться с такой точкой зрения. Двое мужчин, хвативших лишнего, забыли о манерах, перешли на крик, и вскоре один толкнул другого. Джентльмены, оказавшиеся поблизости, попытались предотвратить потасовку, но добились противоположного эффекта. Анжелика подала сигнал, и Жак с Люком попытались выдворить смутьянов из гостиной. В конце концов, «Будуар» – не боксерский ринг.

Жак схватил одного из разъяренных спорщиков. Второй оказался в руках Люка, но вывернулся и удивительно быстро достал из кармана пистолет с рукоятью, украшенной жемчугом. Раздался выстрел. На безупречно белом жилете оппонента расцвел кровавый цветок. Раненый, с крайне удивленным видом, соскользнул на пол. Стрелявший попробовал сбежать, но его окружила дюжина мужчин.

Анжелика склонилась над несчастным.

– Врача, немедленно, – распорядилась она Люку.

Рядом появился Томас. Анжелика и забыла, что он здесь. И очень кстати – она совершенно не знала, как быть. Скандал был неминуем.

Она подложила подушку под голову раненого. Одна из девушек принесла полотенца. Все попытки остановить кровотечение успехом не

увенчались. Мужчина закатил глаза и больше не мог говорить. Ранение оказалось тяжелым. По гостиной пробежал шепот. Жертву, одного из самых влиятельных банкиров Франции, знали многие. Стрелявший же входил в парламент, распущенный в июле прежним королем.

Банкир захрипел, кровь хлынула у него изо рта. Анжелика попыталась как-то помочь несчастному, но он вздохнул последний раз и скончался у нее на руках.

В гостиной повисла зловещая тишина.

Томас оглядел почти три десятка толпившихся гостей. Он знал практически каждого из них. Убийца, потрясенный случившимся, опустил в кресло. На него явно накатило осознание: жизнь уже никогда не будет прежней. Пистолет у него отобрали и отдали Жаку.

Томас заговорил твердо и уверенно:

– Господа, я предлагаю вам немедленно покинуть дом. Никого из вас здесь не было этой ночью. Мы не видели друг друга. Понятно?

Все закивали с облегчением. Никому не хотелось становиться участником скандала. Мужчины чуть не бегом бросились из «Будуара». Анжелика послала Агату оповестить клиентов, находившихся наверху, о случившемся. Спустя несколько минут и они покинули бордель. Убийца встал и, переводя взгляд с Анжелики на министра и обратно, громко заявил:

– Я должен сдать жандармерии.

– Я и есть жандармерия, – гневно ответил министр. – Отправляйтесь наверх и проспите.

– Боже, я убил его, – проговорил сквозь слезы стрелявший, поднимаясь по лестнице.

Томас обернулся к Анжелике, бледной как смерть.

– Что нам теперь делать? – спросила она.

– Тело должны обнаружить рядом с его домом. Следует отвезти убитого туда. Супруге не следует знать, где Винсента настигла кончина. Никто ничего не скажет.

На памяти Томаса это был далеко не первый случай, когда человека убивали в борделе. Главное – избежать скандала. Особенно важно оградить от последствий Анжелику.

– Я отвезу Дюма в жандармерию завтра, когда он протрезвеет. Он признается, что застрелил Винсента на улице в пылу спора и оставил тело на месте преступления. У вас есть экипаж?

– Да.

– Пусть мужчины отвезут несчастного в какой-нибудь проулок рядом с

его домом и там оставят.

Жак передал пистолет министру. Анжелика вызвала одну из горничных и распорядилась вычистить ковер.

Дамы тем временем спустились в гостиную, тихо обсуждая произошедшее. Все выглядели страшно напуганными.

– Никто из вас ничего не видел, – твердо сообщил им министр. – Ничего не произошло. Совершенно обычный вечер. Вас никто не будет спрашивать. Убийство произошло не здесь. Тело найдут на улице, вдалеке отсюда.

Томас и Анжелика уединились в столовой.

Как ни хотелось Томасу этого говорить, но другого выхода у него не было:

– Вам необходимо уехать, Анжелика. Не навсегда. На полгода, может быть, на год, чтобы избежать возможных неприятных последствий. В любом случае клиенты перестанут ходить к вам, по крайней мере, некоторое время. Опасность скандала будет пугать их. Подобные истории случались и раньше. Стоит переждать, пока все не утихнет.

Она не стала спорить, лишь кивнула со слезами на глазах. Друг взял ее за руку. Ему, как и ей, не хотелось расставаться.

Но судьба была неумолима. Она снова вмешалась в жизнь Анжелики, когда все, казалось, наладилось.

– Как скоро мне следует уехать? – печально спросила она.

Сердце Томаса защемило.

– Как можно скорее.

Его слова повергли ее в шок.

– А что будет с дамами?

– Они могут продолжить работать – но не здесь и не сейчас. А что же вы? Куда подадитесь?

– Не знаю, – призналась Анжелика. Ее взор был полон грусти. – Мне некуда ехать.

Почему она постоянно становится жертвой чужих поступков? Сначала Тристана, потом Бертрама, теперь Дюма.

– Как насчет Нью-Йорка? – предложил Томас.

Анжелика, немного подумав, кивнула.

– Пожалуй.

– Новое окружение, незнакомые места – все это может оказаться чрезвычайно полезным для вас. Жизнь, которую вы вели до сего момента... Это не то, что предначертано вам. Вы – дочь герцога. Герцогиня... – Мисс Латэм печально улыбнулась. Прозвище, данное ей проститутками, сейчас

звучало нелепо. – Если покинете Францию в ближайшее время, то избежите любых неприятностей, которые могут произойти.

Он прав, тысячу раз прав.

Томас и Анжелика проговорили до рассвета.

В девять часов министр разбудил Дюма и сказал, что тому следует говорить жандармам. Ни одного упоминания «Будуара». Дюма согласился. Вскоре они уехали.

Дамы собрались в столовой, где их ждала Анжелика. Сидя в окровавленном платье, она поведала им дурные вести.

– Нам всем придется уехать. Я вынуждена закрыть «Будуар». Мы сможем открыться вновь через полгода или через год, но не раньше.

– Но что нам делать все это время? – спросила Амбре.

Фабьенн заплакала. Она догадывалась, к чему приведет ночной инцидент. Неужели теперь придется вернуться к мадам Альбин или на улицу?

– Я назад, в обитель, возвращаться не намерена, – с кислой улыбкой произнесла Филиппина.

– В принципе, мы можем разделить по двое или по трое, снять апартаменты и трудиться дальше, пока Анжелика не вернется, – предложила Агата. Некоторым дамам ее идея понравилась.

Хироко заявила, что заработала достаточно денег, чтобы отправиться в Японию. Камилла решила вернуться на сцену. Сигрид и Кармен сообщили о желании вернуться домой.

– А что же вы? – спросила Фабьенн Анжелику.

– Я отплываю в Нью-Йорк, – ответила она, и на ее глазах выступили слезы.

– И будете работать там? – Все девицы были потрясены.

– Нет, пожалуй, просто отдохну. Без вас мне нечего продавать, – усмехнулась она.

Этим утром у всех было полно дел. Паковать вещи, составлять планы. Анжелика настояла, что наряды и украшения, которые она покупала девушкам, являются ее подарком. Щедрость мадам поистине не имела границ. Всем было больно покидать «Будуар» и миниатюрную, но бесконечно храбрую женщину.

Анжелика посетила нотариуса и оповестила его о своем отъезде с семьей в Нью-Йорк. Она уплатила ренту за три месяца, согласно заключенному ранее договору. Месяе остался доволен. Она была образцовым арендатором.

Затем Анжелика отправилась в компанию, занимавшуюся хранением

вещей, и оплатила хранение мебели из «Будуара», и наконец купила билет на судно «Дездемона», через четыре дня отплывавшее в Нью-Йорк. Это был самый комфортабельный корабль из тех, что курсировали через Атлантику. Решив не скупиться, Анжелика взяла себе билет первого класса, а Кларе, горничной, которая согласилась ее сопровождать, билет третьего класса.

Когда она вернулась домой, Фабьенн поджидала ее с известиями. Они с Жаком решили пожениться и переехать в Прованс. Даже если «Будуар» снова откроется, она не вернется.

– Я хочу детей, – улыбнулась Фабьенн.

Анжелика обняла француженку.

– Я счастлива за вас, – искренне ответила она.

Собирая вещи, Анжелика думала о предложении Джона Карсона. С их последней встречи прошла всего неделя. Нет, она не жалела о своем отказе. Определенно, это не то, что ей нужно было тогда, и сейчас ситуация не изменилась. Если она когда-нибудь и выйдет замуж, то только по любви.

Около полудня вернулся Томас. Дюма во всем признался, сообщил министр. Он в тюрьме и останется там до суда. Его рассказ ни у кого не вызвал подозрений.

– Через четыре дня я отплываю в Америку, – с грустью произнесла Анжелика.

Томас остро переживал предстоящую разлуку с ней и ушел в расстроенных чувствах. Он знал, что никогда не встретит женщину, подобную Анжелике.

Через два дня девицы разъехались. Прощаться было больно, ведь все они сдружились и стали друг другу как сестры. Обнимая Анжелику, куртизанки заверили ее, что, когда она вернется, они снова будут работать под ее началом.

Дом опустел. Обходя его в последний раз, Анжелика думала о том, что все, кто в нем жил, были счастливы под его крышей.

Вместе с Кларой они переехали в отель «Морис» напротив парка Тюильри. Раньше Анжелика и мечтать о проживании в таком фешенебельном месте не могла, но сейчас с легкостью позволила себе это.

Она написала письмо миссис Уайт, в котором сообщила, что переезжает с семейством хозяев в Нью-Йорк. Поверит ли ей экономка? Впрочем, у той нет причин не доверять дочери Филиппа. Анжелика терпеть не могла врать домоправительнице, но не рассказывать же ей правду о произошедшем во Франции? Миссис Уайт даже в самых кошмарных снах

вряд ли могла представить, что ее бывшая хозяйка шестнадцать месяцев управляла лучшим борделем Парижа.

Анжелика послала весточку Томасу, и тот приехал к ней попрощаться.

– Я надеюсь, что вы вернетесь однажды. Хотя у меня предчувствие, что этого не случится.

– Куда я денусь?

– В мире столько прекрасных мест, о которых вы даже не задумывались. Перед вами откроются новые возможности.

– Я хочу вернуться в Париж и начать все заново, – твердо заявила она.

– Иногда это не так просто, как нам кажется. Но я надеюсь, все так и будет, – искренне признался Томас. Он желал ей только добра и не мог вынести разлуки. Если бы жизнь сложилась по-другому, возможно, они стали бы мужем и женой. Он никогда не встречал такой женщины и никогда не влюблялся так сильно.

Благодаря ему скандала не произошло. Все целы. И Анжелика знала: стоит ей послушаться его совета, остаться здесь, кто-нибудь когда-нибудь проговорится, и вся правда выйдет на свет.

– Вы будете писать мне? – спросил Томас.

Анжелика кивнула. По ее щекам текли слезы.

– Спасибо вам, – сказала она, думая о том, что слова кажутся ничтожными по сравнению с тем, что он сделал для нее.

– Не благодарите меня, Анжелика. Только вернитесь.

Томас поцеловал ее в последний раз и прошептал:

– Прощай, любовь моя. – И поспешно ушел.

Анжелика, содрогаясь от рыданий, наблюдала в окно, как он садится в карету. Вскоре экипаж скрылся в темноте. Анжелика опять осталась одна, на душе было пусто. Ей казалось, что она делает шаг в пропасть.

Глава 17

Проведя бессонную ночь, Анжелика поднялась на рассвете. Она не переставала думать о Томасе. Он не мог проводить ее – это вызвало бы слишком много толков. Они уже сказали друг другу все, что могли. Осталась лишь память.

Поднявшись на борт судна, Анжелика решила, что вновь притворится вдовой. Молодой даме неприлично путешествовать в одиночку, пусть и со служанкой. Клара пребывала в радостном волнении от предстоящего путешествия.

Анжелика смотрела на удаляющийся берег. Низко надвинув шляпу на лоб, она стояла на палубе. Вуаль развевалась от легкого бриза. Несколько человек уже обратили пристальное внимание на невысокую, изящную и модно одетую женщину, путешествующую в одиночестве и выглядящую крайне загадочно.

Пообедав в каюте, она отправилась гулять по палубе. Заглянула в салон, где пассажиры проводили время за чтением и игрой в карты. Около полудня здесь должны подавать чай. Роскошь обстановки напомнила ей о Фергюсонах. Анжелика с тоской подумала об Эмме. Как она там? А Гарри Фергюсон? С какой по счету любовницей он изменяет супруге и сильно ли отстает от него Евгения в делах супружеской неверности?

За последнее время Анжелика научилась разбираться в людях, узнала, как много силы нужно иметь, чтобы выжить, и как легко люди предают друг друга. Интересно, как бы отреагировал отец на события этих трех лет? Испытал бы гордость или стыд? Анжелика надеялась, что первое. Некоторыми поступками она отнюдь не гордилась, однако всегда старалась поступать лучшим образом в предложенных обстоятельствах.

Ее размышления прервал мужской голос:

– Неужели все так плохо?

Анжелика обернулась и увидела высокого мужчину с приветливым лицом.

– Простите, я задумалась, – она робко улыбнулась ему.

– О чем-то далеко не радостном, боюсь. У вас очень грустное лицо.

Он уже дважды замечал ее на палубе, но заговорить не решался.

– Я потеряла мужа, – ответила Анжелика первое, что пришло в голову.

– Всегда найдется кто-то, у кого дела идут хуже, чем у тебя самого. Я вот недавно лишился невесты. Она предпочла другого, – откровенно

признался джентльмен. – Я отправился в Европу, чтобы развеяться и избежать слухов. Но оказалось, бегством делу не поможешь. Целый месяц я провел в одиночестве, преисполненный жалости к себе. И вот, возвращаясь домой, – с горькой улыбкой продолжил он.

Анжелика на секунду задумалась: что он сказал бы, поведай она ему, что скорбит по борделю, своим проституткам и их клиентам. Она улыбнулась этой мысли.

– Мне жаль, что с вами так поступили, – с сочувствием ответила Анжелика. Ее тронула его искренность. Как это не похоже на европейцев! Те предпочитают скрывать свои чувства.

– Примите и мои соболезнования по поводу кончины вашего супруга. У вас есть дети?

– Нет, – покачала головой Анжелика. «И скорее всего, никогда не будет», – чуть не добавила она. Кто женится на ней, если она откроет жениху правду? Открыв бордель, она предопределила свою судьбу. Некоторые из ее работниц вполне могут выйти замуж, но для дочери герцога такая страница в биографии перечеркивала любые брачные перспективы.

Если бы этот мужчина знал, кто она и чем занималась, вряд ли он стал бы вести с ней беседы.

– Вы надолго в Нью-Йорк? – спросил он.

– Не знаю. Может, на пару месяцев, а может, и на год. Мне некуда спешить, – расплывчато ответила Анжелика.

Джентльмен за время разговора понял: она англичанка, а вовсе не француженка, хотя и слышал, как она на безупречном французском отказалась от шезлонга и одеяла, предложенных стюардом.

– Вы живете в Англии или во Франции? – с любопытством спросил он.

Правильный ответ – нигде. Собственно, поэтому она и была так печальна.

– Мы переехали в Париж из Англии год назад, и вот мой супруг скончался. Я подумала, мне стоит отправиться в Нью-Йорк, чтобы там решить, как быть дальше.

Она была гораздо дружелюбнее подавляющего большинства англичанок, с которыми ему доводилось иметь дело, и без тени смущения разговаривала с мужчиной, что было довольно необычно для леди, путешествующей в одиночестве. Конечно, он не знал этого, но за время управления «Будуаром» Анжелика в совершенстве освоила сей навык, переборов всякую робость.

– У вас есть друзья в Нью-Йорке? – спросил он.

– Немного, – замявшись, ответила она.

Да и к тем, кого она знала, обратиться было нельзя. В общем, если вычеркнуть тех, с кем она познакомилась в «Будуаре», то друзей за океаном у нее не было.

– Кстати, разрешите представиться. Меня зовут Эндрю Хэнсон. – Он, протянул ей руку, и Анжелика пожала ее. Эндрю отметил, что у нее изящные пальцы.

– Анжелика Латэм, – представилась в ответ она, молясь, чтобы он не знал ее братьев.

– Красивое имя, – заметил американец.

Некоторое время они молчали, глядя на океан и думая каждый о своем.

– Пожалуй, я вернусь в каюту и почитаю немного, – тихо произнесла Анжелика.

Эндрю не стал спрашивать, увидит ли он ее снова. Плавание предстояло долгое, и они наверняка еще не раз пересекутся на палубе. А если пожелают познакомиться поближе, то времени у них будет предостаточно.

Эндрю не хотел лишний раз тревожить Анжелику, тем более он не знал, как давно скончался мистер Латэм. Хэнсон пережил гораздо меньшую потерю, но рана, нанесенная невестой, начала затягиваться лишь спустя шесть недель.

Читая книгу, Анжелика уснула. Легкое покачивание на волнах убаюкало ее. Клара заглянула в каюту хозяйки, обнаружила, что та крепко спит, и не стала будить.

На следующий день Анжелика появилась на палубе в восхитительном наряде из белой шерсти. Многие дамы с завистью смотрели на нее. Эндрю был рад встрече.

– Я не видел вас вчера ни во время чая, ни за ужином, – отметил он. – Вы в порядке?

– Да, я просто устала. Книга оказалась удивительно скучной, и я заснула, – улыбнулась она ему.

Эндрю рассмеялся:

– Я постоянно засыпаю при чтении. И это плохо, очень плохо. Я вообще-то юрист, мне нужно постоянно читать.

Они стали прогуливаться вместе. Пассажиры на палубе читали или дремали. Дамы прятались от солнца под зонтиками.

– И в каких же областях закона вы специализируетесь? – спросила Анжелика с живым интересом. Она прекрасно умела поддерживать беседу, и мужчины, сами того не замечая, принимались рассказывать о себе.

– Гражданское и конституционное право. Последнее особенно скучно. Я хотел бы податься в политику. Через год-два попробую баллотироваться в конгресс.

– Что же, может, однажды вы станете президентом, – поддразнила его Анжелика. Впрочем, она понятия не имела, кто он и какими связями обладает. Вполне возможно, что действительно станет. Америка – не Англия, где правят только те, в чьих жилах течет голубая кровь. Для американцев возможно все.

– Не исключено, – осторожно ответил Эндрю, – хотя это скорее мечты моего отца, нежели мои собственные. Меня вполне устроило бы стать конгрессменом или сенатором, не более. А вот моей невесте не очень нравилось. Она считала, что политика – это вульгарно, и пыталась меня разубедить.

Он горько усмехнулся.

– Я то же самое думаю о работе короля, – серьезно ответила миссис Латэм. – Чересчур вульгарно и чересчур много хлопот, – продолжила она и рассмеялась.

Эндрю тоже развеселился. Он заметил: Анжелика кажется гораздо моложе, когда смеется.

– Вы встречали короля? – спросил Хэнсон.

Она покачала головой:

– Не нынешнего.

О своем родстве с королями двух стран Анжелика решила промолчать.

Эндрю представил Анжелику нескольким знакомым. Всех она очень заинтриговала. Затем они уселись в кресла на палубе, и им подали чай и очень нежные вкусные бисквиты.

– Чем вы занимались в Париже? – спросил Эндрю.

Анжелика замялась с ответом. Как бы ей не слишком соврать, но при этом и не нарушить приличий?

– Благотворительностью. Я помогала юным дамам, выросшим в бедных семьях. Многих из них подвергали насилию, притесняли и эксплуатировали. Я делала, что могла, дабы облегчить им жизнь. – Слушая Анжелику, можно было подумать, что она занималась благородным делом. В какой-то степени так и было.

– И вы достигли успеха в этом?

– Пожалуй.

– Напоминает работу политика. Они тоже пытаются помочь людям, установить справедливость.

– Такая аналогия не приходила мне в голову. Иногда мне кажется,

короли только едят, пьют и бессмысленно тратят наши деньги.

Предыдущих королей Англии и Франции это характеризовало весьма точно.

– Вы интересуетесь политикой, Анжелика?

– Немного. Трехдневная революция в Париже испугала меня.

– Вы были в июле в столице?

– Нет, я трусливо сбежала в Нормандию с друзьями.

– Почему же трусливо? Вполне резонно, – возразил Эндрю. – В Великобритании монархия определенно прочнее, нежели во Франции.

– В Англии не было революции. Мои французские родственники погибли во время восстания против Бурбонов. А мать успели отправить в Англию, где она и встретила моего отца.

– Ваши родители живы? – спросил он.

Анжелика грустно покачала головой:

– Нет, оба скончались. У меня два брата, но мы не ладим.

Мягко говоря.

– Я единственный ребенок, и тоже потерял мать. С отцом у меня натянутые отношения, и мы иногда подолгу не общаемся. Он строит много планов насчет моей политической карьеры. Мы часто спорим по этому поводу. Я рассматриваю политику как шанс добиться справедливости и не согласен терпеть некоторые вещи. Я хочу влиять на управление страной.

Анжелика зачарованно слушала его. Ей хотелось бы того же, но она женщина.

– Вам повезло родиться мужчиной. У женщины такой возможности нет.

– Может, однажды и появится. Все меняется.

– Слишком медленно. Скорее всего, на нашем веку этого не произойдет.

– Иногда события развиваются быстрее, чем можно было ожидать, – с надеждой произнес Эндрю. Его голова была полна идей, некоторые из которых опережали время. Но он считал, что кто-то должен сделать первый шаг. – Вы не составите мне компанию за обедом? – осторожно спросил он.

Анжелика кивнула и улыбнулась. Они договорились встретиться в салоне.

Она надела черное платье из тафты и приколола на грудь бриллиантовую брошь. Эндрю заметил украшение и сделал комплимент.

– Она принадлежала моей матери, – ответила Анжелика. – Брошь ей подарил мой отец.

Эндрю было любопытно, кто ее отец, но он не решался спросить,

боясь показаться невежливым.

Ужинала Анжелика в каюте. К ней зашла Клара и рассказала, что познакомилась с приятной девушкой из Ирландии, которая отправилась в Штаты повидаться с родственниками. Они подружились, и горничная надеялась увидеть ее в Нью-Йорке. Анжелика тоже надеялась увидеть Эндрю в городе. Между ними установились дружеские отношения, которые скрасят обоим поездку и помогут залечить душевные раны.

Анжелика заметила, как за их прогулками по палубе с интересом наблюдают другие пассажиры. Они с Эндрю представляли великолепную пару. Дамы восхищались нарядами Анжелики и каждый день с нетерпением ждали, что она наденет сегодня. Кроме того, ее загадочный образ интриговал и не давал им покоя. Эндрю нравилось проводить с Анжеликой время. С ней он ощущал себя важным и особенным.

Она всегда внимательно слушала его, задавала вопросы, и было видно, что ей с ним интересно. В отличие от других женщин, которые неприкрыто скучали или проявляли любопытство к странным деталям, словно не понимали, о чем идет речь.

Погода стояла отличная. Днем Анжелика и Эндрю часами прохаживались по палубе, обсуждая разные темы, и играли в карты, а по вечерам часто ужинали вместе.

За время плавания они многое узнали друг о друге и к концу путешествия чувствовали себя так, будто всегда были знакомы.

– Я хотел бы встретиться с вами в Нью-Йорке, если вы не возражаете, – промолвил Хэнсон накануне прибытия в порт, когда они пили шампанское в салоне.

Анжелика думала, что всю дорогу будет оплакивать свою несчастную жизнь, но вместо этого повстречала приятного человека, и поездка превратилась в сказочное путешествие.

– С превеликим удовольствием, – мягко ответила она, слегка потупив взор. Иногда ей было трудно выдержать его открытый взгляд. Анжелика видела, что Эндрю ею очарован. Кроме того, он был, пожалуй, первым джентльменом, который ей во всем подходил. Хэнсон был молод, не женат, привлекателен, и Анжелике нравилось общаться с ним. В то же время она понимала, что вряд ли подходит мистеру Хэнсону, особенно учитывая ее недавнее прошлое. И все же, несмотря ни на что, она не хотела упускать свое счастье.

– Где вы остановитесь? – тихо спросил он.

– У меня забронирован номер в отеле «Сити», – ответила она. – Первое время проживу там, пока не подыщу себе дом на полгода, а может, и дольше.

Хэнсон задумчиво кивнул.

– Буду рад вам помочь, если хотите. Я лучше вас знаю Нью-Йорк и могу порекомендовать хороший район.

– Определенно, – улыбнулась Анжелика.

– И с удовольствием покажу вам город, – продолжил Эндрю.

Ей явно понравилось это предложение.

На следующий день они стояли бок о бок на палубе, когда «Дездемона» причалила к берегу. Анжелика в сером плаще, отделанном чернобурой лисой, и в шляпке такого же цвета выглядела так, словно сошла со страниц журнала мод. Все женщины смотрели на нее с неприкрытой завистью.

– Вас кто-нибудь встретит? – спросил Эндрю обеспокоенно.

Она покачала головой.

– Я заказала экипаж, который довезет меня до места.

Хэнсон одобрительно закивал:

– Отлично. Немного погодя я заеду к вам в отель – убедиться, что все в порядке.

– Со мной все будет хорошо, – заверила его Анжелика, но была благодарна Эндрю за помощь. Конечно, она и без него справилась бы, но появление Хэнсона в ее жизни стало даром судьбы. Она с удовольствием проводила с ним время – и ему это тоже нравилось. Они оба излечились от душевных ран.

– Вы будете очень заняты? – спросила она.

Хэнсон кивнул:

– Мне следует вернуться к делам. Я избегал их целых два месяца. Вот и весь отпуск, на который можно рассчитывать по причине разбитого сердца, – улыбнулся он. Недавнее прошлое его явно уже не тревожило. Эндрю обернулся к Анжелике и серьезно произнес: – Вы изменили всю мою жизнь. Я никогда не думал, что такое возможно. – Ему хотелось, чтобы Анжелика это знала, прежде чем они окунутся в серые будни Нью-Йорка.

– Как и я. Я полагала, что прорыдаю всю дорогу, – Анжелика улыбнулась. – А провела много чудесных часов с вами, Эндрю. Спасибо.

Он не ответил, только взял ее изящную ручку и не выпускал до тех пор, пока не объявили о том, что трап спущен на причал. Они вместе сошли на берег, и оба сияли от счастья. Эндрю помог Анжелике сесть в экипаж, а когда она обернулась к нему, поцеловал ее в щеку. Он и представить не мог, что не будет рядом с ней каждый день.

Хэнсон сообщил Анжелике свой адрес, чтобы в случае чего она могла

послать ему весточку.

– Скоро увидимся, – мягко произнес он.

Она помахала ему из окна кареты.

Глава 18

Отель «Сити», лучший отель Нью-Йорка, оказался еще больше и роскошнее, чем Анжелика ожидала, но с даром отца и собственным капиталом она вполне могла позволить себе в нем поселиться. Ее апартаменты оказались прекрасно оформлены, отвечали всем требованиям и полностью оправдывали свою цену. Клара заняла комнату на верхнем этаже, где жили все горничные.

Спустя два часа после прибытия, когда служанка еще разбирала багаж хозяйки, а Анжелика заказывала ланч, в номер доставили огромный букет роз. На карточке, приложенной к цветам, было написано: «Добро пожаловать в Нью-Йорк. Уже скучаю по Вас. Ваш Э. Х.». Не успела Клара поставить розы в вазу, как в номер вошел служащий и сообщил, что некий мистер Хэнсон желает видеть миссис Латэм.

– Конечно, проводите его, – ответила Анжелика и дала слуге чаевые.

Через несколько минут в гостиную вошел Эндрю, совершенно счастливый и кипящий энергией, и поцеловал Анжелику в щеку.

– Как вам идея прокатиться по Нью-Йорку? – предложил он. Стоял красивый осенний день, и Эндрю решил, что дела подождут до завтра. – Еще один день отдыха не повредит моим делам, – с озорством добавил он.

– Так вы никогда не станете президентом, – шутя, отчитала его Анжелика, надевая плащ.

Они прекрасно провели время, увидев все главные достопримечательности Нью-Йорка.

Анжелика заметила, что женщины Нью-Йорка одевались скромнее, чем парижанки, хотя и здесь встречались дамы в красивых туалетах. Анжелика даже заметила несколько впечатляющих шляпок – впрочем, уступающих ее собственным.

Эндрю был в восторге от нарядов Анжелики. Он в жизни не видел, чтобы кто-то так тщательно следил за модой. Его бывшая невеста в этом плане отличалась простотой, да и не могла похвастаться утонченным вкусом. Хэнсон начал подозревать: их разрыв на самом деле подарок судьбы. Как и встреча с Анжеликой, конечно.

В отель они вернулись только поздно вечером.

Следующие несколько дней Эндрю приглашал Анжелику то в театр, то в оперу, то на ужин с танцами «У Дельмонико» и в «Саду Нибло».

Время от времени они встречали знакомых Эндрю, и тот с гордостью

представлял им свою спутницу. Джентльмены неизменно оказывались сражены красотой Анжелики, а дамам нравилась ее дружелюбная манера общения. Пусть она и выглядела истинной аристократкой, в ней не было ни капли высокомерия.

Вдвоем они осмотрели несколько домов, куда Анжелика могла бы переселиться из отеля, но ей ничего не приглянулось, и она предпочла остаться в «Сити». Однажды вечером, после ужина в ресторане, Эндрю поцеловал Анжелику – крепко и страстно. Со дня их знакомства прошло уже шесть недель, и он не мог больше довольствоваться поцелуями в щеку. Анжелика не возражала – она полюбила Хэнсона всем сердцем.

Приближалось Рождество. Засыпанные снегом улицы были украшены гирляндами. Вернувшись однажды с прогулки, Анжелика не успела снять меховую муфту, как Эндрю взял ее за руки, чтобы согреть их, и неожиданно встал на одно колено.

– Эндрю, что вы делаете? – ошеломленная, спросила она.

– Анжелика Латэм, – на глазах Хэнсона выступили слезы от переполнявшего его волнения, – согласны ли вы стать моей женой?

Анжелика совершенно не ожидала этого. Она и не мечтала выйти за него замуж, хотя искренне любила его. На ее глазах тоже выступили слезы, она закивала.

– О боже мой, да... да... мой милый, как я люблю тебя, – вымолвила она.

Эндрю поднялся и заключил невесту в крепкие объятия. Перед его мысленным взором открылась картина счастливого будущего. Что же до Анжелики... Ей следовало многое поведать Хэнсону, но она боялась потерять его. Как ему понравится рассказ о том, что в действительности происходило в Париже? Что его невеста – бывшая мадам известного борделя? Впрочем, может, и не нужно ничего ему говорить. Ей не хотелось ни вредить ему, ни лгать. Одно Анжелика знала наверняка: она любит Эндрю и желает стать его женой. Ничего подобного раньше она не чувствовала.

– Я так люблю тебя, – вот и все, что она смогла выговорить.

Он ничего не знал о ее прошлом и принимал Анжелику такой, какая она есть. Чего же боле? И разве может она рисковать всем, рассказав ему правду? А вдруг он узнает от кого-то другого? Но Нью-Йорк казался ей бесконечно далеким от всего, что происходило в ее прошлом. Пока Анжелика раздумывала, Эндрю начал строить планы.

– Нам требуется найти дом, – взволнованно проговорил он, – и надо как можно скорее обвенчаться. Нам нечего ждать. – Он на мгновение

задумался. – Не следует ли мне написать твоему брату и попросить у него твоей руки? Я знаю, вы не ладите, но я не хотел бы оскорбить его или сделать что-то не так.

– О, его не обидеть таким образом, – тихо ответила она, вернувшись с небес на землю от слов жениха. – Ему все равно, он меня страстно ненавидит. Так что никого не надо спрашивать.

– А пригласить твоих братьев на свадьбу?

– Решительно нет. Если придут они, не приду я, – поддразнила его Анжелика.

Эндрю рассмеялся.

– Но вот с моим отцом ты обязательно познакомишься, как только он вернется из Бостона. Отец весьма старомоден и консервативен, но я уверен, ты ему понравишься, – счастливо проговорил он.

Три дня спустя Хэнсон вручил Анжелике кольцо – с очень красивой гравировкой и крупным бриллиантом. Ей хватило бы и скромного кольца или вообще никакого. Она ведь любила Эндрю, а не то, что он мог ей дать. Испытывая сильный прилив счастья и радости, Анжелика непрерывно размышляла об их будущем.

Эндрю рвался назначить свадьбу как можно раньше. По его словам, они оба знали, чего хотят, и уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно принимать решения. Анжелика была вынуждена признаться, что она несколько моложе, чем говорила.

– На самом деле мне двадцать один год, – робко заметила она и объяснила, что скрывала истинный возраст ради респектабельности.

Эндрю рассмеялся в ответ. Это ничего не меняло. Ему тридцать, ей – двадцать один, и они отлично подходят друг другу.

– Давай обвенчаемся в феврале, на День святого Валентина, – предложил он.

Идея Анжелике понравилась, но она сомневалась, что у них хватит времени на подготовку.

– Ты хочешь большую свадьбу?

– Вообще, нет, – искренне ответил Эндрю. – Друзей у тебя здесь нет, семью ты приглашать не хочешь. С моей стороны было бы неправильно приглашать сотню приятелей, которых ты едва знаешь. Почему бы нам не обвенчаться в более спокойной обстановке?

Кроме того, он помнил, что Анжелика недавно овдовела. При таких обстоятельствах не следует устраивать пышную свадьбу. Небольшое торжество с отцом и ближайшими друзьями – вот то, что нужно.

Обоим не терпелось стать мужем и женой. Даже Анжелика, всего

несколько месяцев назад не помышлявшая о свадьбе и считавшая, что останется старой девой, теперь только и мечтала выйти замуж за Эндрю и родить много детей. Ей хотелось написать дамам из «Будуара» – похвастаться и заодно предупредить, что она не вернется. Она знала: Фабьенн точно обрадуется за нее. Анжелика написала ей, когда прибыла в Нью-Йорк, и из ответного письма узнала, что Фабьенн и Жак поженились и ждут ребенка.

Анжелика сообщила в компанию, хранившую мебель из «Будуара», чтобы вещи продали. Не следует обставлять новый дом предметами из борделя.

Время пролетело быстро. Вечером накануне Рождества Анжелику ждал ужин с отцом Эндрю. Хэнсону-старшему не терпелось повстречаться с невестой сына. Из всего, что Эндрю рассказал ему об Анжелике, ему показалось, что она идеальная леди.

На ужин с Хэнсоном-старшим Анжелика надела черное платье из бархата, жемчуга матери и небольшую диадему, принадлежавшую бабушке по материнской линии. Анжелика особенно дорожила этим украшением и надевала его всего один раз – на бал в Лондоне. Больше случаев надеть диадему не представилось. Однако сейчас она идеально сочеталась с кольцом, подаренным Эндрю. От вида Анжелики у жениха перехватило дыхание – так она была прекрасна.

Экипаж остановился перед громадным особняком на Перл-стрит. Двое слуг и дворецкий проводили пару в дом. Хэнсон-старший ждал их в гостиной. Он стоял спиной к ним, глядя в окно на сад и попивая какой-то напиток. Он обернулся и обменялся с сыном теплыми взглядами. Затем обратил свой взор на Анжелику, его губы уже растянулись в доброй улыбке... Внезапно лицо Хэнсона-старшего помрачнело. Анжелика побледнела.

Перед ней стоял Джон Карсон.

Всего три месяца назад в Париже он сделал ей предложение руки и сердца, и вот она здесь, предстала перед ним как невеста его сына. От улыбки Хэнсона-старшего не осталось и следа. По его глазам Анжелика поняла: он ее не простил.

Ирония судьбы в худшем виде.

– Я... как ваши дела?.. – произнесла она, присев в реверансе. На ее глазах заблестели слезы. Он знал о ее прошлом во Франции. Все под угрозой.

– Что-то не так? – спросил Эндрю, переводя взгляд с Анжелики на

отца и обратно.

– Все нет, – ответил Джон сыну. – Счастлив встретить вас, – проговорил он Анжелике, осушил бокал и подал сигнал наполнить его снова. Эта мадам должна исчезнуть из жизни сына раз и навсегда. Черта с два он позволит Эндрю жениться на ней.

Ужин прошел в высшей степени недружелюбной и напряженной атмосфере. Джон налегал на спиртное, не обращал никакого внимания на Анжелику и говорил только с сыном. Анжелика же выглядела несколько нездоровой и едва прикоснулась к еде. Эндрю не понимал, что происходит. Как только закончили подавать блюда, Хэнсон-старший поднялся и попросил сына пройти в библиотеку на два слова. Закрыв дверь, Джон окончательно потерял человеческий облик и походил скорее на разъяренного быка, нежели на джентльмена.

– В чем дело? – потребовал ответа Эндрю.

– Ты не можешь жениться на этой женщине! – крикнул отец. – Я не позволю! Разорви помолвку, немедленно!

– С чего бы это? Я не понимаю. Ты ведешь себя как одержимый.

– Мне известно о ней кое-что, чего ты не знаешь. Она шлюха, Эндрю, и заявила сюда за нашими с тобой деньгами.

Впрочем, будь это правдой, Анжелика согласилась бы на его предложение в Париже – Джон прекрасно понимал это. Но он не позволит сыну жениться на даме, отказавшей ему самому! Тем более она мадам борделя! Сам он уже был достаточно стар и мог жениться на ком угодно, но у его сына вся карьера была впереди.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить вашу свадьбу. Прекрати это безобразие немедленно.

– Безобразие? Я люблю ее. Она чудесный человек. Вы точно не знакомы друг с другом?

– Точно! – солгал отец. Не говорить же ему, что он встретил ее в борделе и предложил ей руку и сердце? Впрочем, теперь он боялся: Анжелика расскажет об этом Эндрю. Этого следует избежать. Джон не хотел, чтобы его сын знал такие вещи об отце. – Ты ничего не знаешь про нее, но я кое-что слышал. Она весьма знаменита в Париже. Что она тебе рассказывала?

– У нее два брата, и они все друг друга терпеть не могут. Родители умерли. В Париже она жила с супругом, но тот скончался, и она приехала сюда для смены обстановки. Я встретил ее на корабле. И что же такого ты о ней слышал? – Эндрю был обеспокоен, но скорее поведением отца. – Ты расстроен, что она из Европы? – Это было вполне похоже на Джона. Он тот

еще сноб.

– Нет, это никак не связано с тем, что она европейка, хотя, конечно, вовсе не обязательно ехать за океан для поисков подходящей супруги. Так вот, она уничтожит твою политическую карьеру в зародыше. И повторяю еще раз: я не позволю тебе жениться на ней! – проорал Джон. Его глаза налились кровью, на лбу выступила жила, настолько он взбесился. – Потребуй, пусть расскажет тебе всю правду, и еще посмотрим, как она себя поведет! Уверяю, с тем, что она рассказывала тебе, истина не имеет ничего общего!

Эндрю и бровью не повел.

– Конечно, я спрошу ее, но Анжелика – честный человек. У нас у всех есть скелеты в шкафу. Уверен, она скажет мне правду. Что же до твоих слов, отец... Мне тридцать лет. Ты не можешь запретить мне жениться или указывать, на ком мне следует жениться. Я не желаю, как ты, заключить брак с женщиной из «правильной» семьи, ненавидеть супругу и жить тридцать лет в одиночестве. Ты однажды уже посоветовал мне жениться на одной почтенной даме, и смотри-ка, чем это кончилось! Сбежала перед алтарем с моим лучшим другом! – Эндрю тоже разозлился. Отец еще никогда не вел себя так отвратительно.

– О, уверен, и эта девка тебе тоже изменит, долго ждать не придется, вот увидишь. А моя женитьба на твоей матери – не твое дело, сынок.

– Я всю жизнь наблюдал, как вы с матушкой едва можете находиться в одной комнате. Мне такого не надо, – ответил Эндрю.

Джон прекрасно понимал: сын прав, но стоял на своем:

– Брось ее. Ты будешь сожалеть, если не послушаешь меня сейчас. Я никогда не приму ее в своем доме и не захочу с ней видеться.

– Не думаю, что у Анжелики когда-либо возникнет желание с тобой встретиться или переступить порог твоего дома после сегодняшнего ужина, – холодно ответил Эндрю. – Спокойной ночи, отец. Спасибо за прием. – Хэнсон-младший вышел из библиотеки и захлопнул за собой дверь.

Джон бессильно упал в кресло. Он чувствовал себя так, словно ему больше ста лет. Она отвергла его, а сейчас выходит за Эндрю. Он хотел Анжелику для себя и был готов дать ей все, но выиграл его сын. Сейчас Джон не мог решить, кого ненавидит больше: Анжелику или родного ребенка.

Глава 19

По дороге в отель Эндрю и Анжелика хранили молчание. Он думал об отце, Анжелика – о том, какую ярость должен испытывать ее жених по отношению к ней. После сегодняшнего вечера она вряд ли увидит его когда-нибудь. Джон наверняка все рассказал сыну, и конечно, Эндрю не женится на ней.

Швейцар помог Анжелике выйти из кареты.

– Могу я подняться в номер? – Хэнсон серьезно смотрел на невесту.

Анжелика кивнула. Там она и вернет ему кольцо. Эндрю мог ничего не объяснять. Она и так понимала, что не заслужила его. Но как жестока судьба! Кто бы мог подумать, что Джон Карсон окажется отцом ее возлюбленного? Хуже могло быть, только если бы она переспала с Хэнсоном-старшим. Тогда Анжелика точно не смогла бы смотреть жениху в глаза.

Как только они вошли в номер, Хэнсон нежно обнял Анжелику за плечи.

– Нам надо поговорить. Отец сказал, что я многого о тебе не знаю. Я люблю тебя, и мне безразлично твое прошлое. Но если я собираюсь стать твоим мужем, я должен знать всю правду, чтобы в будущем мы не оказались в ситуации, подобной той, что случилась этим вечером.

Пока он говорил, по щекам Анжелики текли слезы.

– Я не заслуживаю тебя, – ответила она сдавленным голосом. – Тебе вернуть кольцо? – Анжелика начала снимать его, но Эндрю остановил ее:

– Ни в коем случае. Пожалуйста, расскажи мне сейчас все, без утайки. – Он догадывался, на что намекал отец, но хотел знать точно. – Между нами не должно быть секретов.

– Моя мать умерла после родов. Она была француженкой – это тебе уже известно. В ней текла кровь Бурбонов и Орлеанского дома, и ее семья погибла во времена революции. Мой отец – Филипп, герцог Уэстерфилд, – состоял в родстве с королем Англии. Он очень любил меня. Мы жили в большом замке Белгрейв, в Хартфордшире. Это очень красивое поместье. Однако у отца было еще два сына от первой жены, которые ненавидели меня и мою мать. Старший брат, Тристан, последние несколько лет жил в особняке на Гросвенор-сквер. Его жена, довольно неприятная особа, и две дочери разделяют чувства брата ко мне.

Эндрю внимательно слушал.

– После смерти отца по закону титул, состояние, Белгрейв, особняк в Лондоне – все перешло Тристану. Отец не мог ничего оставить мне. Брат пообещал ему, что позволит мне жить в большом коттедже на территории поместья, но не сдержал слова и выдворил меня из дома. Вечером после похорон новый герцог заявил, что я буду обузой для него и больше не имею права находиться в замке. Он подыскал мне место няни в одном семействе в Гэмпшире, куда я и уехала на следующий день. Мне было восемнадцать лет. Все, что у меня осталось, – это драгоценности матери и двадцать пять тысяч фунтов, переданных отцом незадолго до кончины. Так я стала няней при шестерых детях. Наниматели оказались очень испорченными богачами, а вот дети мне понравились. Шестнадцать месяцев я заботилась о них. – Затем Анжелика рассказала о Бертраме. – После этого меня уволили без рекомендательного письма. Чем мне это грозило, я поняла только потом, когда не смогла найти работу в Лондоне.

Эндрю подозревал, что услышит дальше.

– Мне посоветовали поискать работу во Франции. Однако и там повторилось все то же, что и в Лондоне.

– Тебе необязательно рассказывать, что было дальше, – мягко вмешался Хэнсон, не желая повергать Анжелику в стыд и унижение.

– Обязательно. Ты же сказал, что хочешь знать все. Я приехала в Париж и остановилась в отеле, пытаюсь сообразить, что делать дальше. – Анжелика рассказала ему про Фабьенн и про то, что узнала от француженки. – Я не хотела закончить как они. Ими пользовались все: мадам, сутенеры, клиенты. Девушек постоянно били и отбирали все деньги. И я решила использовать часть денег, оставленных мне отцом, чтобы открыть... заведение. Я хотела, чтобы это было лучшее заведение в Париже, с лучшими женщинами для лучших мужчин.

Эндрю, не веря своим ушам, ошеломленно воззрился на невесту:

– Ты открыла бордель?

Его потрясла ее смелость.

– Да, – тихо проговорила Анжелика, – именно. Все шло чудесно, и мы хорошо зарабатывали. Деньги я честно делила с работницами. Это действительно был лучший дом Парижа, – гордо заявила она.

Эндрю рассмеялся. Ему было трудно поверить, что Анжелика способна на такое. Она казалась столь юной, столь кроткой.

– Нас посещали самые влиятельные мужчины Парижа, – продолжила Анжелика. – Но однажды в заведении произошел страшный инцидент. – И она рассказала про убийство. – Министр внутренних дел, наш своего рода покровитель, помог избежать скандала. Он посоветовал мне закрыть

бордель и уехать на полгода-год, пока все не утрясется. Я собиралась пробыть здесь полгода и вернуться. Но на корабле я встретила тебя и влюбилась. – Анжелика взглянула на Эндрю широко распахнутыми невинными глазами. – Теперь и ты знаешь все. Рассказывать больше нечего.

Но оставалась одна деталь. Хэнсон хотел ее уточнить.

– Анжелика, я вовсе не имею права спрашивать, но мне все-таки хотелось бы узнать это от тебя. Ты тоже обслуживала клиентов?

Она покачала головой:

– Нет, я только управляла борделем. Я еще девственница, – тихо произнесла она. – Некоторые джентльмены звали меня Снежной королевой. Я вела с ними беседы, играла в карты, но дальше этого дело никогда не заходило, и, думаю, они уважали меня за это.

– Впечатляющая история – о храбрости и исключительных способностях, – промолвил он. Хэнсон чувствовал: Анжелика говорит правду. Он доверился ей полностью – и не зря. И за все трудности, через которые ей пришлось пройти, он полюбил Анжелику еще больше. Да, отец прав – она солгала ему, но после услышанного уважение Эндрю к ней только выросло. Кроме того, на ее месте он тоже соврал бы.

– Мне жаль, что я побоялась тебе сразу во всем признаться. Я думала об этом, но не знала, как подступиться. Как же твоя политическая карьера? Разве тебе не навредит мое прошлое? Если твой отец слышал обо мне, полагаю, и другим людям здесь многое известно, – сказала она.

– Возможно. Но я не беспокоюсь на этот счет. В Америке политики творят вещи гораздо худшие и выходят сухими из воды. Да и кто в это поверит? История поистине удивительная.

Анжелика кивнула, благодарная Эндрю за то, что он выслушал ее. Однако снова принялась снимать кольцо.

Но Хэнсон вновь остановил ее:

– Я люблю тебя, Анжелика. Спасибо, что рассказала мне правду. Я хочу жениться на тебе. Твое прошлое ничего не меняет. Я только хочу, чтобы ты пообещала мне впредь не бояться говорить правду. – Эндрю сделал паузу. Одна мысль не давала ему покоя. Он должен был задать этот вопрос. – Ты видела моего отца там, в своем заведении? Он бывал у вас?

Она смотрела в глаза жениху, мучаясь над тем, как ей ответить. Анжелике казалось, что у нее нет права разрушать отношения между отцом и сыном. Кроме того, Джон мог иметь секреты от сына.

Прежде чем ответить, Анжелика поклялась себе: это последняя ложь, которую она скажет любимому.

– Нет, я никогда не видела его там.

– Хм, я просто задумался на миг. Это на него не похоже, но никогда не знаешь наверняка. Отец был так разъярен... Завтра я поговорю с ним, – сказал он и поцеловал ее.

Анжелика посмотрела на Эндрю. В ее глазах застыло удивление.

– Ты веришь мне? Клянусь, я больше никогда не буду тебе врать.

– Абсолютно верю. Я люблю тебя, – промолвил Хэнсон и не смог сдержать смеха. – Поразительно. Я вот-вот женюсь на мадам и герцогине.

– Я не герцогиня, – строго возразила Анжелика, – эта честь принадлежит супруге моего брата. Но мадам – это точно, – она тоже рассмеялась.

Эндрю обнял Анжелику и крепко поцеловал. Все, чего он хотел, – это как можно скорее обвенчаться с ней.

На следующий день Эндрю встретился с отцом.

– Анжелика мне все рассказала, – объявил Хэнсон-младший, глядя Джону прямо в глаза.

– Вот как? – ответил тот, не отводя взгляд. – И что же именно включает в себя это «все»?

Джон испугался не на шутку. Вдруг она рассказала Эндрю о нем?

– Брат выгнал ее из дома после смерти их отца, она служила няней, затем ей пришлось уехать в Париж, где она открыла бордель. Похоже, это было весьма шикарное местечко.

Джон помрачнел еще больше. Он отвел глаза, не в силах выдержать взор сына и страшась дальнейших слов.

– Не знаю и не хочу знать, – проговорил Хэнсон-старший. Он не осмеливался спросить, рассказала ли Анжелика про то, как встретилась с Карсоном. Однако Эндрю молчал, хотя вряд ли бы удержался от комментариев и обвинений, узнай такое. – Что же твои политические амбиции? Как думаешь, чем грозит тебе, если кто-то узнает, что твоя жена – шлюха?

– Она вовсе не шлюха, – гневно ответил сын. – Она лишь мадам. Для девушки двадцати лет, дочери герцога, я считаю, это чертовски впечатляющее достижение.

– Сын мой, ты сошел с ума. – Но Джон слишком хорошо понимал Эндрю. Он ведь и сам обезумел, пытаясь заполучить Анжелику. – Я не уверен, что общество распознает разницу между мадам и проституткой. Для большинства людей это одно и то же.

– Она управляла собственным делом.

– Эндрю, будем называть вещи своими именами. Твоя невеста управляла борделем, притоном! Спала она за деньги или нет – не важно. Вряд ли эта история поможет тебе стать сенатором или тем более президентом – если ты, конечно, хочешь достигнуть каких-то высот в политике. Если правда выплывет наружу, скандал разрушит любые твои планы.

– Меня это заботит не так сильно, как тебя. Анжелика стоит того, чтобы рискнуть. Я люблю ее и женюсь на ней, с твоего согласия или без него.

Некоторое время Джон молчал. Он не хотел терять сына, но и простить Анжелику не мог. Хэнсон-старший никогда никого не прощал и ничего не забывал.

– Поступай как знаешь, – наконец ответил он. – Я считаю, ты глупец, раз женишься на ней, и не хочу иметь с ней ничего общего. Я не якшаюсь с женщинами, подобными ей, – солгал Джон. – И тебе не рекомендую. Я молю тебя изменить свое решение.

– Со своей стороны и я прошу тебя передумать, отец. Анжелика ведь будет твоей невесткой и однажды станет матерью твоим внукам.

Джону стало плохо от таких слов. Он желал, чтоб она стала его невестой, а вовсе не невесткой. Больше он ничего не сказал сыну, и Эндрю ушел.

– Как прошла беседа с отцом? – взволнованно спросила Анжелика, когда они с Хэнсоном встретились за обедом.

– Иногда он поступает совершенно неразумно, – тихо проговорил Эндрю. – Раз он решил противиться моему решению, я не собираюсь долго ждать. Давай обвенчаемся через неделю-две. Я хочу жить с тобой.

Анжелике понравилась эта мысль, и накануне Нового года состоялась церемония бракосочетания. Кроме жениха и невесты, на ней присутствовали только двое ближайших друзей Эндрю.

На следующий день молодожены отправились на две недели на роскошный курорт Гринбрайер в Вирджинии.

После свадьбы Эндрю не виделся с отцом и не спешил встречаться с ним.

Спустя месяц после путешествия в Вирджинию Анжелика поняла: она беременна. Началась новая жизнь, и мечты становились былью.

Глава 20

Анжелика написала миссис Уайт о том, что вышла замуж, о том, как она счастлива, и, конечно, о беременности. Экономка и Хобсон были очень рады за нее.

Весной Анжелика получила от миссис Уайт письмо, из которого узнала, что Эдвард погиб в результате несчастного случая во время охоты. Он был похоронен в Белгрейве, в спальне рядом с отцом. Анжелика подумала, не написать ли Тристану и не выразить ли свои соболезнования, но Эндрю отговорил ее.

– Он этого не заслужил, – сказал муж, и Анжелика согласилась.

После злопамятного вечера она больше не видела Джона, хотя Хэнсон-старший иногда обедал с сыном. Эндрю сообщил отцу, что тот скоро станет дедом. Почтенный джентльмен отреагировал на это известие раздраженно: он не желает ничего слышать о жене сына.

Дела Эндрю шли весьма хорошо. В ноябре должны были состояться внеочередные выборы в конгресс, и мистер Хэнсон считал это отличным шансом для себя. Анжелика волновалась за него и надеялась, что сможет быть бок о бок с ним в последние недели перед выборами.

В мае чета въехала в новый дом на Вашингтон-сквер. Все в нем оказалось чудесно и прекрасно, как они и надеялись. Ребенок должен был появиться на свет в начале октября.

В июне пришло письмо от Фабьенн. У нее родился сын Этьен, и они с Жаком пребывали на седьмом небе от счастья. Анжелика с нетерпением дожидалась своего часа и обустроила совершенно чудесную детскую. Однако они с Эндрю немного повздорили насчет ухода за ребенком. Анжелике хотелось ухаживать за малышом самой, а Хэнсон рассчитывал появляться с супругой в обществе и потому настаивал на няне. В итоге супруги пришли к компромиссу: они наймут в помощь молодую даму, но Анжелика будет активно участвовать в воспитании ребенка, не уподобляясь Евгении Фергюсон и другим дамам высшего света.

На лето супруги уехали в Саратога-Спрингс. В сентябре Эндрю полностью погрузился в политические мероприятия, связанные с избирательной кампанией. Анжелике же пришлось сидеть дома. Она жаловалась на скуку и уставала больше, чем могла признаться.

Первого октября у Анжелики начались роды. Они проходили долго, в больших мучениях. Анжелика потеряла очень много крови и боялась, что

умрет, как и Мари-Изабель. Но все обошлось, и в ночь с первого на второе октября, за океаном, родился наследник герцога Уэстерфилда и замка Белгрейв. Эндрю все время находился рядом с женой.

– У вашей супруги случилась так называемая «плацента previa», – объяснил ему доктор. – Некоторые роженицы истекают кровью и умирают. Вам повезло, но для полного восстановления ей необходим постельный режим. – Доктор серьезно посмотрел на Эндрю. – Я не рекомендовал бы вам в будущем заводить детей. Вы можете потерять супругу или ребенка, а возможно, и обоих.

Мистер Хэнсон был не на шутку испуган и благодарил Бога, что его жена и сын живы и здоровы.

Когда Анжелика пришла в себя, они договорились, что больше она рожать не будет. Сына назвали Филипп Эндрю.

Мистер Хэнсон улыбался про себя, думая о династических перипетиях семейства Латэмов. Мысль, что его сын однажды станет герцогом, вызывала в нем очень странное чувство. Эндрю радовался тому, что британские законы наследования оставят в дураках обидчика Анжелики. В то же время титул почти ничего не значил для Эндрю, но вот Анжелика и их сын значили для него очень и очень многое.

Глава 21

Спустя шесть недель Эндрю с огромным перевесом голосов победил на выборах. Анжелика была еще слишком слаба, но пришла поддержать супруга на присяге и гордилась им. Эндрю был счастлив.

Единственным разочарованием стал отказ Джона видеть внука. Хэнсон-старший все еще страстно ненавидел невестку.

В январе, когда силы полностью вернулись к Анжелике, ребенка крестили. Она была красива, как всегда, и блистала на приеме, устроенном по случаю крестин.

Через нью-йоркского адвоката Анжелика послала Тристану извещение, в котором доводила до сведения герцога Уэстерфилда, что у него появился правомочный наследник. Хотела бы она видеть лицо брата, когда тот узнает эту новость! Пусть брат и изгнал ее из Белгрейва, титул и замок получит ее сын. Справедливость восторжествует.

Время летело быстро. Спустя три года после избрания Эндрю в конгресс Хэнсон-младший принял участие в выборах в сенат. Однако за три недели до голосования один настойчивый репортер докопался до прошлого Анжелики, и информация утекла в прессу. Анжелика подумала, не приложил ли к этому руку Джон, но решила, что тот вряд ли стал бы вредить сыну.

В любом случае разгорелся скандал, и о победе на выборах можно было забыть. Эндрю снял свою кандидатуру и выступил с заявлением о своей необычайной, преданной, любящей супруге. Он ушел из политики и вернулся к юридической практике.

Прошлая жизнь казалась Анжелике сном. Время от времени она вспоминала Томаса, наставника, друга и защитника, и молилась о его благополучии.

Анжелика поддерживала связь и с некоторыми из своих бывших работниц. Амбре вышла замуж и родила двоих детей. Жак и Фабьенн воспитывали уже четверых, Камилла продолжала выступать на сцене. У Агаты появился новый покровитель.

Миссис Уайт держала Анжелику в курсе дел в Белгрейве. Обе дочери Тристана вышли замуж за джентльменов с незначительными титулами и состояниями. Хобсон сильно постарел, но все еще справлялся с обязанностями дворцового замка. Миссис Уильямс подумывала уйти в

отставку.

На одном званом вечере в Нью-Йорке Анжелика услышала, что Гарри Фергюсон узнал об изменах супруги и сбежал в Италию с графиней! Евгения была вне себя.

Осенью маленькому Филипу исполнилось четыре года. Анжелика с удовольствием показала бы ему Белгрейв, но, к сожалению, это было невозможно. Тристан и его юристы так и не ответили на извещение о рождении Филипа, но это ничего не меняло.

Накануне Рождества Анжелика получила письмо от миссис Уайт, в котором экономка сообщала, что Тристан погряз в серьезных денежных проблемах и был вынужден уволить большую часть штата прислуги. Однако экономка еще оставалась в замке – они слишком нуждались в ее помощи.

На Новый год Хэнсоны пригласили много гостей. Прием устраивался не только в честь праздника, но и в честь пятой годовщины их свадьбы.

Эндрю, как часто бывало, опаздывал. Анжелика облачилась в роскошное красное платье, сшитое специально к торжеству, и надела бриллиантовые сережки, подаренные мужем на прошлую годовщину. В это время раздался стук в дверь, и в комнату вошла миссис Партридж. Лицо экономки было серым. Анжелика испугалась за сына.

– Вам лучше спуститься вниз как можно скорее, – проговорила домоправительница.

В холле Анжелику ждали трое полицейских.

– Могу я поговорить с вами наедине, мэм? – спросил один из них.

Анжелика проводила его в библиотеку. Полицейский снял фуражку и грустно посмотрел на хозяйку:

– Дело в вашем муже. Он спешил, когда выходил из офиса, и не посмотрел на дорогу. Лошадь врезалась в него со всей силы, и он упал, ударившись головой о мостовую. Мне очень жаль, мэм...

– Он в больнице? – спросила Анжелика, затаив дыхание. Неважно, в каком он состоянии, главное – чтобы был жив.

Полицейский покачал головой.

– Он... в морге.

Анжелика медленно опустилась в кресло, ошеломленная услышанным. Не может быть. Не может быть. Они же так любили друг друга...

– Мне очень жаль, мэм, – повторил полицейский, боясь, что она вот-вот упадет в обморок. – Вы хотите, чтобы я послал за кем-нибудь? Принести вам стакан воды?

Анжелика покачала головой. Сначала она сидела молча, а потом заплакала. Кого ей звать, кроме Эндрю, который для нее значил все? Как она будет жить без него? Как она будет просыпаться каждое утро, зная, что его нет в живых? Ей хотелось самой умереть, хоть она и знала: придется жить ради сына.

Полицейский не знал, как поступить, но в конце концов вышел из библиотеки и сообщил все подробности домоправительнице. Миссис Партридж осторожно отвела хозяйку в спальню и оставила под присмотром Клары. Затем она оповестила главного лакея. Приехавшим гостям сообщили о случившемся, и они разъехались по домам. Приготовленный ужин был отдан слугам и бедным, а на входную дверь повесили черный венок. Экономка спросила полицейского, оповестили ли они отца мистера Хэнсона, и тот ответил, что они решили жену оповестить первой, а сейчас отправятся к мистеру Хэнсону-старшему.

Анжелика проплакала всю ночь. Она никого не хотела видеть, никто не мог ее утешить. В Эндрю заключалась вся ее жизнь.

* * *

На похороны Эндрю собрались сотни людей – друзья, клиенты, партнеры и оппоненты в бизнесе и политике. Хэнсон-старший и Анжелика стояли поодаль друг от друга и не обменялись ни словом.

Когда гроб опускали в землю, Филипп, которого Анжелика держала на руках, чуть не разорвал ей сердце, спросив, не в коробке ли папа. Анжелика кивнула. Дед украдкой посматривал на внука, но так и не заговорил ни с ним, ни с миссис Хэнсон.

Следующие несколько месяцев дом Хэнсонов походил на усыпальницу. Все были мрачны, вдова не выходила из особняка и не принимала гостей.

Эндрю оставил супруге внушительное состояние, и она стала богатейшей женщиной, но богатство не могло ей вернуть мужчину, которого она любила больше всего на свете.

В мае пришло письмо от миссис Уайт.

Тристан признал себя банкротом. У него ничего не осталось. Замок Белгрейв и лондонский особняк выставлены на продажу. Элизабет была в ярости на Тристана, и они перестали разговаривать. Герцог утверждал, что переедет с супругой в небольшой дом в Лондоне, если только новый владелец имения не позволит им снимать коттедж в поместье. Впрочем, все

деньги с продажи замка и особняка должны были пойти на оплату громадных долгов, так что было непонятно, на какие деньги Тристан планировал арендовать дом в столице или коттедж в Хартфордшире. Наследство Филиппа оказалось под угрозой.

Анжелика перечитала письмо и отправилась к нотариусу Эндрю. Патрик Мерфи последний раз видел вдову в январе, когда зачитывал завещание Эндрю, но слышал, что она находится в жутком состоянии и ведет затворнический образ жизни. Анжелика изложила ему суть дела.

– Я отправляюсь в Лондон как можно скорее, и мне нужен агент. Вы можете порекомендовать кого-то?

– Что именно вы хотите? – с симпатией посмотрел на нее Мерфи. – Помочь брату с его долгами?

Он ничего не знал о семейных отношениях Анжелики и Тристана.

– Конечно же, нет! – Анжелика чуть не оскорбилась. – Я собираюсь купить его недвижимость, причем он не должен знать личность покупателя, если это возможно. Он может узнать мое имя только после совершения сделки.

Нотариус был сильно удивлен таким требованием, но заверил Анжелику, что это вполне осуществимо.

– Что насчет дома на Гросвенор-сквер? Его вы тоже планируете купить?

– Нет, – немного поразмыслив, ответила Анжелика. – Мне не нужна резиденция в Лондоне, да и отцу она никогда не нравилась. Но я хочу, чтобы мой сын жил в имении, которое однажды унаследует. Я могу сохранять право собственности, пока он не достигнет совершеннолетия.

– Вы собираетесь продать дом в Нью-Йорке? – удивлению Мерфи не было предела.

Анжелика задумалась. Определенно, жить в доме Эндрю было слишком больно.

– Не знаю, – честно ответила она. – Однако я решительно настроена купить замок Белгрейв. Пожалуйста, не допустите, чтобы кто-то купил замок до того, как я прибуду в Англию. Объясните все это лондонскому партнеру. Что бы ни предложил любой другой покупатель, я готова заплатить бóльшую цену. Я не собираюсь вновь терять Белгрейв.

Вернувшись домой, Анжелика вызвала к себе Клару и миссис Партридж и сообщила, что вскоре отправится в Англию вместе с сыном.

– Когда же вы вернетесь, мэм? – обеспокоенно спросила экономка. Слугам нравилось работать на миссис Хэнсон, и они не находили себе места, видя, как она горюет после смерти мужа.

– Не знаю, – с грустью ответила Анжелика. – У меня семейные дела в Лондоне, и чтобы с ними разобраться, потребуется некоторое время.

У нее не хватило смелости сообщить им, что она переезжает. Впрочем, Анжелика еще не была уверена в этом.

Анжелика приобрела билеты на судно «Северная Америка», отплывавшее в Ливерпуль через четыре дня. Она не собиралась терять время. Нельзя допустить, чтобы Тристан в отчаянии продал Белгрейв первому попавшемуся покупателю.

Клара начала паковать вещи.

– Мы долго пробудем в Лондоне? – взглянула она на хозяйку.

– Возможно. Я надеюсь. Мы возвращаемся в дом, где я выросла.

И тут Анжелика поняла: ее легенда воплотилась в жизнь. Когда она плыла в Америку, она представилась вдовой двадцати шести лет. Тогда это была ложь. Но теперь...

Следующие три дня в доме царила суматоха. Все собирали вещи хозяйки и Филиппа.

Накануне отъезда, когда Анжелика упаковывала последние вещи, к ней вошла миссис Партридж и сообщила, что внизу ждет гость.

– Кто? – спросила Анжелика.

– Боюсь, я не знаю, – в замешательстве ответила экономка. – Полагаю, это отец мистера Хэнсона, мэм. Он представился Джоном Хэнсоном. Я никогда не видела его раньше.

Анжелика в смятении спустилась. С чего бы это он решил заговорить с ней? Может быть, стоит его прогнать? Впрочем, нет.

Она нашла Хэнсона-старшего в библиотеке и поразились тому, как сильно он постарел. На похоронах Анжелика все списала на горе, но сейчас Джон стал совсем стариком.

– Добрый день, – произнесла она. – Надеюсь, ваши дела в порядке.

Он обернулся. Да, Анжелика все такая же красавица, пусть и страшно исхудала, а в глазах куда больше печали.

– Патрик Мерфи сообщил мне, что вы покидаете Нью-Йорк.

– Да, это так.

– Я хотел попрощаться с вами перед отъездом. Я давно хотел поговорить с вами, но... Так и не смог найти подходящего времени. Я прошу прощения за свое поведение перед вашей с Эндрю свадьбой. Мне стыдно и горько. До его смерти я не мог взглянуть правде в глаза – я злился не на ваше прошлое, а на то, что вы отвергли мое предложение и приняли предложение Эндрю. Я понимал это, но не хотел признать. – Он опустился в кресло и выглядел совершенно уничтоженным. – После стольких лет

одиночества я безумно хотел заполучить вас. Я считал вас любовью моей жизни. А затем вы вышли за Эндрю, и я ревновал к собственному сыну! – Из его глаз потекли слезы.

Пораженная, Анжелика не знала, что ответить на такое признание и только надеялась, что Джон не повторит свое предложение.

– Причина, по которой я хотел поговорить с вами сегодня... Я хотел поблагодарить вас за то, что не выдали меня сыну. Вы не сказали ему, что мы встречались с вами в борделе. Вы поступили чрезвычайно великодушно. Я не заслужил такой доброты. Вы были честны с ним, я – нет. И теперь я не могу найти себе места от стыда. Вы – благородная, добрая женщина, а я никогда не признавал этого перед сыном. Я потратил впустую столько лет, злясь на вас с Эндрю. А ведь все это время мы могли бы быть вместе. А сейчас вы вместе с мальчиком уезжаете.

– Но вы были правы – я разрушила политическую карьеру Эндрю, – с сожалением ответила Анжелика.

– Я думаю, на нем это никак не отразилось, – честно возразил Джон. – Сын был абсолютно счастливым, пока был женат на вас. Ну а политика – это скорее моя мечта, чем его.

– Спасибо вам, – мягко проговорила она.

Они забыли старые обиды. Война закончилась.

– Вы вернетесь? – взволнованно спросил Хэнсон.

Анжелика не хотела ему лгать и ответила честно:

– Скорее всего, нет. Посмотрим, понравится ли там Филиппу. Но я предпочла бы, чтобы он вырос в моем старом доме. Я собираюсь купить имение у брата. Это замечательное место для ребенка. Лучше Нью-Йорка.

Джон кивнул и умоляющим взглядом посмотрел на нее.

– Могу я увидеть мальчика? Он вылитый отец.

Немного поколебавшись, Анжелика отправилась в детскую. Филипп с няней собирал любимые игрушки. Он был возбужден, предвкушая путешествие на корабле.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – тихо проговорила Анжелика, садясь на маленький стул рядом с сыном.

– Кто это? – спросил мальчик.

– Твой дедушка, папин отец.

Филипп выглядел весьма удивленным.

– Я его раньше видел? – спросил он.

– На похоронах папы.

– Тогда почему он там со мной не поговорил?

– Наверное, слишком грустил, как и все мы. Но сейчас он хотел бы с

тобой увидеться.

Анжелика взяла сына за руку и повела в библиотеку.

– Здравствуйте, юноша, – улыбнулся дед и поманил внука рукой. – Я слышал, вы собираетесь отправиться в плавание на большой лодке.

– Да, – мальчик улыбнулся и все рассказал Джону.

– А, мне кажется, это будет очень весело. И вы собираетесь в Англию?

Филипп кивнул.

– Я увижу дом другого дедушки. Однажды он будет моим, и я стану герцогом, – как ни в чем не бывало заявил он.

Джон улыбнулся.

– Впечатляет. Как думаете, вы будете носить корону? – дразнясь, спросил он внука.

Тот рассмеялся.

– Не знаю, мама не говорила мне. – Филипп обернулся к Анжелике и спросил: – Буду, мама?

– Нет, – ответила она, и все рассмеялись.

– Но я буду кататься на лошадках и рыбачить в озере.

– Звучит увлекательно. Как думаете, смогу я вас навестить как-нибудь? Или, может, вы изволите вернуться сюда и заглянуть ко мне.

– Если вы поедете ко мне в гости, придется плыть на лодке, – серьезно ответил мальчик.

– О, я иногда так и делаю, плаваю на лодке. Может, вы с мамой сможете как-нибудь заехать ко мне в Лондон, когда я буду там работать.

Филипп озадаченно кивнул – он немного запутался.

– Кажется, мне нужно закончить собирать вещи. Я везу с собой много игрушек.

Джон протянул внуку руку, тот пожал ее, сделал маленький поклон и вышел из библиотеки.

– Чудесный мальчик, – промолвил Хэнсон и посмотрел на Анжелику. – Я был таким глупцом...

– Вы приехали навестить его. Это уже начало, – сказала она, тронутая произошедшим.

– Могу я написать вам, когда приеду в Лондон? Я хотел бы навестить мальчика.

– Пожалуйста, мы будем рады, если вы станете приезжать к нему, – проговорила она.

Джон встал, и Анжелика проводила его до двери.

– Спасибо вам, что пришли и положили конец вражде. Теперь всем станет легче, – с улыбкой сказала она.

– Бесспорно, – согласился Джон. – Берегите себя, Анжелика, – добавил он нежно, поцеловал ее в лоб и вышел.

Он долго помнил женщину, которую когда-то встретил в Париже и которую так сильно возжелал. И наконец Джон отпустил эту память. Теперь все, что он чувствовал к ней, – это уважение.

Глава 22

Плавание прошло спокойно. У Анжелики не было желания ни с кем общаться. Она обедала и ужинала в каюте, играла с Филиппом, иногда прогуливалась по палубе, но ни с кем не разговаривала. Она хотела только одного – поскорее вернуться домой. Но что, если кто-то успеет купить Белгрейв до нее?

Как только они прибыли в Лондон, Анжелика сняла номер в отеле «Миварта» на Брук-стрит и сразу же отправилась к нотариусу Барклэй-Сквайрзу. Тот ожидал ее. Из справок, которые он навел, было ясно – герцог по уши в долгах и его положение действительно плачевное.

– Как я понимаю, вы желаете купить имение, оставаясь инкогнито, – проговорил он.

– Только на время заключения сделки. Дальше мне неважно.

– Могу я осведомиться о причинах такого решения? – Нотариусу было просто любопытно. Для дела это не имело значения.

– Боюсь, если Тристан узнает, что покупатель – я, он отменит сделку и продаст имение кому-нибудь другому, пусть и за меньшие деньги.

– Это было бы весьма неосмотрительно с его стороны. Насколько я понял из письма мистера Мерфи, вы готовы заплатить любую цену. И, откровенно говоря, вашему брату нужна громадная сумма денег. У него куча долгов, а его кредиторы не отличаются большим терпением.

– Я готова заплатить по всем его долгам, – тихо заявила Анжелика.

– Понимаю. Уже одно это сделает ваше предложение чрезвычайно привлекательным.

– Да, но, если Тристан узнает, кто я, он откажется. Брат ненавидит меня и выгнал из дома на следующий же день после того, как наследовал отцу.

– Итак, я сообщу ему, что покупатель – американец, который предпочитает оставаться инкогнито. Как, вы считаете, он отнесется к этому? – спросил нотариус.

– Он продаст все хоть горилле, лишь бы ему заплатили, – улыбнулась Анжелика.

– Вы уверены, что не хотите приобрести и лондонский особняк? Вы могли бы заключить выгодную сделку, выкупив и имение, и дом.

Она закачала головой.

– Я хочу жить в провинции, особняк в Лондоне мне ни к чему. Если

потребуется, я остановлюсь в отеле или куплю дом поменьше. Кроме того, у меня есть дом в Нью-Йорке.

– Я знаю агента мистера Латэма и свяжусь с ним завтра же. Где вы остановились?

– В отеле «Миварта». Я буду ожидать известий. Что вы намерены делать?

– Сначала узнаю их условия, а затем сделаю предложение, от которого нельзя отказаться. Я не намерен играть с ними в игры, – серьезно ответил нотариус.

– Отлично. Я хочу покончить со сделкой как можно скорее, – решительно произнесла Анжелика. В ее взоре чувствовалась железная воля. Эта леди знает, чего хочет, и не остановится ни перед чем, чтобы добиться своей цели.

– Я понимаю вас. Я сделаю все возможное для этого.

– Благодарю вас.

Они пожали друг другу руки, и Анжелика вернулась в отель.

Весь следующий день она провела как на иголках, пока не прибыл портье с известием, что мистер Барклэй-Сквайрз ждет ее внизу. Анжелика распорядилась проводить его к себе.

Нотариус незамедлительно приступил к делу:

– Все прошло замечательно. Они отчаянно хотят продать все поскорее и требуют тридцать тысяч фунтов. Это покроет все долги и обеспечит вашему брату выплату небольшой ренты. Он также желает снять у покупателя – то есть у вас – коттедж на территории имения.

– Ни в коем случае, – с ледяным взором ответила Анжелика.

– Я так и подумал и уже сообщил, что это невозможно.

– Благодарю, – с облегчением сказала Анжелика. – Итак, каково наше предложение?

– Двадцать восемь тысяч. Я бы еще снизил цену, но вы желаете сделать все поскорее. Они будут настаивать на тридцати тысячах, на том мы и договоримся.

– Нам не следовало сразу согласиться на заявленную цену?

– Я полагаю, так лучше, – уверенно ответил Браклэй-Сквайрз. – Нотариус вашего брата уже выехал в Хартфордшир и вернется ко мне завтра с новостями. Герцог в ужасном положении. Я думаю, мы очень скоро получим ответ.

– Поступали ли ему какие-то другие предложения?

– Нет. Долги всех напугали, кроме вас.

Анжелика улыбнулась, мистер Барклэй-Сквайрз пообещал связаться с

ней и ушел.

Действительно, на следующий день в полдень нотариус вернулся.

– Каков ответ? – затаив дыхание, спросила Анжелика.

– Тридцать. Я согласился и сообщил, что деньги они получат, как только будут подписаны бумаги. Думаю, ждать недолго. Кстати, вопрос о личности покупателя был задан, однако я сообщил, что не имею права разглашать имя своего клиента. Я только сообщил, что вы, дескать, богатенький американец, возжелавший на старости лет замок, и закатил глаза в отвращении. – Нотариус улыбнулся. – Кстати, герцог готов продать и титул тысяч за десять. Но я отказался от вашего имени.

– И правильно поступили. Мой сын и так унаследует его, когда брат скончается. Подождем.

Спустя два дня в офис нотариуса прибыли документы с подписью и печатью Тристана Латэма, герцога Уэстерфилда. Оставался только один вопрос: за какое время герцог должен освободить замок.

– Десять минут, – с улыбкой заявила Анжелика. – Сорок восемь часов, – поспешно добавила она. В ее глазах не было и тени жалости. Может, она и добрая женщина, но ее брат не заслуживал милосердия.

– Он может возмутиться, – предупредил мистер Барклэй-Сквайрз.

– Ха! Девять лет назад он мне дал на сборы только ночь.

– Я им передам, – тихо произнес юрист.

Следующим утром стало известно о кончине короля Вильгельма. В возрасте семидесяти одного года его настиг сердечный приступ. Поскольку он не оставил после себя законных детей, наследовала ему племянница Виктория, которой всего пару недель назад исполнилось восемнадцать. Анжелике показалось символичным, что во время ее собственного триумфального возвращения в Белгрейв на трон Великобритании взойдет женщина.

Она подписала бумаги своей нынешней фамилией и передала документы Барклэю-Сквайрзу. Тот незамедлительно отправился к нотариусу Тристана и сообщил про сроки освобождения замка.

– Герцогу это не понравится.

– Это условие заключения сделки, и он выразил свое согласие с ним подписью и печатью. Если герцог желает получить деньги, он покинет имение в срок, – железным тоном ответил представитель Анжелики.

– Хорошо, я сообщу ему, – ответил нотариус и отправился в Хартфордшир.

Когда Элизабет узнала, что они должны освободить замок за сорок восемь часов, она закричала:

– Ты не в своем уме?! Как я должна все упаковать за два дня?!

– У нас нет выбора, если мы хотим получить деньги. Это самая выгодная сделка, какую мы могли заключить. Жаль, что нам не позволяют остаться в коттедже, но у нас еще остался дом на Гросвенор-сквер, – попробовал Тристан успокоить жену, но безрезультатно. Когда Элизабет выяснила, насколько они погрязли в долгах, отношения с Тристаном резко испортились.

– О, это только до тех пор, пока твои кредиторы нас оттуда не вышвырнут. Повезло, что хоть замок купил этот американец. Ты не узнал, кто это?

– Нет, и мне плевать. Мы получили, что хотели, так что прекрати жаловаться и собирай вещи!

Два дня в Белгрейве царил суматоха. Слуги сновали туда-сюда, собирали вещи и грузили багаж в экипажи и повозки. Все нервничали из-за неопределенного будущего.

Элизабет уехала в Лондон на закате, а Тристан решил, что проведет ночь в собственной постели. Новому владельцу не понравится? Ну и черт с ним. Все равно он объявится здесь только через пару дней, не раньше.

Анжелика покинула Лондон на рассвете в наемном экипаже. Она хотела сначала осмотреть имение, а только затем привезти Филиппа. Впрочем, она была уверена, что благодаря миссис Уайт, Хобсону и замечательному штату прислуги все окажется в порядке.

Отныне замок Белгрейв и земли поместья принадлежали ей, Анжелике, а потом перейдут ее сыну, как и следовало. И если королевой Великобритании стала юная восемнадцатилетняя леди, то миссис Хэнсон уж и подавно справится с управлением имением. Жаль только, что Эндрю не смог дожить до этого. Надо надеяться, он смотрит на нее и сына с небес. Анжелике часто казалось, что он где-то рядом с ней, как и отец.

Дорога до Белгрейва оказалась длиннее, чем она помнила, и Анжелика потеряла всякое терпение. В полдень экипаж въехал в главные ворота замка. По щекам Анжелики потекли слезы. Вот ее родной дом. Ей казалось, она потеряла его навсегда – и вот она возвращается сюда девять лет спустя.

При звуках приближающегося экипажа слуги высыпали на улицу, готовые приветствовать новых хозяев. Кучер опустил ступеньки, и Анжелика вышла из кареты, придерживая юбки. Она посмотрела на встречавших ее людей. Многие из них были ей знакомы. Миссис Уайт поднесла руку ко рту, сдерживая возглас удивления. Хобсон не верил собственным глазам. Одна из служанок начала вытирать слезы передником.

Анжелика тоже плакала, бросившись к старым знакомым и стремясь обнять всех сразу.

– Ох, мое дорогое, дорогое дитя, – повторяла миссис Уайт, обнимая хозяйку.

Все сгрудились у входа. Кто-то улыбался, кто-то смеялся, а кто-то плакал от счастья. Наконец Хобсон раскрыл перед Анжеликой двери, и та вошла в замок. Это было похоже на путешествие во времени.

Анжелика бродила из комнаты в комнату, думая об отце и чувствуя его дух повсюду. Внезапно она услышала шаги на лестнице и вышла в холл.

Здесь она лицом к лицу встретила с братом, к их общему удивлению.

– Ты что здесь делаешь? – зло спросил Тристан, глядя на нее, как на призрак, явившийся к нему перед смертью.

– Тебя не должно быть здесь, – ответила Анжелика решительным тоном.

– Ни одного из нас не должно быть здесь. Я только что продал все американцу, – сказал он, глумясь над тем, как снова забрал у сестры родной дом. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Мне об этом известно, – тихо ответила она. – Я вернулась взглянуть на замок.

– Что ж, тебе лучше убраться, пока он не приехал.

– Нового хозяина не будет до второй половины дня.

– И откуда тебе об этом знать? Вижу, у тебя здесь еще есть шпионы, но тебе это не поможет.

Анжелика слушала брата вполуха. Она была слишком счастлива снова оказаться дома, и даже он не испортит этот момент. Победила она – пусть Тристан пока и не знает об этом.

– Я слышал о твоих приключениях в Париже. Не удивлен, что ты оказалась в борделе. Тебе там самое место. – Анжелика на миг задумалась, откуда он об этом узнал. Впрочем, неинтересно. – Ты вся в мать, во французскую шлюшку, соблазнившую моего отца. Он трясся над ней, а потом над тобой.

Его слова будто сочились ядом, но она не удостоила его речь ответом.

– Будешь скучать по всему этому? – холодно улыбнулась Анжелика брату. – Жаль, ты не смог продать и титул. Впрочем, тому, кому все это теперь принадлежит, не нужен твой титул – у него есть свой.

После этих слов Тристан посмотрел на сестру с абсолютной ненавистью, мечтая удушить ее голыми руками. Но она не боялась его. Наконец Тристан понял, что случилось.

– Ты... ты... – Он не знал, как ей это удалось, но определенно дом

купила она. Он и предположить не мог, что скрытный американец – женщина, да вдобавок его сестра.

– Я купила Белгрейв для сына. А ты сейчас находишься незаконно на чужой территории. Тебе следовало покинуть имение прошлой ночью.

– Я уеду, когда пожелаю.

– Нет, Тристан, нет. Убирайся из моего дома, иначе я пошлю за констеблем. Твое место не здесь. И в общем-то, никогда не было здесь. Если хочешь получить деньги, держись подальше от меня и от моих земель. Белгрейв тебе больше не принадлежит.

Тристан промчался мимо нее, у выхода обернулся, но не нашел, что сказать, и вышел, захлопнув за собой тяжелую дверь. Анжелика с облегчением выдохнула. Кошмар, длившийся девять лет, закончился.

Оставшуюся часть дня она провела, осматривая дом. Некоторые изменения оказались вполне терпимы, некоторые стоило убрать. Анжелика не могла решить, в какой спальне ей расположиться. Не в отцовской, это точно. Наконец она решила вернуться в свою старую комнату, а маленького Филиппа с няней поселить в особенно солнечных комнатах по соседству.

Штат слуг сильно сократился.

– Многих уволили, когда деньги кончились, – объяснила миссис Уайт.

Анжелика задумчиво взглянула на домоправительницу.

– Знаете, если бы вы не написали мне, я никогда не купила бы дом и он оказался бы собственностью незнакомца. Благодарение Богу за ваши письма.

Экономка улыбнулась, еще немного ошеломленная возвращением хозяйки. Это походило на сон.

– Мне очень жаль вашего мужа.

– Он был прекрасным человеком. Он вам понравился бы, – заверила ее Анжелика, – а ему понравилось бы тут. Жду не дождусь, когда придет сын. В конюшнях еще остались лошади?

– Несколько. Лучших продали, но у нас плохих никогда не бывало, так что оставшиеся вполне хороши.

Надо научить Филиппа верховой езде. Впрочем, ему многому предстояло научиться.

При звуках приближающегося экипажа они вышли на улицу. Вышел и Хобсон. Кучер открыл дверцу кареты, и Хобсон помог Филиппу спуститься.

– Добрый день, милорд. Добро пожаловать в Белгрейв, – серьезно произнес он и улыбнулся.

Будущий герцог осторожно улыбнулся в ответ, а потом обнял мать.

– Мама, я уже герцог?

Анжелика рассмеялась.

– Нет, еще нет. И возможно, долго им не будешь.

Затем она показала сыну новый дом, рассказывая о собственном детстве, о Филиппе-старшем, о рыбалке и многом, многом другом.

– Смотри, мама, озеро! – радостно возопил внук прежнего герцога Уэстерфилда. – И все это принадлежит нам?

– Да, – нежно ответила Анжелика. – И однажды все это станет твоим.

– Мне здесь нравится, – решил мальчик и с улыбкой повернулся к матери.

– Я рада, – мягко ответила она. – Мне тоже здесь нравится.

Все встало на свои места. Судьба вернула ее назад, в Белгрейв. Мать и сын выглянули в окно и всем сердцем почувствовали: они дома.